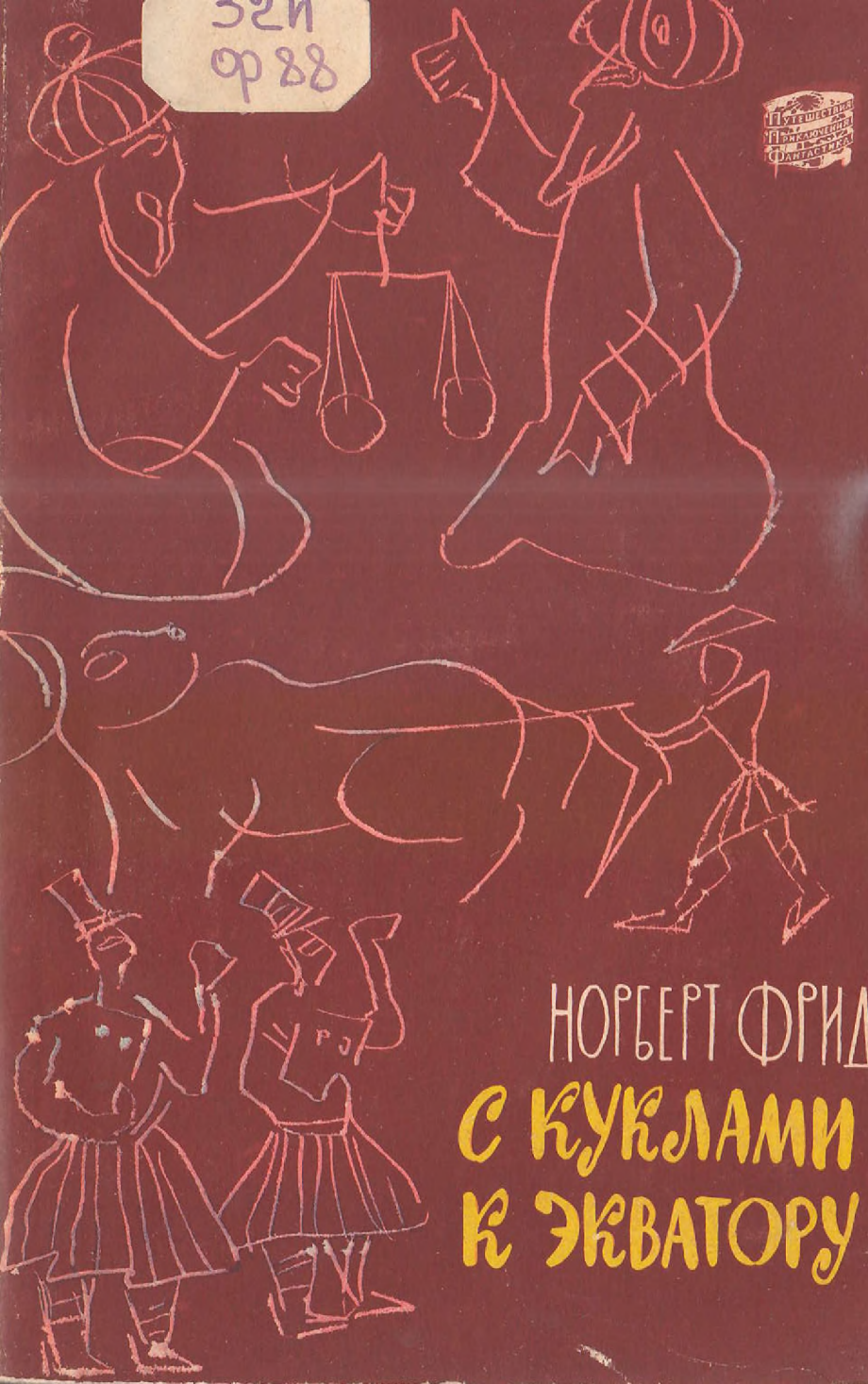

321
ор 88

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПЕРВАЯ ПОЛЮСНАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

НОРБЕРТ ФРИД
С КУКЛАМИ
К ЭКВАТОРУ

Путешествия Приключения Фантастика

НОРБЕРТ ФРИД

С КУКЛАМИ К ЭКВАТОРУ

ПОНЕМНОГУ
ОБО ВСЕМ,
А ТАКЖЕ
О ЦЕЙЛОНЕ,
ЯВЕ,
КАМБОДЖЕ
И ИНДИИ

NORBERT FRÝD

*S pimprlaty do Kalkaty**Praha, 1960**Перевод с чешского Р. П. РАЗУМОВОЙ*

Хорошо известный советским читателям писатель Норберт Фрид, автор переведенных на русский язык книг «Улыбающаяся Гватемала», «Графика Мексики», «Картотека живых» и др., сопровождал труппу чехословацкого кукольного театра, совершившую турне по странам Азии. Об этой поездке он написал интересную книгу, в которой очень непринужденно и остроумно рассказывает о пребывании в Индии, на Цейлоне, в Индонезии и Камбодже, делится своими мыслями о жизни людей, о культуре и истории посещенных стран.

Все фотографии, кроме снимка Боробудура с воздуха, сделаны автором

Оформление художника С. С. ВЕРХОВСКОГО

Заставки взяты из чешского издания

1. БОМБЕЙ

ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ

На этот раз я путешествовал в совершенно новом амплуа — не как заключенный концлагеря и не как дипломат; я стал чем-то средним между ними — главой отправившегося на гастроли кукольного театра.

Жалоба преступника, которого в понедельник утром ведут на казнь, — «Боже мой, как скверно начинается эта неделя!» — называется, как известно, юмор висельника.

То же думал я, карабкаясь по шатающейся лесенке и с трудом дыша: мою шею сдавливали лямки тяжелой сумки. При посадке на самолет я был отягощен весом двух фотоаппаратов и грузом ответственности за

политическую стабильность в целом ряде азиатских стран, где должна была выступать наша труппа.

Нас было девятнадцать. Мне бы не хотелось, чтобы мои сетования показались попыткой на двести восемьдесят процентов пережеголять известную жемчужину чешской юмористической литературы¹. Но помножьте девятнадцать человек на количество килограммов нашего багажа и на двадцать пять тысяч километров полета, и вы получите астрономическую цифру происшествий, угрожавших нам в пути.

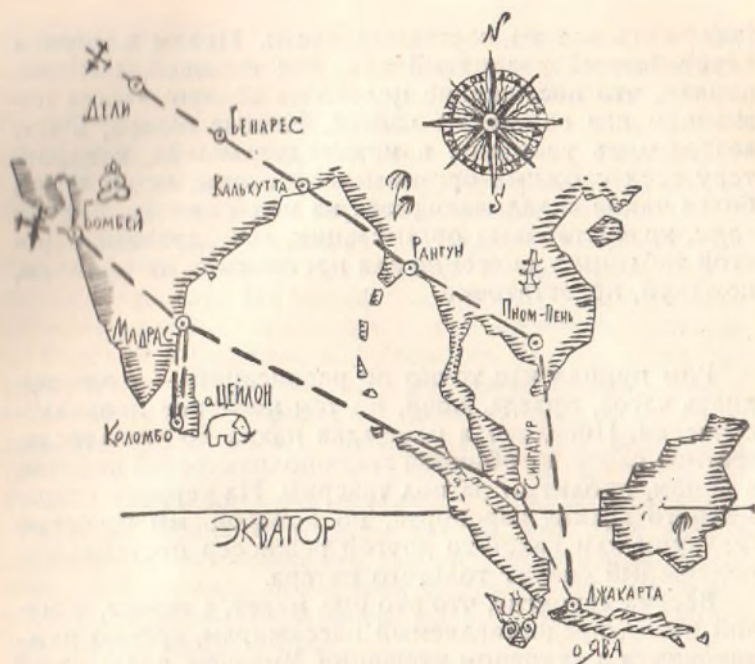
Первым происшествием был Рим в одиннадцать часов. Мы вылетели из Праги что-то около восьми, был хороший ноябрьский вечер, дома царило типичное предрождественское настроение, при котором нормальный человек отправляется в кино. Там он разваливается в кресле, сбрасывает с усталых ног туфли и, улыбаясь, смотрит какой-нибудь пустяковый фильм.

Но то что делают вполне нормальные люди, далеко не всегда интересует читателей книг и газет. Они способны заставить своего автора пренебречь приятным вечерним настроением и, смело отправившись в погоню за экзотикой, сбросить туфли под креслом большого трансконтинентального самолета.

Не знаю, как вы, а я всегда удивляюсь тому, что все исправно функционирует. Не только машина, которая при беглом взгляде из окна напоминает небрежно склепанную жестяную посудину. Меня удивляет, что люди делают все полагающееся: экипаж и пассажиры самолета покорно подчиняются призыву репродуктора и забираются в эту посудину, хотя никто их туда не загоняет плеткой. К их услугам красивая и безопасная Прага, а они готовы променять ее на какого-то сомнительного журавля в небе.

Все действует как надо: винты четырех моторов послушно включаются, и фантастическое металлическое чудовище с пятьюдесятью живыми людьми в брюхе взмывает во мраке ночи. Мало того, оно еще везет столько гектолитров горючего, что во время полета непрерывно выбрасывает целые столбы адского пла-

¹ Имеется в виду популярный в Чехословакии роман Карела Полячека «Нас было пятеро», вышедший в 1946 году.—
Прим. перев.

Маршрут нашего путешествия

мени. Это ужасно и почти невероятно. Мозг верит только потому, что видят глаза, то есть под давлением грубой силы.

Не думайте, что это наивное кокетство — смешная несчастная любовь к чудесам техники уже вышла из моды в литературе. Я давно сдал экзамен по теории ракетных двигателей и как обладатель водительских прав могу вести машину третьего класса. Но если вы с глазу на глаз спросите меня, то признаюсь, что сам не совсем верю тому, что говорил экзаменатору.

После того как вы постигли чисто механические проблемы, перед вами возникают новые, более тонкие загадки. Вы начинаете понимать, что мотор нечто большее, чем совокупность поршней, свечей, клапанов, так же как человек нечто большее, чем семьдесят килограммов костей, мышц и внутренностей. В патриархально самоуверенном девятнадцатом веке наука раз-облачала мистерии природы и верила, что достаточно

разложить все на составные части. Потом наступил неустойчивый двадцатый век, век сыновей, которые поняли, что постижение целого не исчерпывается познанием его составных частей. Короче говоря, в нас возродилось уважение к индивидуальности, к характеру всех сложных организмов. Моторы, люди, а тем более такие складывающиеся из них системы, как заводы, хозяйственные организации, государства... Простой таблицы умножения для постижения их проблем, пожалуй, недостаточно.

Рим принял нас точно по расписанию — в одиннадцать часов, правда, ночи, но тем не менее неореалистически. Посадочная площадка пахла по-итальянски, честное слово, не обычной космополитической нефтью, а вином, пролитым на пол таверны. На террасу современного здания аэропорта, по которой мы бродили, Феллини или какой-то другой режиссер поставил неподвижный силуэт толстого патера.

Весьма вероятно, что это был макет, а может, и живой патер, предоставляемый пассажирам, срочно нуждающимся в духовном утешении. Впрочем, элегантный зал ожидания был полон священников. Прелаты всех племен и санов беседовали здесь по-латыни, по-итальянски и уж совершенно непонятно — по-африкански. Особенно степенны и импозантны были пузатые африканцы в своих сутанах. Позже мы узнали, зачем они съехались в Рим. Заголовки всех газет и журналов, выставленных в газетном киоске, гласили: *Il Papa Incoronato* — на престол взшел папа Иоанн XXIII.

О том, что мы находимся в городе, где религия прекрасно сочетается с интересами международного туризма, свидетельствовало и звучное название банка, филиал которого находился в аэропорту: *Banco di Santo Spirito* — Банк Святого Духа. Да, святой дух, по видимому, не пренебрегает сейфами для хранения своих материальных ценностей.

В остальном римский зал ожидания ничем не отличался от любого другого; магазин сувениров напоминал камеру ужасов с наглядными пособиями для дискуссии о воспитании хорошего вкуса. Здесь были пробки для ликеров с резными головками обезьян,

курящих сигару, — потрясающая безвкусица! — затем музыкальные шкатулки с трясущимися балеринами — нечто шикарное. Видел я также ложечки — из их глубокой художественной резьбы вам никогда в жизни не вымыть накопившуюся там грязь, и пергаментные абажуры — их никогда не загрязнишь настолько, чтобы не было видно изображения Колизея.

Новинкой для большинства членов моей делегации был напиток кока-кола, который предложили нам в баре официанты. Но брненская труппа была еще мало знакома со мной, пражанином, они не знали, насколько строгим я окажусь, и, преодолев любопытство, заказали чай. Жажда вкусить дурманные яды Запада была, ко всеобщей радости, удовлетворена спустя три дня. Нас пригласил в свою резиденцию советский консул в Бомбее, и там — о, чудо! — как ни в чем не бывало подавали этот роковой американский напиток. Немедленно было установлено, что: а) в нем, к сожалению, нет алкоголя, б) он коричневый, сладкий, со странным привкусом корицы и в) как большая часть напитков и пищи во всем мире, нравится тем, кто к нему привык.

Так путешествия способствуют укреплению любви к пиву и прочим ценностям родины.

В полночь, когда мы вылетали из Рима, в самолете погасли лампы и стюардесса объявила, что мрак внутри наступил для того, чтобы ярче выделялся свет снаружи: «Полюбуйтесь светом Вечного города».

Мы увидели только цепи бесчисленных горящих уличных фонарей, свет каждого из них словно прожигал сверкающую дыру в бархате ночи, и все это трепетало, сплеталось в арки, гирлянды, тысячи обольстительно сверкающих ожерелий. Взгляд жаждал охватить как можно больше, хоть что-нибудь узнать, назвать, удержать в памяти. «Послушай, а это не площадь Святого Петра?» Когда огней слишком много, они только мешают, в темноте легче разобраться. Вон там вьется темная полоса, это, наверное, Тибр.

Стюардесса снова щелкнула выключателем, и свет внутри самолета вытеснил интерес к ожерельям,

сверкавшим снаружи... Одну минутку... Свет внутри вытеснил интерес к ожерельям, сверкавшим снаружи. Какая мудрая фраза! Сразу видно, что мы мчимся со скоростью триста восемьдесят километров в час на родину Будды.

Но до прибытия в Индию мы задержимся в стране Магомета. Наша первая посадка будет утром в Дамаске, серьезном конкуренте Рима на звание самого вечного города. Он бесспорно существовал раньше Рима, держится стойко, пережил пять тысяч лет писаной военной истории, пережил в 1926 году особенно варварский обстрел французской артиллерии, снова стал свободной столицей Сирии, выдержал даже издевательства, которым подвергает Сирию чешское правопписание.

Об этом мы беседовали в нашей компании, пока Оттик усталым жестом не снял очки и спросил:

— Почему вы, собственно, подчеркиваете, что это была военная история? А разве существует еще другая?

Ему никто не ответил, все старались поудобнее примоститься, чтобы уснуть.

До самого Дамаска стояла ночь. Влево за окном вздыбилась Большая Медведица. Ориентируясь на две ее верхние звезды, мой сосед Бедья нашел Полярную звезду. Она сияла чуть позади Медведицы, над концом ковша, на своем обычном месте. Начертив маленькую схематическую карту на полях газеты, мы точно установили, что летим на юго-восток. Это астрономическое открытие так взволновало нас, что мы едва не пошли в кабину пилотов, чтобы сообщить о нем. А вдруг пилоты этого не знают?

Потом сразу наступил день, внизу появились пустынные горные хребты. Если это Ливан, то там нет никаких кедров.

Гораздо уютнее предместья Дамаска, окруженные зелеными полями и пальмами. У глиняных домиков светлые плоские крыши и веранды, крытые планками. Это очень декоративно и построено, вероятно, по проекту какого-нибудь опытного театрального художника.

У выхода из аэропорта мы встретили первых закутанных в черное мусульманок и мужчин с платочками

на головах. При попытке сфотографировать их выяснилось, что старик, глазевший подле меня по сторонам, — сыщик. Он взял меня под руку и отвел в полицию. Арестовали ли меня по заслугам, я вам расскажу — оценили вы этот тонкий интригующий прием? — в следующей главе.

БАРЬЕРНЫЙ БЕГ

В Дамаске меня не арестовали, так как мне удалось каким-то образом убедить начальника полицейского отделения, что я фотографировал не строящийся там тайный ресторан, а прохожего рядом с ним. Это не вызвало международного конфликта, и, к счастью, меня отпустили раньше, чем я утратил в глазах моей труппы последние крохи так многообещающе зарождавшегося авторитета.

Мы летели снова целых восемь часов. Через Иорданию, потом вдоль границы Ирака и Саудовской Аравии. Часто видели пустыню. Вид у нее был такой, будто бедняжка планета страдала там какой-то отвратительной кожной болезнью, которую пытались лечить горящим напалмом.

Зеленая вода с белыми барашками волн улыбнулась нам только в Персидском заливе вокруг Бахрейнских островов. Блеснули и нефтяные резервуары, похожие на огромные серебряные каменные шашки. Но там шла более крупная игра — не в шашки, а скорее в шахматы, объявлялся шах трону шахов, разыгрывался королевский гамбит, в котором ставкой были головы королей.

Когда мы летели над Аравийским морем, суша осталась слева, за зеленовато-серой полосой горизонта, а под нами была только вода. Именно этот момент выбрала красивая индийская стюардесса, чтобы показать, как надевают спасательный жилет и нагнетают в него воздух. В снаряжение потерпевшего аварию входят также лампочка, которую можно зажечь, погружаясь в волны, и свисточек, подающий сигнал SOS.

Все это она демонстрировала с улыбкой образцовой гувернантки, говорящей:

«Развлекаться практическим применением этих вещей внизу, в море, разрешается только особенно послушным детям, съевшим весь обед. Сейчас о вас и речи быть не может, разве что вы к следующему разу исправитесь».

— Как ты думаешь, — спросил меня вечно мрачный Оттик, — дождется возможности воспользоваться ночной лампочкой человек, который упадет в море сейчас, в полдень?

Его соседка Даша махнула рукой:

— Акул я не боюсь! Но у моей бабушки была приятельница, главная повариха архиепископа. Она как-то рассказывала, что кардинал Скрбенский очень боялся азиатских бацилл. Когда она ему заваривала чай, то должна была сначала обварить сухой чай кипятком и слить эту воду. И только вторая заварка подавалась к столу. А мы, дети мои, едем сейчас туда, где так и кишат эти азиатские бациллы. Как вы думаете, нам сделали достаточно прививок?

Говорить нечего, прививок сделали нам достаточно, мы могли доказать это, предъявив международную медицинскую справку — в некоторых таможенных требуют так же строго, как заграничный паспорт. Но уже в Бомбее мы убедились, что в странах Востока наших бацилл боятся гораздо больше, чем мы восточных.

Прибыли мы вечером, в одежде, соответствующей температуре ноябрьской Праги. В самолете она была вполне уместна, там веял приятный сквознячок. Но сейчас мы стояли, мотор был выключен, двери наглухо задраены, и воздух начал сгущаться.

— Оставайтесь на своих местах, — раздалось из репродуктора, — самолет будут окуривать.

И вот между сиденьями уже пробирается стюард с шипящими бомбочками в руках. Из них распространяется аптекарски пахнувший туман, осаждается на нас. Все было совсем как во времена оны в кино, когда там разбрызгивали «натуральную лесную воду «Перолин». Но в закрытой кабине это очень неприятно — дышалось с трудом, маленькие дети наших спутников кашляли и плакали.

Когда стюардесса наконец открыла двери, мы вывалились как из хорошо продезинфицированной па-

ровой прачечной. И такими, помятыми и потерявшими облик человеческий, нас сфотографировали для индийской газеты.

Таможенники в Бомбее очень строги. Так как в городе установлен жесточайший сухой закон, они считают любые спиртные напитки контрабандой. Потребление водки официально разрешено (я говорю это совершенно серьезно) только запойным пьяницам, могущим предъявить справку от врача. К этим печальным исключениям приравняются иностранные дипломаты, причем автоматически, без всякой справки.

Разрешается ввозить один фунт табаку, один фотоаппарат, одни часы и один будильник на человека. Мы встревожились и спросили, какова максимальная норма для импорта театральных марионеток. Таможенник долго рылся в списках, но ничего относящегося к марионеткам не нашел, упоминались только куклы. Мы охотно пообещали ему наших кукол не продавать и, возвращаясь, снова их вывезти. Тогда он согласился рассматривать их как «бывшие в употреблении игрушки, находящиеся в пользовании путешественника», и даже не стал выяснять, сколько нам, собственно, лет.

Я хотел бы спросить друзей из редакции «Толкового словаря»: как будет женский род от слова «таможенник» — «таможня»?

Дело в том, что в Бомбее мы столкнулись с чрезвычайно женственной представительницей этой профессии. Она была в красивой национальной одежде сари. Вы, вероятно, знаете, что это такое: короткий, облегающий лиф, длинная нижняя юбка, а между ними — ничего, и вокруг бедер обернуто шесть метров слегка задрапированной ткани, конец которой переброшен через плечо. Сари у нее было изящное, чисто белое, а чтобы, несмотря на полоску обнаженного тела, сохранить официальную строгость, она прикрепила к лифу офицерские погоны.

Таможенный осмотр, проверка валюты, полицейская прописка, предъявление справок о прививках. Где вы были пятнадцать дней назад? А четырнадцать, тринадцать, двенадцать дней? И так далее.

Самой серьезной неприятностью нашего времени являются барьеры. Для ближайшей олимпиады предлагаю новый вид состязаний, но лишь для атлетов-тяжеловесов: барьерный бег.

Мы не были должным образом одеты для таких состязаний в жарком Бомбее. Шерстяные костюмы, переброшенное через руку пальто, да еще двадцать четыре часа полета за спиной — нашей сопернице, стоявшей по ту сторону барьера в воздушном покрывале, с бровями, терпеливо поднятыми над чуть насмешливыми красивыми глазами, победа была обеспечена.

Наконец мы все-таки прибежали к ленточке финиша и сразу попали в освежающую атмосферу дружелюбия. У выхода из таможни нас поджидала целая толпа членов индийско-чехословацкого общества культурных связей, они размахивали транспарантами и скандировали лозунги. «Да здравствуют чехословацкие кукольники!» — гремели они по-чешски, и ни один индийский язык не споткнулся на этих окаянных согласных. «Хинди, чехи, бхай, бхай!» — ответили мы по установившемуся обычаю.

Потом на нас обрушился поток цветов, первый из многих, затопивших нас во время путешествия. Тяжелые гирлянды дурманяще пахнущих упругих цветов свисали с шеи до самых колен, между ручным багажом и нами протискивались улыбающиеся индийцы, разыскивали где-то под пальто наши руки, чтобы пожать их, хотели помочь нам нести багаж, показать, что барьеры это одно, а человеческая жажда непосредственного общения совсем другое дело.

Так мы вступили в Бомбей, ворота Индии. Нам все еще было жарко, но наши сердца наслаждались теплом.

Когда въезжаешь вечером в город, он не всегда обращивается к вам своей лучшей стороной. Задумывались ли вы над тем, какое впечатление создается у иностранца, проезжающего по угрюмым улицам старого Бржевнова, на пути от Рузинского аэропорта в пражскую гостиницу «Интернационал»? Панорама Градчан, набережная, Вацлавская площадь предстанут перед ним лишь на следующий день. Мы забыва-

см, что и в нашу гостиную входят через затхлую переднюю.

Бомбей, как подобает большому порту, повернут своим официальным лицом к морю. Прибывающие другим путем попадают на задворки, и им жаловаться не приходится. По дороге из аэропорта они увидят в районах Санта-Крус и Сион низенькие домики, со всех сторон открытые охлаждающим ветрам, заглянут в мастерские, где при желтом свете лампы шьет портной, забивает гвозди в подошву сапожник и паяет жестянщик. Повсюду спят люди: на переплетенных веревками деревянных рамах, на скамьях и прямо на тротуаре. Там, где дома повыше, с несколькими комнатами, в каждой, по-видимому, живет целая семья. За редкими решетками всегда открытых окон развеваются пеленки, мелькают тени, кто-то плачет, кто-то поет. Наконец улица расширяется, превращается в настоящий проспект, пересекает парк, минует площадку для гольфа.

Редактор моего репортажа требует, чтобы я заканчивал каждую главу чем-нибудь интригующим, но я не могу допустить, чтобы меня всякий раз арестовывали. Быть может, вас удовлетворит то, что мы начали свое пребывание в комфортабельном бомбейском отеле с собрания. Честное слово, совсем как в Праге. Наши индийские друзья просили, чтобы мы, несмотря на усталость после дороги, еще ночью засели за составление программы на все время нашего пребывания.

Просидели мы до трех часов ночи. А то, о чем мы договорились, явится сенсационным содержанием моего дальнейшего рассказа.

ДЕНЬ АВИАЦИИ

Что делает автор хороших путевых записок? Доказывает людям, что, если они не были там, куда он ездил, они вообще нигде не были.

Например, он спрашивает: знаете ли вы город, в котором невозможно спать? Не успеваете вы раскрыть рот, как он сам отвечает на вопрос и рассказывает, какое исключительное явление в этом отношении Бомбей. А дальше все идет как по маслу.

В Бомбее не оставалось времени для сна, так как наши индийские друзья из любви и горячего интереса к Чехословакии составили невыносимо насыщенную программу. Два кукольных спектакля в день, доклады, обсуждения, интервью, экскурсии, прогулки, посещения, встречи, приемы. А если кому-нибудь из нас удавалось урвать часок для сна, то попытку выспаться ему срывали птицы, кружившие вокруг отеля.

Что это за птицы, не знаю. Они меньше грачей, не каркали, как наши вороны, и не приветствовали возгласом итальянских девушек «чао», как наши чайки. Это был просто рев, пусть даже вороний. Серовато-черные птицы с большими клювами усаживались на окно — вернее, на окна: у нас было два огромных угловых незастекленных окна на верхнем этаже отеля. (Швейцар объяснял Оттику, что нам с ним предоставили лучшую комнату гостиницы; джайпурский магараджа никогда на нее не жаловался, даже полюбил это полное воздуха помещение. Я еще не сказал вам, что третий поток воздуха и всего, что с ним связано, струился из ванной.)

Короче говоря, эти вороны устраивали около наших окон свой день авиации. Они маневрировали поодиночке и звеньями, парадно и явно воинственно. Наглее всего вели они себя по утрам, когда были, вероятно, особенно голодны и их явно раздражало, что мы еще живы. Они садились на ставни, злыми, немигающими глазами смотрели на кровати и каждый раз устанавливали, что у нас еще достаточно сил, чтобы повернуться на другой бок. После этого они демонстрировали свой главный номер: внезапно с ревом, которому не смог бы противостоять целый пакет снотворных порошков, стартовали, но только для того, чтобы освободить место следующей смене.

Башня молчания на склоне горы Малабар, как вам, вероятно, известно, — одна из достопримечательностей Бомбея. Религиозная секта парсов не предает своих покойников ни земле, ни огню; трупы относят на верхнюю площадку круглой башни, где их поедают птицы. Нам, конечно, хотелось там побывать, но выяснилось, что доступ туда запрещен всем без исключения. Даже сами парсы попадают туда лишь в сопровождении священнослужителя... на погребальных

носилах. Поэтому мы только постояли под деревьями, вершины которых заслоняют башню. На ветвях сидели огромные безобразные грифы, а в воздухе кружилось нечто подозрительно напоминавшее наших знакомых по отелю. Вокруг места погребения разносился ненасытный, несмолкающий птичий рев. Теперь для вас ясно, почему это место называется Башней молчания.

Оттик стал так называть и нашу угловую комнату. На ворон он смотрел так же мрачно, как они на него, и предпочитал не подходить к окнам. Его даже не соблазнял открывавшийся оттуда идиллический вид: внизу, сразу же за шоссе, гостеприимно раскинулось старинное мусульманское кладбище с уютными могилами, абсолютно неприступными для каких бы то ни было птиц.

Но хватит кладбищенской экзотики. Я не хотел бы вводить вас в заблуждение и описанием подобных достопримечательностей исказить ваше представление о Бомбее — огромном городе с тремя с половиной миллионами совершенно живых жителей. Для мертвецов там времени немного, их хоронят деловито, без таких церемоний, как, например, в Бенаресе, где смерть по всем правилам превращают чуть ли не в главный смысл жизни.

Бомбей занят обыденными делами: ввозит и вывозит товары, не намерен удовлетворяться прожиточным минимумом, он не живет милостыней, как индийские святые, а работает. Рабочие зарабатывают свой хлеб на текстильных фабриках, на рыбацких баркасах, на транспорте, в порту и вообще, где удастся. Богачи, как на всем азиатском юге, предпочитают увеличивать свои богатства торговлей, а не производством. Производство — процесс длительный, для него необходим ввоз дорогих машин, расчеты, исследования, малоприятные отношения с органами власти, с профсоюзами, с рабочими. Первые струйки дохода, раньше чем он обильно потечет в карманы предпринимателя, должны миновать много подводных камней. Это не дело для неопытных людей, стремящихся разбогатеть быстро и при помощи более простого аппарата.

На Британских островах в далекой Европе все происходило иначе. Предприниматель не так боялся крупных инвестиций, он мог рассчитывать, что солидно поставленное предприятие переживет его правнуков. В азиатских колониях почва никогда не была столь прочной. Нервные, ненасытные и жестокие представители белой расы всегда отправлялись туда в поисках более быстрой наживы. Длительное плавание, нездоровый климат, расходы на вооруженную охрану... Викториански добродетельная Англия находила множество оправданий для грабежа.

Сейчас это невозможно. Индия — республика. Молодая национальная буржуазия становится на ноги и учится ходить, но и она чувствует себя не слишком прочно в изменившемся мире, явно идущем по пути к социализму. Гораздо больше, чем промышленность, ее соблазняют быстрый оборот в торговле, сотысячные сделки, для которых, если повезет, достаточно таких средств производства, как стол, два стула и телефон. А если уж заниматься производством, так быстрым, в арендуемых мастерских, с надеждой на крупный доход при незначительных капиталовложениях: кино! Случайно ли индийская кинопромышленность возникла именно в этом городе? Здесь накручивают триста полнометражных фильмов в год — Индия стала третьей великой кинодержавой мира после Голливуда и Японии.

Колесики кинокамер оборачиваются так же быстро, как полученные в кредит деньги, запыхавшиеся киношники попеременно то играют, то лечат язвы желудка. Нам дали возможность заглянуть в эту кинотрескотню, и мы никак не могли разобраться, насколько она типична для всего Бомбея. А самый Бомбей? Можно ли, заглянув в этот глазок, ориентироваться в части света, именуемой Индией?

Что мы знаем об Индии? Иностранные империалисты и собственные князья фактически положены на обе лопатки. В принципе установлено и направление будущего развития: оно пойдет по пути планирования, широкой индустриализации, организованной заботы о благе каждого гражданина. Но принципиальная ясность в вопросе о том, что было и что будет, еще не обеспечивает легкой ориентации в происходя-

щем сейчас. Можно ли требовать от иностранной делегации, очутившейся среди такой перестройки, чтобы она, ставя спектакли и вообще распространяя славу чехословацкого искусства, к тому же еще нарисовала вам точную картину не той сумятицы, которую она, естественно, переживала сама, а той, что царила вокруг.

А между тем с нами самими происходило многое. В первое же утро нужно было распаковать сорок тюков театрального багажа, исправить повреждения, нанесенные перевозкой и любопытными руками таможенников, освоить сцену, поставить декорации, наладить освещение, магнитофон. Все это затянулось далеко за полдень. Затем душ, большое переодевание, приведение в порядок собственных измятых костюмов, рубашек, галстуков и... марш в машину. Мы отправляемся на прием к шерифу города.

Ни один чешский бродяга не представлял себе так встречу с настоящим шерифом.

Сначала нас повезли к зданию на набережной, давшему имя всему порту: Gateway of India. Ворота эти чрезвычайно странные: нечто среднее между пресс-папье, триумфальной аркой, синагогой и павильоном над источником в Марианске-Лазне. Чуть вправо высятся чудовищная гостиница «Тадж» такого же стиля, а рядом с нею Радиоклуб. Ровно в шесть часов мы прошли там мимо облаченного в ливрею швейцара.

Солнце еще не зашло, но первые фонари — желтые на фоне голубого неба — уже загорелись, начиналось волшебное время на грани дня и ночи. Через стеклянную дверь мы вошли на террасу, наши ноги ступали по легендарному английскому газону — густому, мягкому, низко подстриженному, похожему на ковер. Когда мы оторвали от него взгляд и посмотрели вперед, перед нами предстало открытое море. Не более и не менее. Обыкновенное море, зеленоватое, спокойное, бесконечное, на горизонте соприкасавшееся с серовато-жемчужным небом. Между горизонтом и берегом пять снежинок: паруса, и на них розовый отблеск солнца, заходившего где-то за нашими спинами. Легкий ветерок, благородный и спокойный, отно-

сил раскаленный воздух города, и все вокруг этой террасы было так же спокойно. На ее пороге загнанное спешкой сердце на мгновение замерло, увлажнившиеся глаза обвели небо, лодки, море, лужайку, улыбки одетых в белое друзей, которые шли нам навстречу, сложив руки для мягкого приветствия... Всю эту необъятную панораму сердце впитало в одно короткое мгновение, что-то в нас сказало «Да!», и нас охватило огромное счастье.

ПРЕМЬЕРА

Бомбейский шериф — эlegantный, стройный интеллигент, так что откажитесь от представлений о медной звезде, широкополой шляпе и низко висящем кольце. На приеме у него бармен не разливал виски, гости потягивали только невинные фруктовые соки. Как вы уже знаете, в Бомбее строжайше запрещены спиртные напитки, в этом штате нет пьяной шати.

Зато чертовски острой была пища. Подавали какие-то пирожки и комочки молотого мяса под соусом из жгучего маленького перца, который назывался чили, так же как в Мексике. Наименее искушенным членам делегации это блюдо показалось подходящей тренировкой для факиров, они уверяли, что следующая ступень — проглатывание огня — после такой подготовки не составит особого труда.

За столом с нами сидела красивая индианка с бриллиантом в левой ноздре. Ее отец, губернатор штата Бомбей, показал нам интересный пример того, как ловко может профессионал использовать случайную тему для публичного выступления. Он спросил, почему трупна пробудет в городе всего неделю, и мы объяснили, что от нашего имени были заключены договоры с другими странами. «Ага, — улыбнулся он, — вы тоже только марионетки». Затем шериф попросил этого пожилого господина подойти к микрофону и официально приветствовать нас. Губернатор сделал это чрезвычайно любезно и вызвал особые аплодисменты следующим добавлением:

— Кстати, об актерах кукольного театра. Разве все мы не марионетки? Иногда мне кажется, что я в этом

государстве являюсь марионеткой в большей степени, чем кто бы то ни было.

Так говорил он в интимной клубной обстановке. Вечером же на торжественном открытии нашей премьеры в битком набитом театре губернатор выступил снова. Перед массами он сформулировал свою мысль иначе:

— Все мы марионетки в руках судьбы...

Премьера была действительно торжественной, и пора уже рассказать вам, с каким товаром мы ездили по Азии.

Брненская труппа «Радость» демонстрировала обозрение, которое сочинил и поставил Йозеф Калаб. Авторы декораций и кукол Ярмила Майерова и Карел Главатый, композитор — Алоис Шебестик, художественный руководитель — Франтишка Кайнарлова. Эта постановка была первоначально подготовлена для международной публики Московского фестиваля молодежи и как пантомима обладала тем преимуществом, что была понятна везде, не нуждалась ни в объяснениях, ни в комментариях. Она обращалась непосредственно к брюнетам и блондинам, к кудрявым детям и седовласым старцам; я убедился в том, что даже буддийские монахи с бритыми головами, глядя на нашу сцену, со смехом хлопали себя по бедрам.

Название обозрения «Кончится ли все хорошо?», к сожалению, ничего не говорит, и если вас беспокоит вопросительный знак, поставленный после него, то могу заверить, что вы напрасно волнуетесь. Кончится все хорошо, они поженятся.

Занавес открывается, и мы оказываемся в мастерской старого кукольника, создающего нового героя. Кукольник сначала рисует, потом вырезает из дерева забавную марионетку — Ясанека. После этого несколько длинного вступления я из вечера в вечер со страхом вглядывался в полутемную сцену. И каждый раз происходили два страстно ожидаемых чуда. Сначала небольшое, техническое, на сцене — оно вдыхало в марионетку видимость жизни. А потом второе, большее, настоящее, в зрительном зале: тысячи тем-

ных глаз, пораженных чудом, совершенным на сцене, загорались счастьем. Да, кукла движется! Она поворачивает голову, подымает руки, смеется.

— Меня зовут Ясанек, my name is Jahsaheck...

Кукла произносит это на языках всех стран, которые мы посещаем: по-гуджаратски, сингальски, тамильски, индонезийски, кхмерски, аннамски, бенгальски, на хинди.

— Уу-у! Вот и я, меня зовут Ясанек!

И потом все шло — у марионеток это само собой разумеется — как по ниточке. Ясанек знакомится в мастерской резчика с другими куклами, балерина Илона танцует для него на пуантах, и, прерывая действие, ее из вечера в вечер награждают аплодисментами. Другие маленькие актеры показывают целое цирковое представление, салонный иллюзионист кенгуру демонстрирует свое искусство, а потом начинается завязка. Жестяной рыцарь в буквальном смысле слова теряет голову из-за красивой куклы. Любовь разгорается, но, к сожалению, идиллию нарушает злой дракон, уносящий невесту в свой железный замок — в печку. Рыцарь, поддерживаемый Ясанеком, объявляет чудовищу войну, разражается битва, фехтуют, стреляют из пушки, и затем после преодоления всех полагающихся препятствий все завершается нравоучительным счастливым концом: перед объединившимися куклами бессилен даже дракон. Старый кукольник возвращается в опустевшую мастерскую, но тут уж поют: «До свиданья, гуд бай, гуд бай...» или то же по-гуджаратски, сингальски, индонезийски, кхмерски, аннамски, бенгальски, на хинди. После этого актеры, водившие кукол, вылезают из-под верстака кукольника и из остальных мест, где они прятались, и предстают перед зрителями в своих спецовках.

А что делают зрители? Они смеются, аплодируют, не скупятся на цветы, потому что все кончается объединением влюбленных. Объединяются и чехословацкие артисты со всеми этими милыми смуглыми людьми. Кончилось ли все хорошо? Очень!

Часто недостаточно было опустить занавес. Например, после бомбейской премьеры большая часть зрителей хлынула на сцену. Они хотели знать, как мы все делаем. Пришел губернатор штата Бомбей и слу-

чайно бывший там в гостях губернатор штата Ассам. Разумеется, пришла и вся чешская колония, а наш генеральный консул привел своих коллег из дипломатических представительств других государств. Пришли писатель Мульк Радж Ананд и художник Хусейн, наши старые пражские знакомые. Все они хотели посмотреть вблизи балерину Илону, Ясанеку пришлось еще раз сказать, что он Ясанек, потом гости требовали кенгуру, цирковых клоунов, рыцаря и дракона... До тех пор, пока наконец актеры вежливо сказали, что, пожалуй, проще повторить весь спектакль.

Тогда друзья поняли, попрощались и дали нам возможность — время близилось к полуночи — отправиться в гостиницу ужинать.

Легли ли чехословаки спать? Измучены они были порядком, но, вспомнив, что находятся уже двадцать четыре часа в экзотическом Бомбее, а видели лишь один хороший клуб и душные кулисы театра, решили немедленно отправиться на улицу.

Заспанный швейцар охотно открыл дверь, вокруг отеля царил тишина, ничто не вызывало желания подебоширить, как полагается после премьеры. За углом на тротуаре спали вповалку люди, не какие-нибудь кутилы, просто бездомные. Некоторые на жалких лежаках из планок и веревок, другие подстелив узенький коврик, а кто и просто на голых камнях. Нам объяснили, что эти люди оставили свои семьи на клочках земли, которые не могут их прокормить, и пришли сюда из деревень в поисках заработка. Вряд ли они его нашли.

Мы пошли куда глаза глядят через железнодорожную колею по чугунному мостику. На площадках ведущей к нему лестницы тоже приходилось идти осторожно: и там лежали люди. Через некоторое время мы вышли на широкую набережную.

Вправо и влево раскинулось великолепно полукружие бульвара, с внешней стороны окаймленного светлыми шестиэтажными домами с балконами и большими окнами. Вдоль них — тротуар, пальмы, затем две полосы шоссе с идущими в три ряда автомобилями. На внутренней стороне полукруга находилась третья, такая же широкая полоса для пешеходов, соблазнившихся прогулкой вдоль моря.

Этот роскошный проспект, который, сверкая фонарями, тянется на много километров, именуется *Margine Drive*. Какой-то вдохновенный автор рекламных брошюр назвал его «Ожерельем королевы». Он расположен на полосе земли, всего двадцать пять лет назад отвоеванной у моря, и является сейчас гордостью города. Внизу, под парапетом, покоренные волны облизывают его огромные камни, над темной водой светятся звезды.

Свет «Ожерелья королевы» неприятен людям, спящим во многих уголках бульвара, и они прикрывают глаза краешком одежды. Группка поющих мальчишек тоже предпочла устроиться со своим барабаном подальше от фонарей, в проходе между роскошными домами. Барабан у них цилиндрический, посередине он толще и к концам сужается. Юноша сосредоточенно выбивает на нем пальцами и ладонями обеих рук резкий, сложный ритм. Другой мальчик запевает, и остальные подхватывают рефрен, отвечая на шуточный вопрос или подтверждая дерзкую правду, высказанную первым. Это сочно, совершенно непринужденно, поется для собственного удовольствия. А судя по тому, что эти ребята торчат тут далеко за полночь, дома их маменька не поджидает.

В пятидесяти шагах от поющих ребят ярко освещенная стройка, где тоже никто не обращает внимания на поздний час. Надпись гласит, что здесь будет выставка тканей с демонстрацией моделей; торжественное открытие назначено на послезавтра.

Мы заглядываем за забор и сразу оказываемся в элегантнейшей Европе. Сюрреалистические манекены с туловищами из проволоки, узловатых корней и пучков соломы, пустые овалы вместо лиц с желто-зеленым геометрическим рисунком, среди каскадов набивных тканей стройные дамские ножки, похожие на спицы колес огромного деревенского велосипеда... И все это монтируют декораторы с булавками во рту, как в Париже, и тюрбанами на голове, как в Индии.

«Ожерелье королевы» и бездомные люди, сюрреалистические манекены и рядом с ними тысячелетний барабан уличных певцов. Это только горстка странных разнородных осколков, но где-то за ними вырисовывается истинный облик города.

МЕЖДУ МАНЕКЕНАМИ И БАРАБАНОМ

Пражские рецензенты будут, вероятно, поражены, но наутро после премьеры мы, открыв любую бомбейскую газету, находили там подробную рецензию и фото вечернего спектакля.

— Вот это оперативность! — всплеснула руками Даша.

— Они просто фанатики из отсталой страны, — объяснил Оттик. — Для них спектакль еще такое волнующее событие, что они не могут уснуть, пока не напишут о нем.

— Штурмуют без оглядки, — решила Вера, — не дожидаясь, пока все уляжется в голове или пока прочитают, что написали более умные коллеги. Увидите, они перестанут это делать, когда их читатели станут более требовательными.

Потом мы внимательно слушали перевод рецензий. Все они были положительными, даже лестными, и Ясанека кое-где называли «the most charming little Jahsahneck» (очаровательнейший маленький Ясанек). Мы наскоро отобрали несколько самых лестных фраз и протелеграфировали их домой.

Сразу после этого, во время завтрака, произошли два события, которые могли нарушить нормальный ход наших дальнейших гастролов. Карел грыз поджаренный хлеб, сломал при этом зуб и стал шепелявить. Войтека трижды вызывали к телефону поклонницы.

Карлика мы утешали, что тотчас же пойдем с ним к зубному врачу и в Чехословакию он вернется с длинным бомбейским зубом во рту, а это у нас редкость. Более серьезным нам показался случай с Войтеком. Из Брно он выехал как покоритель сердец областного масштаба, но после первых же нежных слов, сказанных им индийской стюардессе в Рузинском аэропорту, стало ясно, что он будет нашим главным референтом по вопросам международных любовных отношений. Лишь через некоторое время мы поняли, что он далеко не так плох, как кажется. Днем он использовал каждую свободную минуту, чтобы знакомиться с девушками, галантно за ними ухаживал, и верхом всех его нежностей был вопрос, где они живут. А ночью пользовался каждым свободным моментом,

чтобы писать открытки по адресам, полученным таким способом на нашей предыдущей остановке. В жаркие бомбейские ночи он писал в Брно, в Бомбей он писал с Цейлона, на Цейлон из Индонезии и так далее, по кругу. В общем был вполне безобиден.

Но со сломанным зубом пришлось повозиться. Мы поехали с Карликом к индийскому зубному врачу, рекомендованному нашими друзьями. Я вообразил, что узнаю тут какую-нибудь тайну восточной медицины, и снова ошибся. Приемная доктора Шиварамамурти помещалась в шумном доме самого шумного района города, пробираться к ней нужно было по запутанным коридорам между ателье для срочного глажения одежды и другими мастерскими, распространявшими самые различные запахи. Кресло, лампы, инструменты оказались такими же, как у нас, и Карлик трусил так же, как дома. На стене висел диплом, влажный и покоробившийся после нескольких сезонов тропических дождей, но в нем было сказано, что доктор Шиварамамурти сдал полагающиеся экзамены и в своем ремесле разбирается. Через час Карлик гордо улыбался, любуясь в зеркале исправленным зубом.

Если бы Войтик не удовлетворялся собиранием экзотических девичьих адресов, а отважился пойти дальше, то, вероятно, тоже убедился бы, что некоторые вещи в общем во всем мире одинаковы.

Утром мы нанесли визит, первый из длинного и приятного ряда таких посещений, в одно из культурных учреждений Бомбея. Bhulabhai Memorial Institute, где работает много прогрессивных деятелей искусства, находится в жилом районе, расположенном у самого моря. Здесь есть библиотека, зал для театральных и балетных представлений, открытая терраса для лекций и многое другое. Имеются небольшие ателье для художников, комнаты для упражнений музыкантов, для репетиций актеров. За пользование помещениями и инструментами вносится небольшая в сущности символическая плата, большая часть расходов покрывается за счет дотации.

Процветающее в институте искусство колеблется между ультрасовременными манекенами, которые мы

видели ночью на выставке модных тканей, и звучащим неподалеку от нее старинным барабаном народных певцов, но здесь это колебание между двумя крайностями называется синтезом. Честные и талантливые художники пытаются объединить обе крайности и привить своему типичному, национальному, то, что особенно громко звучит за границей.

Попытки эти весьма проблематичны, во время нашего путешествия мы сталкивались с ними много раз, собственно повсюду, в каждой стране. Обещаю вам написать об этом подробнее, но не сейчас. Мы еще не освоили толком традиции старого искусства хотя бы Индии, а без этого трудно разобраться в подобных проблемах.

Впрочем, хороший образец древнего искусства нам показали именно в этом институте. Когда мы после посещения ателье вошли в зал, на подмостках выступила пара танцоров с юга, из штата Керала. Мужчина и женщина в роскошных широких костюмах, лица их так сильно накрашены, что походят на жесткие маски. Лицо мужчины густо покрывает зеленая краска, глаза и брови он обвел черными полосами, которые тянутся к вискам, к щекам и подбородку приклеил три полукруга плотной белой бумаги, на голову надел, чуть-чуть набекрень, тяжелую, покрытую украшениями тиару. Контрастом в этой петушиной пестроте была скромная, как у курочки, расцветка одежды женщины и сдержанность ее движений. Ее юбка менее воздушна, чем у мужчины, основной тон лица розовый, то есть более реалистический, только губы, глаза и брови ярко подведены и с носа свисает что-то вроде украшенной драгоценными камнями лапши. Оба босы, на щиколотках у них звенят браслеты.

Танец этого типа называется катхакали, в нем посредством определенных символических движений передается содержание легенды. В данном случае речь шла о божественном богатыре, жена которого мечтала о приснившемся ей цветке. Муж отправляется в джунгли на поиски цветка, там неоднократно вступает в страшные поединки с повелителями леса и наконец возвращается с желанной добычей. Он жестами обещает: буду отважным, всех перебую, вот так и этак

расправляюсь с ними! Затем мы видим его встречу в лесу со слоном. Он все изображает сам: движется покачивающейся походкой слона, помахивает кистями рук, приставив их к ушам; льва он изображает, растопырив пальцы обеих рук — это грива. И при каждой встрече герой сначала совсем не героически пугается, затем преодолевает страх, вступает в борьбу и одерживает славную победу.

Особенно пленило нас непрерывное движение всех мускулов лица; очевидно, этим подчеркивалось, что перед нами не маски, а лица живых людей. Наиболее подвижными были большие глаза с коричневатыми белками, брови поднимались, словно дышали, полные губы крепко сжимались, потом подергивались, вокруг них играла своеобразная, почти насмешливая улыбка, которая как бы подымала над изображаемой ситуацией танцора, вступавшего в тайный сговор со зрителями: «Посмотри,— говорила эта улыбка,— ты ведь понимаешь?!»

Мы мало поняли, а без непрерывных пояснений друзей, знавших в этом толк, поняли бы еще меньше. Но в одном мы разобрались: на первый взгляд кое-что может показаться просто пируэтом, самодовлеющей игрой красок и форм или стилизованной, давно застывшей формой наслаждения движением, переодеванием, демонстрацией самого себя. Но постепенно начинаешь понимать, что в этом есть строгая система, что это своеобразный метод эпического повествования, что здесь есть стройное развитие сюжета и все остальное с ним связано, необходимо.

Короче говоря, первый вывод гласил: то, что кажется абстрактной импровизацией, служит выражением совершенно конкретных явлений. Вопрос второй: как обстоит здесь дело с реализмом? Разве этот танец менее реалистичен, чем, скажем, пражская постановка «Лебединого озера»? Разве европейский балет не нуждается в некоторой снисходительности, разве непосвященный зритель не мог бы спросить: «Почему актеры не заговорят, хотя в некоторых жестах чувствуется мучительная потребность в слове? Почему лебедь должен выглядеть и двигаться именно таким образом? Почему робкие влюбленные при первой же встрече обнимаются и хватают друг друга за бедра?».

Понимание индийского балета, так же как нашего или китайского, невозможно без знания символов, традиций. Увидевший их впервые должен проявить добрую волю к пониманию, должен подчас подавить желание рассмеяться, до известной степени даже подчиниться террору людей посвященных.

Попробуем применить это положение к творчеству современных индийских художников, а также к произведениям некоторых наших художников: не требуем ли мы слишком много, когда хотим, чтобы все эти картины, стихи, композиции говорили ясно, недвусмысленно, были обращены к каждому, приходящему без определенной подготовки и даже без наличия доброй воли?

Я уже слышу ваши возражения. Не станешь же ты отрицать, что существует и такое искусство, которое понимают все и сразу?

Существует, друзья мои, и слава богу, что это так. Существует и такое искусство. И чтобы быть беспристрастным, покажу вам образец этого счастливого вида искусства, которое может трогать сердца без всяких пояснений, без помощи посвященных; например, классический индийский кукольный театр. Он был вторым номером программы Булабхай, но об этом я расскажу в следующей главе.

ОЖИВЛЕНИЕ В ЗАЛЕ

В начале одной беседы с индийскими артистами мне задали вопрос:

— Скажите откровенно, кукольный театр это старая традиция вашей семьи?

Ох, подумал я, кто-то меня оклеветал! Я пролепетал, что я, собственно, не кукольник, а писатель и сопровождаю труппу просто потому, что у меня большой опыт путешествий, культурных связей с другими странами...

Меня вежливо выслушали, а затем повторили вопрос в несколько видоизмененной форме.

— Поймите нас правильно. Мы хотим выяснить, является ли занятие театром старой традицией в семьях современных кукольников Чехословакии?

Я начал кое-что понимать. Да ведь это призрак кастовой системы! Эти люди хотят узнать, как обстоит дело у нас, может ли в Чехословакии каждый человек заниматься любым трудом и не считаем ли мы, что люди искусства, например кукольники, стоят на низшей общественной ступени. Мне как-то рассказывали о положении известных индийских киноактрис: публика боготворит их, но на сложившейся веками социальной лестнице они занимают положение, близкое к проституткам.

Поэтому я сказал то, что есть: наше занятие мы выбрали свободно, и никто из нашей группы не происходит из семьи старых кочующих кукольников. А если бы и происходил, то это не имело бы никакого значения для его положения; работа в театре является у нас занятием не менее уважаемым, чем, например, работа на заводе или в городском управлении. И так далее. Не знаю, поверили ли мне, но вскоре я снова столкнулся с подобной проблемой. Глава радиовещания говорил с нами о трудностях, которые он встречает при подготовке телевизионной программы: хотелось бы ввести постоянные передачи спектаклей кукольного театра, но невозможно подобрать культурных людей, которые занялись бы этим. Он вышел из положения, разыскав юношу из старой семьи кукольников, и готовит его сейчас к тому, чтобы он впоследствии смог составлять телевизионные кукольные программы.

Мы в Европе этого не понимаем, но в Индии, так же как на Цейлоне, принадлежность к касте, принадлежность к определенному социальному слою — факт, который мановением руки не изменишь. Передовое законодательство расправилось с этим очень просто: оно не признает каст. Но заставить хотя бы свата вычеркнуть это понятие из своего арсенала гораздо труднее. Достаточно заглянуть в соответствующую рубрику индийской газеты, и вас поразит, сколько женихов и невест ищут себе партнера только из того или иного, точно ограниченного слоя. Главе радиовещания, очевидно, приходится при его поисках немногим легче. Метельщики подметают, шоферы ведут машины. Но мыть машину шофер не станет для этого есть другая каста.

Не знаете ли вы случайно члена касты кукольников для индийского телевидения?

Я обещал описать традиционный кукольный театр, который мы видели в Бомбее. Придерживаясь своего метода — показывать далекое через близкое, — скажу сразу, что мне он совсем не показался чуждым.

Когда я был еще ребенком, к нам в Линецкое предместье Ческе-Будеёвице приезжал пан Дубский. Он принадлежал к социально почти неприкасаемой касте создателей ярмарочных представлений, был владельцем небольшой карусели, которую приводили в движение 3 лс, что в данном случае означало «любые сорванцы», то есть мы. Кроме того, он устраивал кукольные представления в трактире «На конечной остановке». В его репертуаре были «Ярмарка в Гудлице» и тому подобные пьесы, говорил он звучным, удивительно витиеватым чешским языком с глухим «э» на концах таких слов, как «Фаустэ», и уверял, что является прямым потомком основоположника чешского кукольного театра Матея Копецкого. Но сам он походил на цыгана, а у живших в его фургоне женщин были развевающиеся юбки, блестящие черные волосы и сверкающие глаза.

Помню, как пан Дубский сбрил усы, обнажив длинную верхнюю губу между все больше и больше западавшими, изрезанными морщинами щеками. Тогда в кино уже проводились детские сеансы, а куклами никто не интересовался. Пан Дубский оставил театр, худел и подолгу стоял подле тира с прилипшим к нижней губе окурком тоненькой папироски.

Я смотрел на него, разинув рот и ожидая, когда он, очнувшись от своей тоски, хриплым театральным голосом произнесет заклинание «педлуке-педлука», после чего обязательно должен прийти на помощь дьявол. Но я так этого и не услышал. Он лишь прикрикнул на маленького зеваку: «Ступай прочь!»; его желтые глаза уже не сверкали, они были только страшно грустными.

И вот в Бомбее я снова встретился с тем, что давно было погребено в недрах моей памяти. Если бы вы, подобно индусам, верили в переселение душ, я мог бы

выразиться эффектнее, но сейчас лишь скажу, что Бхайру Лал, цыган из Раджастана, казался молодым и все еще элегантным паном Дубским. Таким элегантным я пана Дубского даже не помню. У Бхайру были закрученные кверху усы, как у первой скрипки цыганского оркестра, серьги в ушах и раздобытый невест где малоношенный сюртук с золотым эполетом на левом плече. А на груди ордена и медали, во всяком случае нечто издали их напоминавшее. Да разве мог бы заполучить такую роскошь пан Дубский на нашей жалкой площади в предместье, где высилась лишь обанкротившаяся макаронная фабрика мелкого местечкового магараджи?

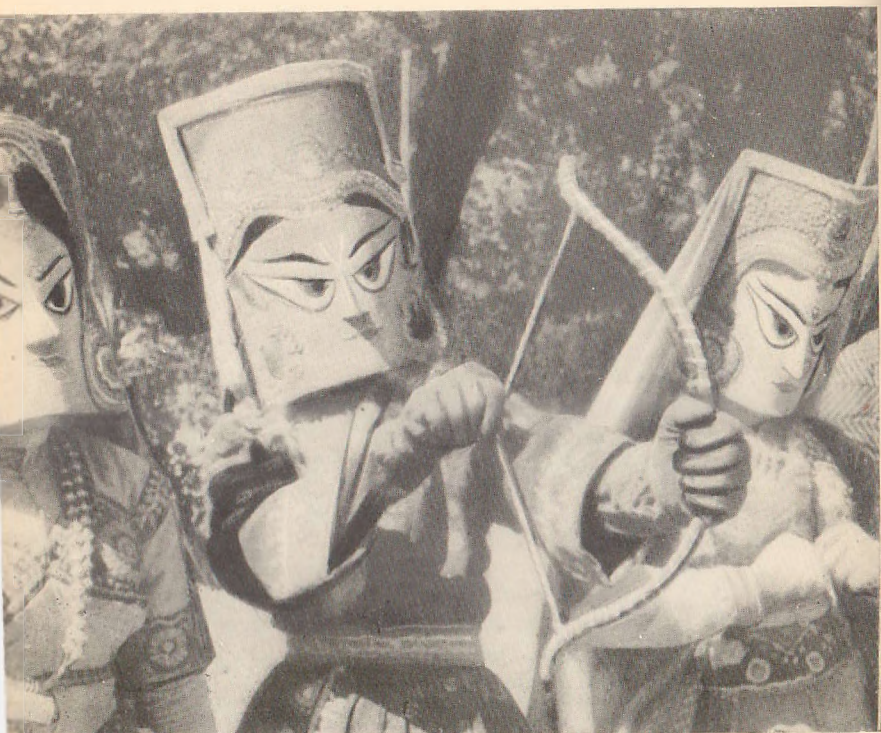
Бхайру Лал тоже не верил в переселение душ, так как был мусульманином, и его жена показывалась, обязательно прикрывая лицо непрозрачным платком. Во время представления она сидела, скорчившись за сценой, пела чистым детским голосом, время от времени по-ученически декламировала комментарии к действию и сама себе аккомпанировала на барабане. Ее муж во время представления не выполнял никаких функций; живописный и представительный, он, стоя позади, лишь наблюдал за всем. Этот типичный антрепренер походил на меня. Всю работу с куклами проводила труппа, в данном случае один человек — сын.

Бхайру Лал-младший унаследовал от отца усы и черные глаза. Он умел делать тысячу вещей. Нити его марионеток не тянулись к деревянному коромыслу, как у нас, а были привязаны непосредственно к пальцам кукольника. Водить или менять таким образом несколько кукол было трудно. И, несмотря на все, эти примитивные куклы выполняли сложные технические задачи. Они брали тяжелые предметы и переносили их по сцене. Танцовщицы по-восточному извивались, подергивали плечами, покачивали бедрами, нагибались, грациозно приподымая край юбки (при помощи булавок в ручках). Наездники делали сальто вокруг крупа лошади. Появлялась фигурка, которая стреляла из маленького револьвера с пистонами так, что искры летели и барабанные перепонки в ушах едва не лопались.

Не знаю, как справлялся со всем этим за своей ширмой Бхайру-младший. Может быть, индийские

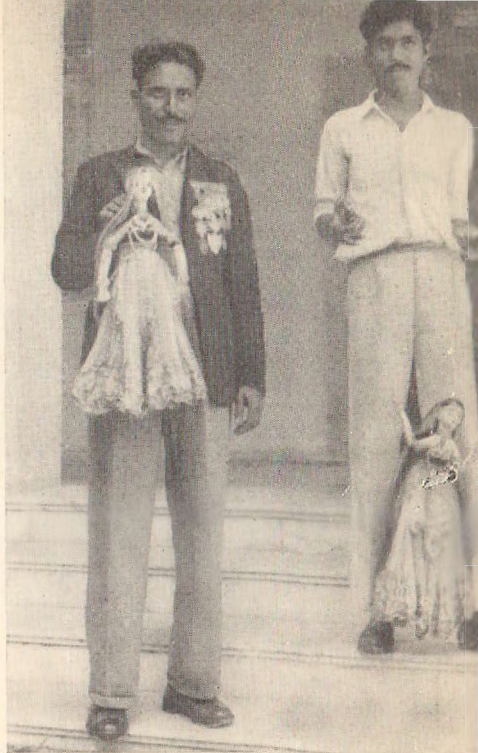
Танцор из штата Керала в петушином великолепии

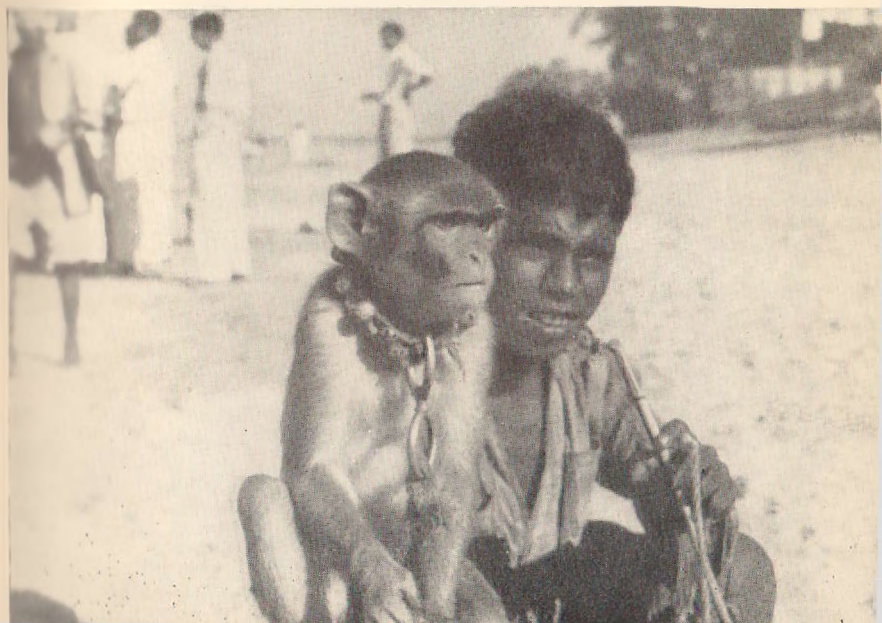

Живые марионетки в сцене из «Рамаяны»

Кукольники из Раджпутана
(Бхайру Лал, отец и сын)

Человек и его кормилец

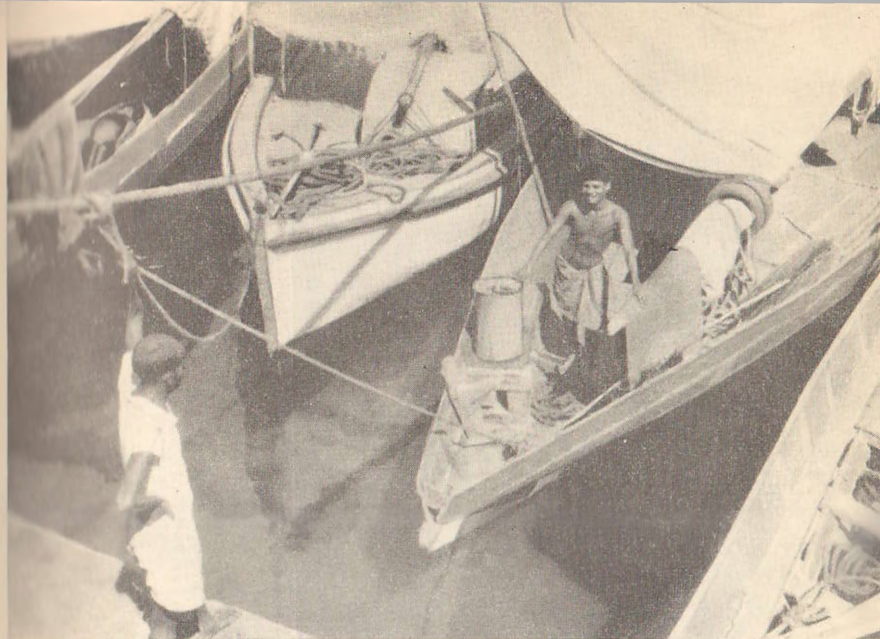

Мальчишки с бомбейской пристани

Люди, спящие на набережной

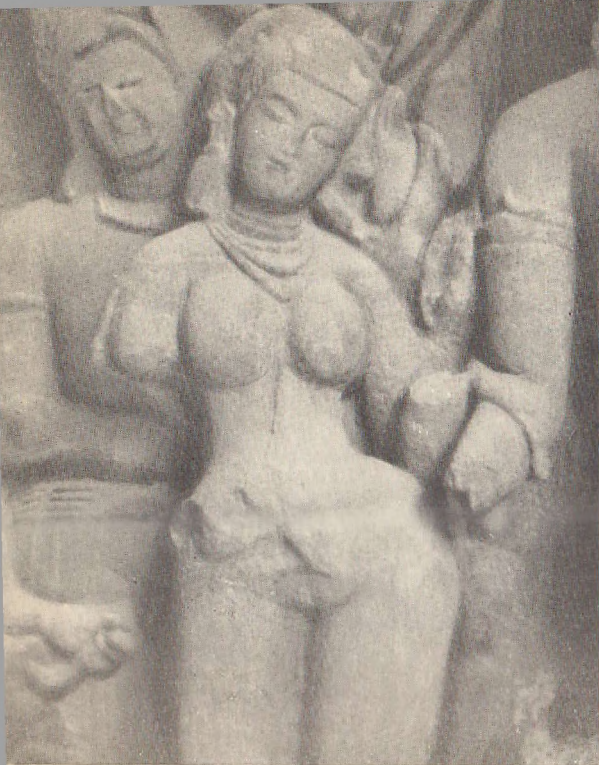

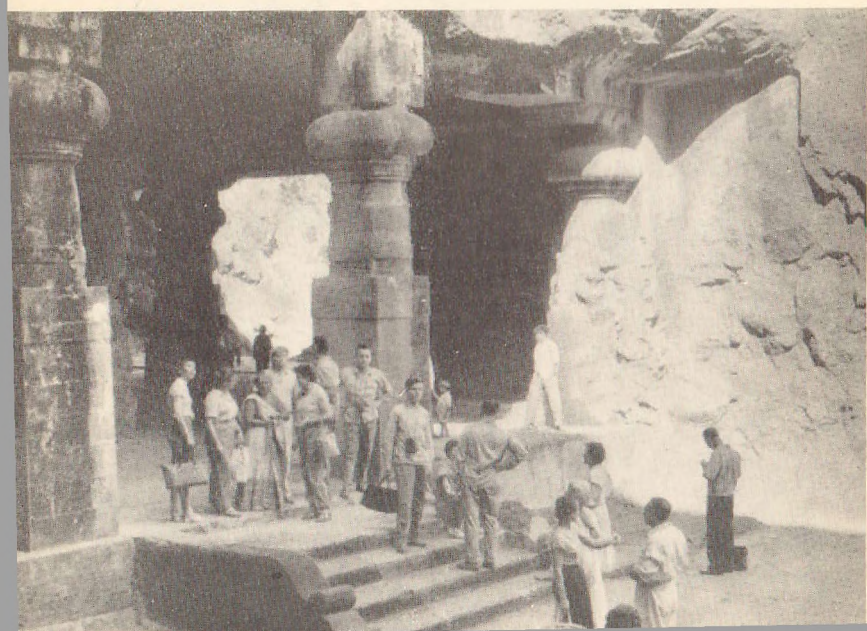
Рыбачьи лодки

Любительницы портовой романтики

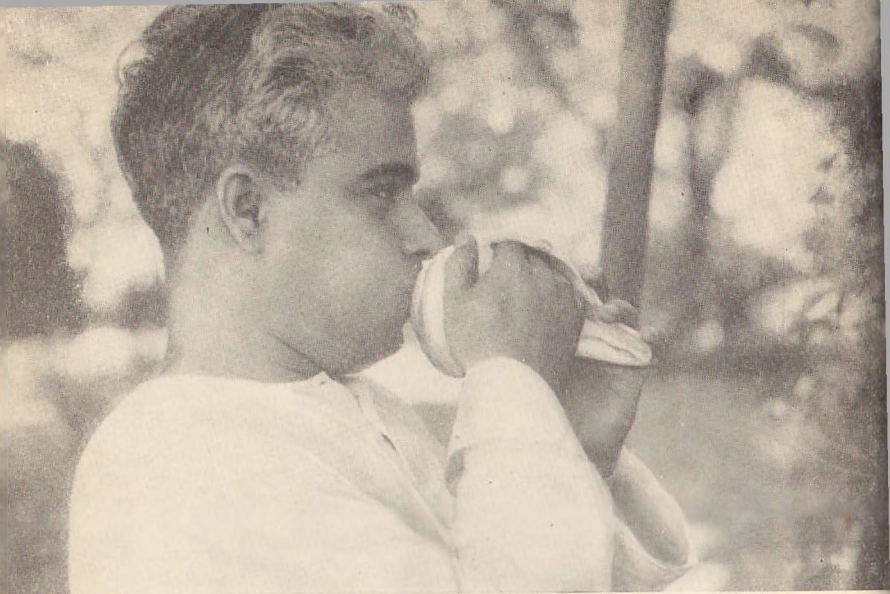

Невеста бога Шивы
и вход в пещерный
храм Элефанте

Маска начальника цейлонских демонов

Индийский трубач, играющий на раковине

Игра на чашках, по-разному наполненных водой

Игра на ситаре и других инструментах

Бомбейский мальчишка — сын барабанщика

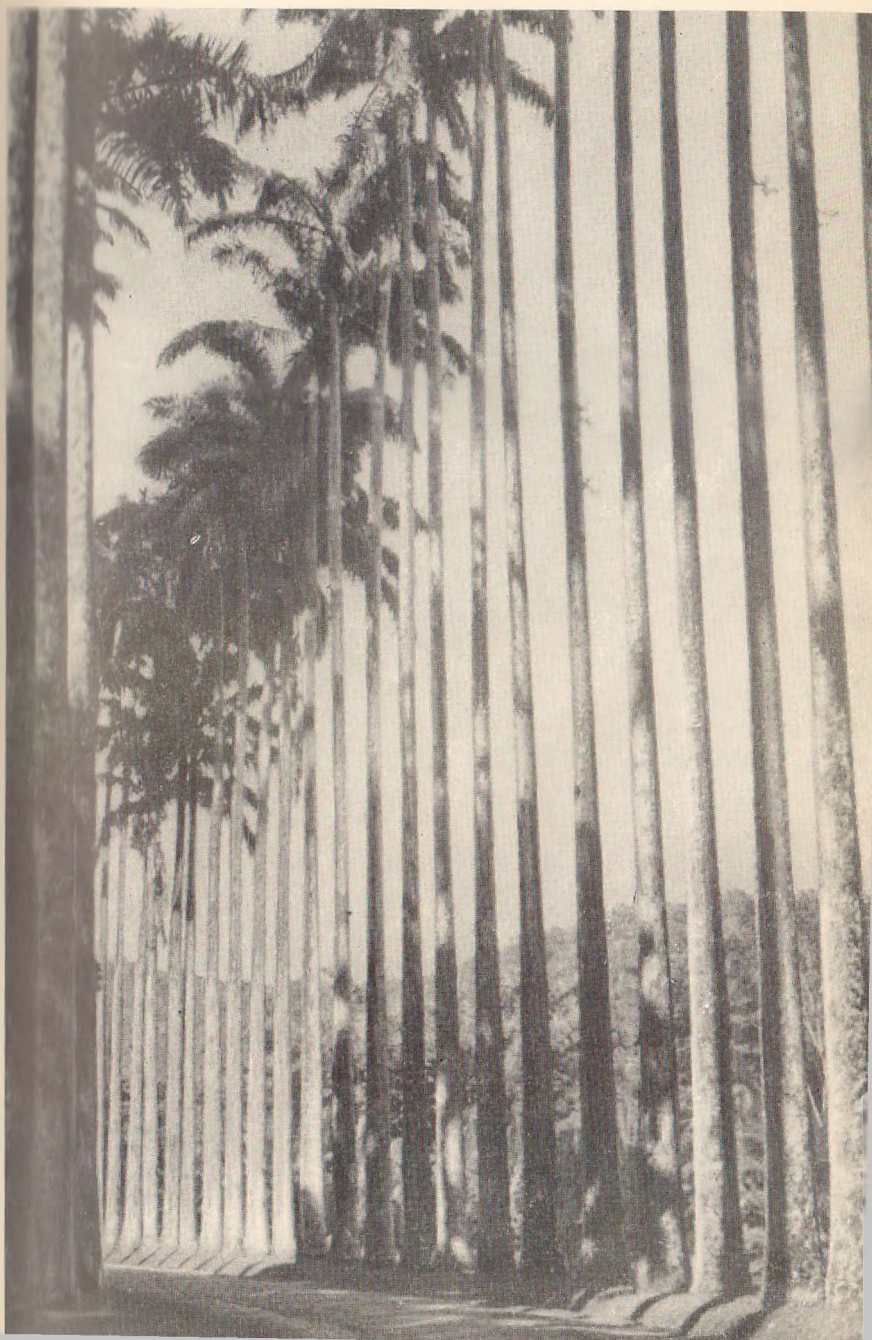

Цейлонское побережье

Маяк и лодки с поплавками

Сборная бесмертия — пальмы в ботаническом саду Перадения

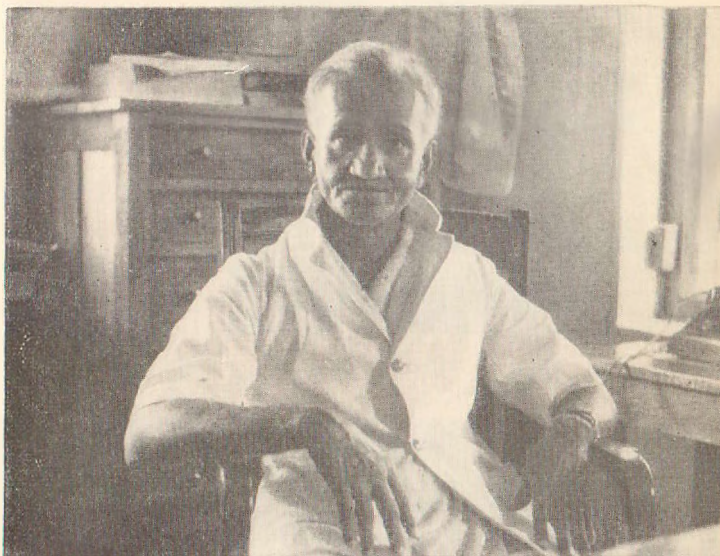
Танцовщица из Канди

Цейлонский
автобус
«Шкода»
и экипаж
в юбках

Непипичный
целовец,
директор
музея
(Коломбо)

Под охраной
старших
братьев

Барабанщик у храма
Святого зуба (Канди)

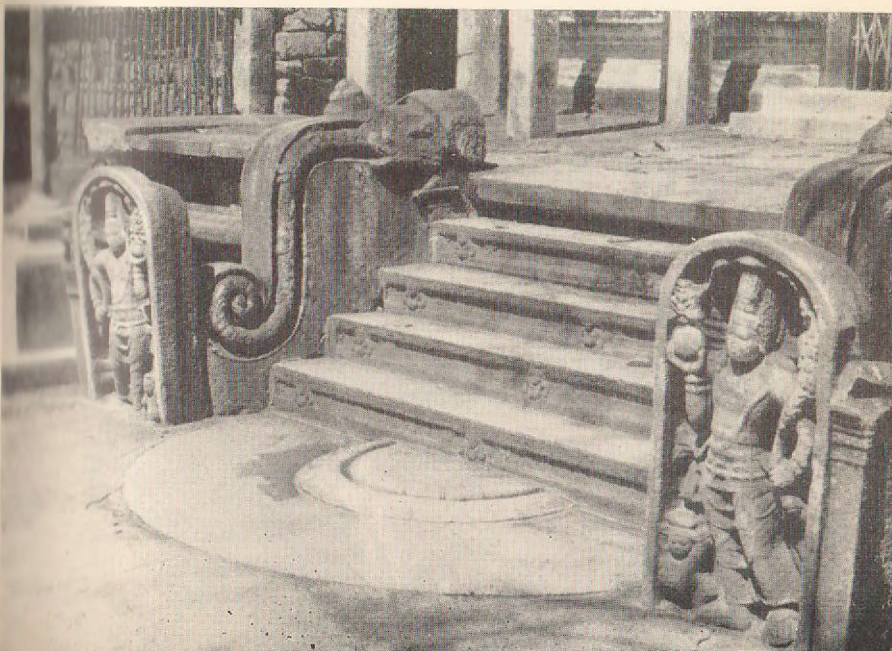

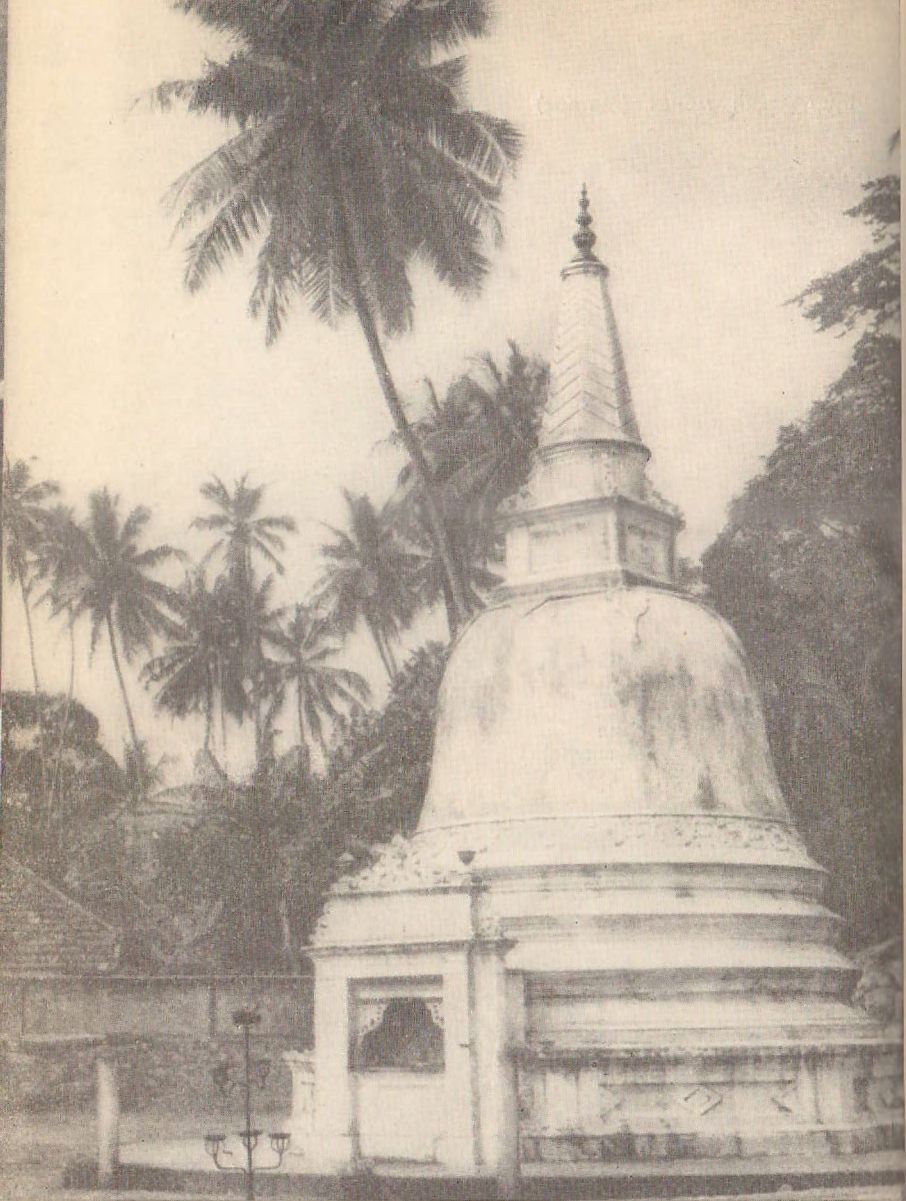
Продавщица кокосов
на шоссе, ведущем в Канди

Буддийский монах (Матара)

Лестница, ведущая
к дереву Будды (Анурадхапура)

Дагоба или ступа, буддийский реликварий

боги время от времени одалживали ему парочку своих лишних рук. Кроме того, он еще притопывал ногами, оттеняя этим каждый прыжок или падение своих кукол. Но удивительнее всего было то, что он делал ртом. Он держал в нем штучку, которую мальчишки на будеевицких ярмарках называли свистулькой. Это был маленький плоский жестяной инструмент с мембраной, который клали прямо на язык; свистеть на нем мог только продавец, а у огорченных покупателей ничего не получалось.

Бхайру владел этим инструментом виртуозно. Он не только пищал, свистел, верещал, щебетал, ворковал, но и лепетал, скулил, бормотал, ворчал, хрипел, прекрасно ржал по-лошадиному и особенно замечательно тараторил, быстро, в различных тональностях, так что это звучало как фантастическая карикатура на человеческую болтовню.

Эти полупискливые, полуболтливые звуки сопровождали все происходящее на сцене, а происходило там немало. Разыгрывался целый ряд мелких эпизодов, диалогов, ссор, танцев, шуточных и кровавых поединков. В последнем случае убитый падал посреди сцены вместе с поддерживавшими его нитками. Так как в убитых воистину не было недостатка, к концу представления на подмостках лежала груда недвижимых тел — настоящая сцена из «Гамлета».

Действие спектакля происходило при дворе принца. Из глубины сцены, опираясь о кулисы, смотрели представление его придворные. Все они были прикреплены к одной планке. После окончания каждого номера Бхайру тряс планку, придворные тихонько раскачивались, свистулька изображала нечто называемое у нас «оживлением в зале», а принц взмахивал платочком, как бы подавая знак, что можно продолжать.

ИЗЮМИНКА ТЕАТРА

Индийский кукольный театр — это бесчисленное количество ударов. Драки пользуются там огромной популярностью, куклы колотят друг друга дубинками и мечами, ревнивая танцовщица вцепляется ногтями в другую примадонну, лошадка брыкается, слон то-

пает, кобра пускает в ход свои ядовитые зубы — короче говоря, каждый норовит убивать тем, чем его вооружило для этой цели доброе божество.

Нам очень понравилась следующая сценка. На подмостки выходит маленькая кукла. Ее сделали такой маленькой по сравнению с придворными, видимо, для того, чтобы показать установленное богом неравенство людей. Малыш усаживается и начинает куском металла колотить по жестянке, которую держит на коленях. «Цинк, цинк, цинк», — звенит жестянка. Тогда от группы придворных отделяется один, особенно долговязый, чтобы вышвырнуть скандалиста со сцены. Свистулька в устах кукольника изображает, как злобно большой кричит маленькому:

— Пошел вон!

Но малыш не подымается и, к восторгу всех маленьких и незаметных людей, продолжает бить по жестянке.

— Цинк, цинк, цинк!

— Как ты смеешь?! — пищит свистулька на понятном для всех народов языке.

— Цинк, цинк, цинк! — весело и так же понятно отвечает малыш.

— Вот тебе! — гремит придворный, хватая малыша за шиворот или просто за глотку (у кукол это не имеет большого значения), бешено вращает его, дважды швыряет на пол (бух, бац! — подчеркивает удар ноги кукольника за ширмой) и выносит со сцены направо. Затем придворный возвращается с пустыми руками, кланяется принцу и собирается занять свое место в глубине сцены. Но тут — он изумлен так, что не верит своим ушам — слева снова весело раздается:

— Цинк, цинк, цинк!

Малыш возвращается с другой стороны, и все маленькие, простые люди в зале беспрдельно рады этому. Они открыто болеют за малыша на сцене.

На него, разумеется, обрушивается новый поток ругательств, он получает еще больше колотушек, его жестоко трясут и наконец со всего размаха швыряют налево.

А он снова появляется справа. Маленькие несокрушимы, урра, братья в зале! Малыш, присев на кор-

точки, опять колотит по жестянке, и слышится его веселое: «цинк! цинк! цинк!»

Теперь придворный немилосердно избивает его. Головка малыша не раз ударяется о пол, большой пинает его, прыгает по нему, пока сам не доходит до полного изнеможения и наконец присаживается отдохнуть. Но куда? Прямо на голову сбитого с ног малыша. А что тот делает? Руки его свободны, и он снова весело стучит: «цинк! цинк! цинк!»

Публика в восторге, публика беснуется, она готова смотреть на это с утра до вечера.

Но у Бхайру Лал большой репертуар, он переходит к следующей сценке. Кто кого будет бить на этот раз? Появляются два всадника на буйных ржущих жеребцах...

А мы отправляемся за кулисы — там беседуют наш брненский Ясанек с маленьким героем только что показанной сценки.

— Привет, — говорит Ясанек. — У тебя это здорово получается.

— У тебя тоже неплохо, — вежливо кланяется индийский коллега.

— Мне приходится гораздо труднее, чем тебе, — возражает Ясанек. — Ты понятия не имеешь, что такое современная театральная техника.

— Ты намекаешь на то, что вчера во время спектакля у вас погасли все лампы?

— И на это, — вздыхает Ясанек, довольный тем, что ни один из наших хитроумных механизмов не может наставить его покраснеть. — Вам это не страшно. Вы можете играть и при свечах. Для всего представления вам достаточно пальцев и рта одного кукольника. А мы без проводов, реостатов, магнитофонов и репродукторов и ударить не смогли бы.

— Не так уж много ударов вы раздаете и когда все ваши механизмы действуют исправно, — смеется индийская кукла.

Ясанек чешет деревянный затылок:

— Мы должны воспитывать молодежь, дружок, мы являемся, так сказать, элементом воспитания. Грубость, жестокость, вульгарность у нас...

— Я знаю, — ухмыляется индийский коллега. — Смех как таковой вас не удовлетворяет. И одной ра-

дости от того, что маленький в конце концов всегда побеждает большого, даже если тот сидит на нем, для вас недостаточно.

— Я не возражаю против того, чтобы ты играл в таких пьесах, — отвечает Ясанек. — Не думай, что у нас не любят таких героев, одного из них зовут Швейк. Но ты и Швейк в особом положении — вы классика.

— Хватит, — вмешивается в разговор прима-балерина Илона, немного плоская и строгая в частной жизни. — Я больше не могу это слушать! Ясанек, ты должен смелее пропагандировать наш театр перед индийскими коллегами. Он моложе? Моложе! Лучше представляет прогрессивные силы? Да! Завидуют нам наши индийские друзья? Завидуют! И сами уверяют, что готовы заимствовать наш опыт. У нас был такой же классический кукольный театр — вы слышали недавно доклад нашего руководителя об этом, — а где он сейчас? Ясно: не выдержал конкуренции кино! Нам пришлось искусственно воскрешать его, оснащать сложной современной техникой, чтобы и в этом отношении удовлетворить возросшую требовательность публики. А как обстоит дело с индийским кукольным театром? До чего он докатился со всеми своими якобы непревзойденными драками и клоунадой? Умирает, тоже побежден во всех соревнованиях. Чтобы показать нам его, в Бомбее пришлось разыскать актера откуда-то из Раджастана. Наши индийские друзья сделали правильный вывод, что надо помочь возрождению классического театра, пока он не исчез окончательно. И потому хотят учиться у нас, чехов. А ты ругаешь нашу работу!

— Да нет же, — искренне возражает Ясанек. — Я знаю, в чем наши заслуги и, честное слово, очень ценю их. Но разве надо заимствовать опыт только односторонне? Мне понравилось у индийцев, что они, если понадобится, могут играть и без электричества. И то, что иной раз можно вклеить пощечину и не чувствовать при этом себя позорно несознательным. И, наконец, в театре нужны такие элементарные вещи, как бурное веселье, темп, темперамент, ссоры, крик и хорошая драка. Что я могу иметь против техники, которая поит и кормит меня? Или против гуманности, нравственности и гигиены? Все мы жаждем создавать

искусство, которое служит доброму делу, полезно для общества. Но следует ли при этом забывать о специях, с которыми любое искусство легче переваривается, становится вкуснее? Об изюминке театра?

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УРАГАННЫЙ ОГОНЬ

Мы на обеде у писателя. Мульк Радж Ананд написал много книг, девять из них издано и у нас, его переводят больше всех современных писателей Индии. Некоторые из его коллег завидуют ему и всячески на него клеветают. У нас нечто подобное было бы невозможно, не правда ли?

Мульк делает вид, что не обращает на это внимания. Он непрерывно в движении, несмотря на свои пятьдесят три года, чрезвычайно непоседлив и инициативен. Он невысок, лицо у него приятное, умное, глаза быстрые. Его хватает на массу дел одновременно: он ездит на конгрессы, занимается политикой, сам редактирует хороший журнал «Марг», пишет очерки об изобразительном искусстве и, конечно, романы, причем все второпях, так же вздохнув говорит, при этом язык у него немного заплетается, словно не поспевает за таким темпом.

Живет он где-то за городом, но в Бомбее у него есть постоянная квартира — издатель сдает ему несколько комнат в своей старомодной вилле. Мы сидим в комнате, полной книг, картин, бронзовых статуэток, под высоким бревенчатым потолком кружатся большие лопасти вентилятора. Мульк вытянул босые ноги на кушетке, он в белых узких штанах, поверх рубашки желтая жилетка с большим количеством карманов. Это костюм его родного Пенджаба. Я жалуясь на жару и говорю, что завидую его легкой одежде. Он что-то шепчет секретарше, та на минутку скрывается в шкафу и появляется с точной копией одежды своего шефа. Все протесты оказываются тщетными, мне приходится удалиться в соседнее помещение и немедленно облачиться в местное одеяние.

Мульк образованный историк культуры, он окончил английский университет, большую часть жизни

провел в Лондоне и пишет свои произведения по-английски. Но пища в его доме, к счастью, индийская, и те, кто хотят, могут есть ее по-индийски, то есть руками. Собственно, рукой, так как пользуются при этом только правой и берут пальцами все, включая рис в жидком желтоватом соусе. Соус с кусками мяса напоминает скорее всего гуляш, к нему подается гарнир из чего-то вроде перца, затем не то белая, не то зеленая каша со сметаной. Кроме того, мы ели какие-то соленые блинчики, чем они были начинены, не знаю, но пахло это цветами. Со всем этим едят индийский хлеб «нан», это большая теплая лепешка, от которой по мере необходимости отламывают куски. После еды все отправляются в ванную ополоснуть испачканную соусом правую руку.

Съедено было много, говорили немало и посмеялись вдоволь. Говорил главным образом наш хозяин, рассказывавший о вавилонском смешении индийских языков. Если даже не учитывать десятков менее значительных национальностей, все же остается четырнадцать главных, решающих, с которыми должны считаться писатель и издатель, если они хотят, чтобы их понимала вся страна. Печальная ирония судьбы заключается в том, что язык бывших оккупантов до сих пор остается надежнейшим средством связи между всеми этими национальностями, и книги на английском языке выпускаются до сих пор наибольшими тиражами. Конечно, такое положение недопустимо, и здесь всеми средствами стремятся его устранить. Но как?

Мульк участвует в подготовке одним центральным издательством широкого плана выпуска значительных произведений на всех четырнадцати языках одновременно, причем тиражами, соответствующими потребностям того или иного круга читателей. Наилучшие возможности сбыта у бенгальских издательств, и на бенгальском языке пишет большинство писателей, могущих прокормиться только литературным трудом.

Эта важная предпосылка систематической работы прозаика возможна в Бенгалии потому, что там продается в среднем две тысячи экземпляров романа. В маленькой Чехословакии, говорит Мульк с горькой улыбкой, такой тираж покажется незначительным, но для большой Индии он велик.

Мульк профессионал и живет главным образом на гонорары, поступающие из-за границы. Только большая работоспособность и высокая литературная производительность позволяют ему отдавать много времени деятельности, не приносящей дохода. Он путешествует, занимается вопросами культуры, он главный организатор сотрудничества африканских и азиатских писателей, член Всемирного Совета Мира, он участвовал в организации Ташкентского съезда.

В тот же вечер Мульк председательствовал на публичной беседе, организованной культурным институтом Булабхай, чтобы чехословацкий гость мог познакомиться с большинством бомбейских писателей и ответить на их вопросы.

Пришло их много, мы сидели на открытой террасе, вокруг нас все время гремели выстрелы и сверкали молнии: наступал праздник дивали, когда часть жителей Бомбея встречают Новый год, бурно приветствуя его петардами и ракетами. Вопросы ставились также молниеносно и в упор.

Скажите, Фрид, вы знакомы с Пастернаком? Считаете ли вы, что придерживаетесь в своих романах метода социалистического реализма? Почему вы считаете, что это так? Разделяют ли остальные чешские писатели ваши взгляды? Издается ли у вас антисоциалистическая литература? Верно ли это? Что вы имеете в виду, утверждая, что каждый плохой, например, скучный роман — антисоциалистический?

Так продолжалось два с половиной часа. Что бы вы ответили на вопрос, почему у нас нет автора романов, пользующегося такой же мировой известностью, как Затопек? Мне пришлось признать, что в литературе у нас положение диаметрально противоположное ситуации в легкой атлетике. На гаревых дорожках у нас прекрасные бегуны на длинные дистанции и не хватает спринтеров, литературе же не хватает большого дыхания и выдержки для романа, но зато отмечается изобилие легконогих лириков. А их, к сожалению, трудно переводить. Вот нас на мировой арене и представляет главным образом Гашек.

Мульк Радж Ананд мужественно поддерживал меня. Частый гость Праги и знаток положения в нашей стране, он убедительно указывал на множество

положительных явлений в нашей культурной жизни. Называл обычные тиражи наших книг, которые везде — не только в Индии — считаются невероятно высокими. Подчеркивал роль эмансипированных женщин в нашей литературе; для примера он привел имя той, которая редактирует и переводит у нас его книги. Она умна, энергична, работоспособна, как мужчина, и при этом хорошая мать и очаровательная женщина. «Что вы скажете на это, индийские девушки?» — восклицал он.

Это был очень интересный вечер. Своим гамом, ураганным огнем вопросов и присутствием чрезвычайно любопытных корреспондентов всевозможных газет он резко отличался от интимной обстановки, в которой проходит у нас большинство таких бесед. Эту школу должен был бы пройти каждый из участников наших дискуссий. Он встретил бы там неожиданно много новых друзей и достаточно беспощадных противников. Труднее всего приходится с противниками, которые искренне считают себя передовыми, но при этом в их глазах сверкает огонек странной принципиальной либеральности, оторванной от реальной почвы и в первую очередь от почвы собственной родины, Индии. Вам приходится выдерживать взволнованный взгляд этих глаз и отстаивать — все время учитывая настороженное внимание сотрудников буржуазных газет — свою правду.

Вы знаете много такого, что этим людям неизвестно, вы приехали из страны, у которой в прошлом конкретный опыт фашистской оккупации и много лет практики в создании чего-то кардинально нового, смелого. И все-таки вам приходится терпеливо опровергать каждое неверное утверждение, которое выдвигают ваши оппоненты. Повышать голос или ссылаться на чей бы то ни было авторитет бессмысленно. Здесь эффективен только прямой ответ, здесь нельзя ни уклониться, ни тактически сманеврировать.

Два с половиной часа — большой срок. После этого вы почувствуете настоятельную потребность отдохнуть, просто выспаться. Но и в этом отношении в Бомбее все не так, как дома: спать вам не дадут. Для вас подготовлена дальнейшая программа, и она заполнит следующую главу.

КИНОШТРУДЬ

Начну несколько лирически. В прошлом году я нашел в баррандовском ущелье гнездышко, искусно сплетенное из сухих стебельков, перышек и кусочков киноплёнки.

Не удивляет ли вас иногда, насколько прочно это в сущности недавнее изобретение вошло в наш мир, а в данном случае даже в мир животных? Чувствуете вы, как ловко эта целлулоидовая ленточка обернула нас вокруг пальца?

Кино! Не знаю, как у современной молодежи, но в моей, еще совсем недавней молодости кино играло большую роль. Бóльшую, чем мотоциклы, хоккей и жевательная резинка. Все девчонки нашего класса выдыхали над фотографиями Анны Ондраковой и подобных ей бесенят или роковых красавиц типа Греты Гарбо. Все мальчишки преклонялись — правда, без вздохов — перед Чаплином или Тондой Миксой.

Звезды! В Индии был такой случай. В ответ на вопрос, когда можно увидеть на небе Южный крест, нас растерянно спросили: что вас, собственно, интересует? Созвездия? Разве у них есть имена?

Зато имена кинозвезд знал каждый ребенок. Дилип Кумар? Мадхубала? Кто же их не знает? Дилип играл в этом году в стольких фильмах, его лицо величиною в несколько квадратных метров с усиками или без них светилось у входов во все индийские кино. А Мадхубала? Кто не знает ее длинной тонкой талии и не смог бы наизусть перечислить драгоценности на ее носу?

О кинозвездах мы читали в газетах, повсюду встречались с их фотографиями. В статье, озаглавленной «Новые магараджи», писали, что кинозвезд слишком мало по сравнению с огромным количеством выпускаемых фильмов и некоторые из них параллельно снимаются в пятнадцати главных ролях. Хотя кинозвезды получают миллионные гонорары и живут во дворцах, жизнь у них далеко не завидная. Поклонники готовы их задушить, по Бомбею они могут передвигаться только в лимузинах с завешенными окнами, и полицейские вынуждены дубинками прокладывать им дорогу от машины к дому.

Между прочим, общая истина: в каждой любви таится ее ядовитая противоположность. Как странно мстим мы иногда тому, перед кем преклоняемся! Как преследуем его назойливым, даже нечистым любопытством, как внимательно прислушиваемся к сплетням и анекдотам, распространяемым о нем, как часто не даем ему возможности хоть немного пожить личной жизнью, свободно вздохнуть. Не потому ли так много обожаемых публикой людей кончало жизнь насильственной смертью? В каждой религии вы найдете этот культ под различными названиями. Говорят об «агнце, взявшем на себя грехи людей», и потом этого агнца любовно жарят и съедают. Разве Сократа, Жанну д'Арк, Ганди и тысячи других убили одни только открытые враги?

Вот в какие странные закоулки человеческой души можно заглянуть благодаря такому обыденному явлению, как интерес к кинозвездам. К звездам, которые в наше время, особенно в странах, где этот интерес намеренно культивируют, пожалуй, занимают место популярнейших идолов, живых небожителей. Правда ли, что мы в Чехословакии не мучим так наших актеров? Да, не мучим, и это большой прогресс. Но и не так любим.

Индийские кинозвезды — это классические жертвы двойных чувств своих поклонников: любви и ее противоположности. Поклонники дают им все, но при этом все у них отнимают; превращают их в неограниченных властителей сердец и одновременно в узников; их любят все, и в то же время на них выжжено клеймо касты, которую дозволено любить всем. Ведь мы уже упоминали о том, что, по сложившемуся испокон веков обычаю, общественное положение индийских киноактрис немногим отличается от положения женщин древнейшей профессии — проституток.

Но вернемся к нашему репортажу об изнурительной программе дня. Мы остановились на описании ураганного огня вопросов во время беседы с литераторами. В половине одиннадцатого ночи мы поехали в другое место, в частный просмотровый кинозал. Глаза сами прикрылись, нервы попытались поглубже

погрузиться в мягкое кресло, оператор включил проекционный аппарат, и начался кинопонос... Что это — опечатка? Как знать... понеслись тысячи метров пленки. Нам предстояло увидеть потрясающую программу, длившуюся свыше трех часов.

Бомбейские фильмы вообще гораздо длиннее наших. Во-первых, там все происходит медленнее, чем у нас, — у людей море времени, целый Индийский океан. Во-вторых, зрители хотят получить за малые деньги много музыки, а так как они выдерживают музыку, включая танцы, в неограниченном количестве, продюсеры обволакивают жалкие каркасы своих сюжетов огромным количеством ваты. Они способны превратить все что угодно в торжественное праздничное зрелище, положив при этом в основу кровавую трагедию, захватывающее приключение, увлекательное и интригующее событие, драму со стрельбой, сентиментальные и трогательные переживания, веселые проделки, вызывающие гомерический смех... Словом, для этого есть множество специальных терминов, если вещь не называют просто опереткой. Произведение, полученное в результате таких наслоений, называют у нас штруделем.

То, что мы в эту ночь увидели, было мастерским произведением этого рода, многослойным штруделем, блестящим боевиком для внутреннего рынка. Вспоминаю, как американский комик Аллен по-своему разъяснял известное выражение «*Ars longa, vita brevis*»: ¹ «Искусство велико. Оно таких же размеров, как очереди у касс».

Размеры этого растянувшегося на часы боевика соответствовали его способности привлекать публику в кино. В нем рассказывалось о красивой, видимо, сказочно богатой девушке, всей душой увлекавшейся балетом. Пресыщенная поверхностными современными танцами, она просит строгого преподавателя классического балета заниматься с нею. У преподавателя красавчик сын, которого он обучает танцам вместе с нею. Вы, конечно, не догадываетесь, что после целого месяца тренировки тела и разучивания любовных балетных сцен между учеником и ученицей возникли

¹ Искусство обширно, а жизнь коротка (лат.).

чувства более нежные, чем положено простым партнерам. Богатый поклонник девушки и ее строгий учитель, разумеется, неприятно поражены зарождающимся у них подозрением. Они всеми силами стремятся прервать нежную связь молодой парочки. Между тем бегут часы киновремени, а штрудль все наслаивается и наслаивается, пока наконец при помощи телепатии, магнетизма и религиозных чудес все не кончается так, как полагается в этом «длительном» виде искусства.

Рукав, в котором оказывается в конце концов рука, конечно, роскошен, расшит золотом, и вообще все изобилует красками, изюминками, белыми водяными лилиями, зелеными фисташками и густой подливкой из розового сиропа. На все намекают танцем, цветами, все насыщено мифологической символикой, низменная эротика голливудского типа не допускается. Например, героиня демонстрируется в шикарных брюках для верховой езды, в каком угодно танцевальном одеянии страны, но ни в коем случае без него или почти без него. При каждой щекотливой ситуации объектив кинокамеры вовремя отодвигается, кадр затемняется. Знаете ли вы, что в Индии вырезают из ввезенных из-за границы фильмов даже заключительный поцелуй?

Такая строгость поражает приехавшего с Запада человека, сбитого с толку полной эротикой индийской скульптурой или фаллическим культом, до сих пор процветающим в храмах. Да и в повседневной жизни, которую он встречает по пути, много неприкрываемой наготы. Лишь в кино она полностью отсутствует. Там царит только неприкрытое стремление к наполнению кассы, а для этого нужны другие аттракционы.

Было бы несправедливо поставить здесь точку и не сказать, что у молодой индийской кинематографии есть свои достоинства. Ее техническая оперативность уже сейчас поразительна, в Индии кинематографисты работают быстрее и дешевле, чем у нас. Наряду с фильмами, которые представляют собой рыночный товар, там ежегодно создаются замечательные произведения, получающие высокую оценку на международных фестивалях. Вспомните «Два бигха земли», фильмы с Радж Калуром, «Мать Индии», которые мы

видели на наших фестивалях. Это выдающиеся фильмы, свидетельствующие о появлении новой великой державы в искусстве.

Но тот, кто хочет узнать, что предпочитают сейчас смотреть в Индии, не должен пренебрегать такой сладенькой стряпней, какую сегодня случайно отдали мы.

ГРИФЫ И ЧЕРВИ

Это была любовь, длившаяся с первого взгляда до двенадцатого, потом она испарилась. Но в короткий период ее расцвета мы, глядя на нее, подталкивали друг друга локтями.

Наш голубоглазый Войтик добряк и к тому же профессиональный актер. Он не может не говорить женщинам то, что все они так любят слушать, — комплименты. Готов льстить им с утра до ночи, и удивительно, что при этом ни одну из них не смущает, что он с небольшими изменениями повторяет одно и то же. А так как с течением времени добряк и актер слились в нем, он стал истинным артистом, и в первую очередь сам верит тому очарованию женской красоты, о котором говорит.

Но на этот раз он держал в объятиях удивительно обаятельное существо, и это вывело из равновесия даже нашего милого Войтика. Комплименты, расточаемые почти автоматически, перестали быть затасканными, обрели вдруг свежесть. Эта бомбейская девушка *вправду* была красивой, ее черные волосы *вправду* были пышными и благоуханными, а карие глаза умными. Они светились лукавством и готовностью к покорности, и у чеха от этого закружилась голова. Он танцевал с ней уже четвертый танец, нежно прижимал ее стройную фигурку, его правая рука покоилась на узкой полоске обнаженной стройной спины.

Во время пятого танца кто-то увел ее, и Войтик, неспособный сразу пойти танцевать с другой, отошел в уголок, чтобы закурить.

— Мисс Джиджибхай очаровательна, не правда ли? — спросил его кто-то из наших индийских друзей, подавая ему огонь. — Она из касты парсов.

— Парсов? — изумленно перебил Войтик: такой девушки у него еще не было. В пресловутом списке девушек, с которыми он переписывался (читатели уже слышали о нем), были воинствующие атеистки, верующие христианки, еврейки, в последнее время мусульманки и индуски, но религиозная секта парсов до сих пор отсутствовала. — Да ведь это те, что своих покойников не хоронят в земле и не сжигают. Относят их на Башню молчания, чтобы там их сожрали...

— ... грифы, — договорил наш индийский друг, когда чех вдруг осекся.

— грифы... — повторил через некоторое время Войтик, блуждая взглядом среди танцующих пар, пока не остановился на красивой мисс Джиджибхай. — Неужели кто-нибудь может быть добровольным последователем такой страшной религии?

Индиец рассмеялся и пошел в другой угол, где кто-то тоже хлопал себя по карманам в поисках спичек. Войтик остался один. Едва умолкла музыка, он раздавил сигарету в пепельнице и поспешил в середину зала. Он не собирался снова уступать кому-либо свою партнершу.

И вот он держал ее в объятиях, ее волосы благоухали, глаза улыбались лукаво и в то же время покорно. А под правой рукой он чувствовал ее обнаженную спину. Но все обаяние исчезло. Войтик не мог отделаться от отвратительного представления: грифы! Когда это существо перестанет дышать, оно достанется стервятникам. Он слышал их крики, видел их огромные отвратительные силуэты с изогнутыми клювами и лысыми шеями. Знал и воронов, летавших по всему Бомбею, наблюдал вблизи пуговички их пристально глядящих глаз и твердые когти, пока что впивавшиеся лишь в рамы гостиничных окон...

Девушка почувствовала: что-то изменилось. Покорность начала постепенно исчезать из ее глаз, в них осталась только улыбка, но и та становилась все более трезвой. Танцор безнадежно умолк, его объятие стало вялым — женщины безошибочно чувствуют такие вещи.

Когда музыка смолкла, он тоже заметил, что его партнерша отдаляется от него, и, вероятно, навсегда. Он не хотел просто так опустить руки, стыдился той

быстроты, с которой перегорел его восторг. Может быть, не следует без боя отдавать грифам это прекрасное, животрепещущее существо, которое он все еще обнимает.

— Еще один танец, — неуверенно попросил Войтик.

— Мне хочется пить, — сказала она, давая этим понять, чтобы он отпустил ее. А когда он растерянно послушался, добавила: — Может быть, вы мне скажете, о чем вы во время танца так упорно думали?

— Я... мне о вас сказали... Я ходил вчера смотреть на деревья подле Башни молчания...

Она недоумевающе подняла брови.

— Я... — снова начал Войтик. — Вы мне страшно понравились, у вас такие изумительные глаза... И когда я представил себе, что как раз на них сядут...

— Грифы? — рассмеялась девушка. — Да, когда-нибудь. И потому вы сейчас так охладели? Знаете что? Вы тоже не были мне противны. Но и мне случалось кончиком ботинка перевернуть камень, заросший травой. Там было такое... — Она решительно отвернувшись отошла к столу с напитками.

Все, кому это выгодно, процитируют по такому поводу двустипшие Редьярда Киплинга: «О, Запад есть Запад, и Восток есть Восток, и с места они не сойдут».

Понимал ли господин Киплинг, в чем суть? Он родился в английской семье именно в Бомбее и мог кое-что знать. Жаль, что он не захотел узнать хоть немногим больше того, что усвоил тщательно ограждаемый ум общества, делающий выводы на основании столь скудных познаний.

Тому, кто стремится обеспечить себе господство над чужой страной, недостаточно чувствовать себя там просто иностранцем. Он должен считать себя выше стоящим, причем неизмеримо выше стоящим иностранцем. Фашисты в Чехии, англичане в Индии — какую пеструю мешанину мифов, суеверий, предрассудков, больших и малых чувств пришлось официально выдвинуть и объединить в карикатуру на закон или так называемую научную истину, чтобы создать что-то вроде общественного строя!

Империалист Киплинг сказал свое слово, и оно уже стало достоянием прошлого. Станет ли теперь товарищ писатель из Чехословакии утверждать, что

между Востоком и Западом вообще нет никакой разницы? И не подумает. Он слишком хорошо знает, какой отпечаток накладывает на человека хотя бы домашнее воспитание. Человеку кажется, что варить надо именно так, как варила его мать, что отрыжка — типичный признак некультурности и что, пожав руку цыгану, надо поскорей пересчитать собственные пальцы. Все эти истины чертовски глубоко запечатлеваются в наших умах и отнюдь не помогают тому, кто отправляется за границу укреплять дружественные связи. Нет необходимости обращаться за примерами к Киплингу. Мы можем в нашей собственной литературе прочесть, что чешский крестьянин был чешским крестьянином, а чешский батрак — чешским батраком и их дети — так же как Восток и Запад — не должны были сходиться. Они оказывались в том же положении, что Ромео и Джульетта, хотя Монтекки и Капулетти были одинаково богаты и верили в один и тот же вымышленный закон, в силу которого их семьи стояли выше других.

Мы не собираемся недооценивать силу, которая приковала Маришу к нелюбимому мужу и довела ее до убийства¹. Мы отлично знаем огромную власть предрассудков, денег, сыновней покорности, официальной морали, религии, но ничего ими не оправдываем, не считаем их последним словом мудрости, не капитулируем перед ними, подобно Киплингу. Английское владычество в Индии, каким его изображал Редьярд Киплинг (хотя в остальном он замечательный писатель), основывалось на незыблемости предрассудков. Точно так же, как сейчас, сохранение мира во всем мире связано с их полным искоренением.

Предрассудки — великая сила, и потому установление мира — нелёгкое дело. Но, присмотревшись к ним получше, каждый убедится, что достижение мира не безнадежно. Куда девались препоны между дочерью кулака и батрацким сыном? Они были сильны, но у нас в Чехословакии уже исчезли. Восток и мы?

¹ Мариша — героиня чешской драмы Алоиса и Вилема Мрштик «Мариша», изданной в 1894 г. Мариша любит молодого батрака. Но богат отец выдает ее замуж за старика мельника. Чтобы избавиться от ненавистного мужа, она отравляет его. — *Прим. перев.*

Тысячи препон, различий; по-разному стряпают хон-лики, не похожи погребения и свадьбы, разный цвет кожи у людей, иная форма глаз, некоторые даже читают справа налево...

Нет, друзья, мне и в голову не приходит недооценивать различия. Столкновение грифов и червей само по себе, конечно, бессмыслица, но оно может внести непоправимый разлад в отношения людей, которых влечет друг к другу. Вероятно, вы хотели бы знать, чем кончилась встреча индийской девушки Джиджибхай и чешского юноши Войтика. Но как раз это не имеет для нас никакого значения. Хорошо или плохо — один этот случай не меняет задачи, стоящей перед каждым из нас. И перед вами тоже.

КОЛЕБАНИЯ ВОЗДУХА

Райс Чан виртуоз игры на инструменте, называемом ситар. В этом слове чувствуются отзвуки названий нашей цитры и гитары, но индийский ситар по сравнению с классической простотой этих инструментов гораздо роскошнее и темпераментнее. У него выпуклый резонирующий корпус; длинный гриф с колками тоже выглядит сложнее. Вдоль грифа тянется желобок, пересеченный перегородками, некоторые из стальных струн все время звучат, создавая взволнованный звуковой фон, в то время как музыкант пальцами правой руки вызывает из остальных струн вибрирующую, живую, изменчивую мелодию.

Сам музыкант, поразительно бледный молодой человек с козлиной бородкой, слегка напоминает оркестранта негритянского джаза Диззи Джилеспая. И то, что он играет, — называется это рага — также поразительно: суховато и сумасбродно, порой словно создано в трансе.

Маэстро вышел на подмостки в сопровождении барабанщика и двух юношей, которые сели рядом с ним и молча на него глядели.

— Для чего они здесь? — спросил я своих друзей.

— Просто так, — ответили они, — for moral support.

Для моральной поддержки? Да. Их присутствие помогает музыканту справиться с волнением, облег-

чает контакт с публикой и чуточку подчеркивает его значение, подымает престиж. Двое сопровождающих это не очень много, поясняют наши друзья. Некоторые музыканты приводят на подмостки десятков, а то и больше своих товарищей.

Сначала это кажется смешным, но потом, как всегда, находишь аналогию у себя на родине. Разве нет у нас актеров, которые хотят, чтобы их жены сидели на каждом спектакле в определенной ложе? Разве многие концертные певицы, отлично знающие наизусть свою партию, не сжимают судорожно в руках нотный листок именно для моральной поддержки? Хороший индийский музыкант импровизирует свое выступление. Единственное и неповторимое произведение возникает при данной ситуации, в данном настроянии. Что же удивительного, если он старается обеспечить себе более основательную поддержку, чем наш актер или певица?

Райс Чан вышел на подмостки с почти кокетливо взволнованным видом, опустил длинные ресницы и крепко сжав губы. Едва сев и взяв в руки инструмент, он начал жевать. Очевидно, принес во рту бетель и теперь лихорадочно разжевывал его. Не знаю, насколько притупилось у него восприятие острого корня, который вместе с листьями бетеля кладут на язык. Если он реагирует на них так же, как я, начинающий, то это должно оказывать некоторое время сильное наркотизирующее действие. После первых движений челюстями мне казалось, что мои десны разъедает кислота, имеющая привкус гвоздики. Чувство было такое, какое испытываешь у зубного врача: жгучая боль во рту, который становится центром вашего тела, да что я говорю тела — всей Вселенной. Мозг погружен в жужжащий туман, мысли расплываются, не могут ухватиться за что-нибудь определенное.

Если Райс Чан испытывал при жевании бетеля что-либо подобное, то это, конечно, замечательный способ отвлечься от страха, от публики и для начала положиться только на вышколенные пальцы, способные механически исполнять прелюдию. Раздались первые звуки; их прервало полуавтоматическое подтягивание колков, затем последовало несколько звуков, показывающих барабанщику, с собачьей преданностью следя-

щему за музыкантом, какая тональность будет положена в основу сегодняшней импровизации. Тотчас же, без всякого перехода зазвучал табла — двойной барабанчик. Барабанщик то легко прикасается к точно настроенному кожаному барабану, то сильно ударяет по нему.

Ситар теперь звучит увлеченно, непрекращающийся шорох свободных струн (что-то вроде звучания бурдонных трубок в нашей волынке) образует просто фон, а не гармоническое дополнение основной мелодии, порождаемой точными движениями пальцев музыканта; а она бежит, подскакивает, шелестит, насмешливо мурлычет. Мелодия, задыхаясь, взбирается вверх и падает вниз, ускоряется и замедляется, музыкант отважно жонглирует темой, сжимает и растягивает ее так, что она становится тягучей, эластичной, скользит и стонет и неизменно оправдывает ваши с каждым пассажем растущие ожидания. Все время в исполнении Райс Чана есть какой-то индивидуальный, взволнованный элемент протеста, резкой нарочитости, а порой — тем более поражающая вас — нотка мягкой нежности.

Какова же сама мелодия? Арабеска, нарисованная одной линией, лента, укрепленная на конце палочки китайского фокусника, создают свое собственное пространство, связанное лишь с самим собой, созвучное лишь собственному изгибу, созданному за секунду до того и сохранившемуся в нашей зрительной или слуховой памяти, — музыка волнующая, своеобразная, способная надолго приковывать наше внимание, хотя и мало напоминающая то, что мы привыкли называть музыкой.

Райс Чан все так же бледен, сосредоточен, поглощен создаваемым им самим музыкальным строем. Он меняет длину струн, оттягивает их в сторону от точного порожка ладов, скользит на грани между нотами, извлекает из струн все, что они могут дать, не лопнув, заставляет звук извиваться в полете, дует ему под крылья и снова позволяет мелодии ускользнуть и раствориться в бесконечности.

Странное наслаждение чувствуешь, слушая чужую музыку, даже если она, как все чужое, не сразу, нелегко усваивается. Поэтому не удивительно, что кое-

кто из нас с облегчением вздохнул, когда Райс Чан спустя полчаса, закончив игру и впервые улыбнувшись, благодарил за аплодисменты.

Затем наступил черед Европы. В ответ на индийский концерт за рояль сел наш дирижер, ударил сразу всеми десятью пальцами по клавишам, и впервые за весь вечер прозвучал аккорд. Трезвучия нагромодились на трезвучия, все было полно буйных красок, медвяного аромата чешских лугов и рош. Этот музыкант тоже импровизировал, но его музыка была проникнута стихийной романтикой полных любви воспоминаний. Он снова и снова погружался в пучину Сметаны и явно не мог насытиться этим...

На этот раз наши хозяева слушали так, как до того слушали мы. Одни с искренним интересом, другие с облегчением вздохнули, когда прекратилась игра.

Дамаянти Джоши владела своим телом так же искусно, как владел пальцами Райс Чан. Это была великолепная танцовщица. Сначала мы установили, что она красива, по-настоящему обольстительна. На ней была скромная шелковая одежда, расшитая золотом, конец длинной юбки прoderнут между ногами. На груди было повязано кружево — иногда это производит такое впечатление, будто индийские танцовщицы носят бюстгальтеры поверх одежды.

Дамаянти показала нам классический танец, созданный, очевидно, еще в те времена, когда мужчины были мужчинами, и ничто не могло становиться вровень с ними. Она превратилась в драгоценность, в нечто безмерно желанное, но не могущее существовать само по себе. Она пристально смотрела вперед, не на кого-нибудь определенного и все же так, что у каждого мужчины создавалось впечатление, будто именно его она избрала своим защитником. Дамаянти сверкала зубками, слегка покачивала бедрами, смеялась глазами, звенела браслетами на щиколотках. Вот она взмахнула руками, и вокруг стала извиваться гирлянда из мужских сердец, нанизанных одно за другим, — Дамаянти могла делать с ними, что ей вздумается.

Танцевала своенравная знатная дама, и все-таки мужчины не робели перед нею. Это была только вы-

полненная с величайшим искусством марионетка, которую для отрады господина наделили жизнью. Ее вариации на одну и ту же тему длились без конца, были прихотливы, сложны, продолжались так долго, что шея танцовщицы покрывалась потом.

Танец покорила всех нас, на этот раз даже тех, чей слух вообще склонен воспринимать лишь европейские мелодии. Девушки были увлечены так же, как юноши, хотя танец предназначался для воздействия главным образом на чувства мужчин. Для всех важно было *как*, а уж во вторую очередь *что* она танцевала. И мы бесне аплодировали.

Дамаянти благодарила, сложив руки, и по ступенькам спустилась с подмостков прямо к нам. Оказалось, что она маленькая и хрупкая, хотя на сцене держалась уверенно и производила впечатление хорошо вылепленной статуи. Ко всему она во время разговора еще надевала очки, чтобы лучше видеть своих собеседников.

Нарушила ли она иллюзию? Наоборот. Уважение и восторг лишь возросли: они обогатились умилением перед брэнной человеческой оболочкой, способной подняться на такую высоту. Благодаря искусству человек подымается над самим собой. Бледный Райс Чан выразил эту истину при помощи струн, хрупкая Дамаянти Джоши — движениями своего тела. Оба они лишь слегка поколебали воздух; доиграли и дотанцевали, и, казалось бы, ничего не осталось — публика разошлась и обыденная жизнь продолжается по-прежнему. Но совсем ли по-прежнему?

Нет. Что-то прибавилось. Человек живет не только хлебом насущным, его день проходит не только в заботах о безопасности, о преодолении стихий. Есть еще наслаждение красотой, максимальным приближением к совершенству, искусством.

РАЗНАЯ КРАСОТА

Тому, кто привык к правилам греко-римской борьбы, американский кэтч, монгольский поединок орлов или малайский обмен пинками могут показаться странной, даже смешной разновидностью того, что некогда было красивым развлечением людей.

Еще несправедливее бываем мы, применяя греко-римские каноны к искусству. Аполлону Бельведерскому или Венере Милосской мы покоряемся безоговорочно: это красота. Византийской богоматери, готическому распятию или атлантам барокко приходится с нами труднее: мы считаем, что это соперники скорее интересные, чем красивые. Но когда в борьбу вступает скульптура Черной Африки или американских индейцев, то мне непрерывно мерещатся свистки арбитров: так и сыплются недозволенные приемы, удары ниже пояса. Не называя эти произведения просто варварскими и грубыми, мы снисходим до того, что расцениваем их как своеобразные, курьезные.

За последние несколько десятилетий мы чуточку исправились. Пикассо и другие художники научили нас понимать хотя бы негритянскую скульптуру. У нас появился вкус к обаянию так называемых примитивов. Способствовали этому и археологи — они усердно принялись за раскопки, вытащили и выставили многое из хранившегося в кладовых музеев; новая техника репродукции, фотодеталь и фильм стали распространять столько различных видов красоты, что позиции, занимаемые якобы единственной красотой, греко-римской, значительно пошатнулись.

Викторианская Англия еще пыжилась, поддерживая в неприкосновенности старые эстетические нормы. Все чужое, то есть непривычное, нехристианское и, следовательно, безнравственное, действовало ей на нервы. Она обжиралась, например, индийскими изделиями и в то же время умудрялась видеть в создателях этих сокровищ лишь грязный сброд, отсталых детей. Говорить о том, чем украшают туземцы свои храмы, так же считалось «шокинг», как обсуждать эстетические качества рисунков в общественных уборных. Менее десятка лет отделяют нас от того времени, когда английский профессор археологии Вестмакотт заявил: «Ничто не привлекает нас к занятию скульптурой Индостана. Она совершенно не способствовала развитию изобразительного искусства. Ее уровень настолько низок, что как отрасль искусства она не представляет никакого интереса».

Все сказанное лишь «примечания на полях». Мы просто протираем очки, готовясь к первой встрече с

индийской скульптурой, а так как таких встреч будет на нашем пути много, хорошо с самого начала разобраться в трудностях, которые нас ожидают. Люди, склонные выражаться ученым языком, сказали бы, что наши замечания можно свести к тому, что имеются препятствия внешние и внутренние. Внутренние заключаются в нашей все еще недостаточной подготовке к оценке непривычного, чужеземного типа красоты, которой нас не научили вообще; тем более не сделала этого школа. Внешние препятствия возникли по вине английских и других колонизаторов: они ответственны за плохую сохранность памятников древности и за недостаток стремления к их правильной оценке.

Наше паломничество к великолепному, хотя и труднодоступному искусству Индии начинается неподалеку от бомбейской гавани, на острове Элефанте.

Город с праздничным шумом ракет и фейерверков остался позади, моторная лодка пробирается между строгими корпусами стоящих на якоре заморских железных гигантов. «Смотрите», — вздыхают чехословаки и тиетно пытаются объяснить своим здешним друзьям, почему для нас каждое большое судно овеяно романтикой, даже если оно перевозит джут или нефть.

Лодка причаливает на мели у тихой рощи, некоторые деревья здесь растут прямо в морской воде, сильно насыщенной солью. На берегу ожидают носилки, на случай если кто-нибудь из белых туристов захотел бы продолжать свой путь подобно сагибам. Снует здесь и стайка мальчишек, которые с криком представляются нам в качестве «камерокули»: они готовы за вознаграждение нести фотоаппараты иностранцев, весящие несколько сот граммов.

Но мы, устояв перед соблазном, поднимаемся на холм пешком по вымощенной черной брусчаткой дороге. Оказывается, что идти недалеко, и через несколько минут мы стоим перед входом в тысячелетнее святилище.

Его называют пещерным храмом, но не воображайте, что вы увидите естественную пещеру. Может, что-нибудь в этом роде здесь когда-то и было устроено

для выполнения религиозных обрядов, но сейчас от этого и следов не осталось. Сейчас перед нами величественное дело рук человеческих: целый комплекс залов и помещений, выдолбленных глубоко в скале, со сводами, поддерживаемыми колоннами. Колонны мощные, внизу четырехугольные, приблизительно на половине высоты они сужаются, становятся круглыми, а их капитель напоминает мягкую подушку, как бы расплюснутую тяжестью свода. Потолок ровный, главный зал высок, прохладен, полон воздуха. Посреди зала массивные стены отделяют охраняемый атлантами вход в небольшое помещение, собственно святилище, где с пола подымается каменный фаллос, символ пола бога Шивы.

Шиве посвящен весь этот храм, заложенный во времена, когда после кратковременного господства буддизма в Индии снова возобладали индуизм. (Если кого-нибудь удивляет, что Будду почитают в соседних странах больше, чем на его родине Индии, пусть он вспомнит о христианстве, которое тоже распространилось повсюду больше, чем в стране своего зарождения.)

Согласно учению древней индийской религии, Шива был первоначально богом разрушителем. Созданием и сохранением мира ведали два других бога. В период, когда строился храм в Элефанте, Шива занял первое место в святой троице, внешний облик его смягчился, и в его лице воплотились все три божественных аспекта: созидание, сохранение и разрушение. Этот его триединый облик олицетворен в центральной скульптурной группе святилища.

О статуях этого святилища и идет речь. Их здесь немало. Они колоссальны, мастерски выполнены, специалисты считают их вершиной индийского искусства. Храм имеет три входа, по обе стороны каждого из них каменные горельефы, изображающие деяния Шивы. Такие же два горельефа обрамляют центральную статую. Все они глубоко врезаны в стены, словно создатели их стремились к тому, чтобы они были всегда погружены в таинственный полумрак.

Шива на них живет, созерцает, танцует, карает, совершает чудеса, бывает грозным и ласковым. Мы видим здесь сцену свадьбы великого лучезарного бога с прелестной маленькой Парвати. Невеста скромно

опустила голову, кто-то из родственников мягко подталкивает ее к жениху. Центральные фигуры окружены на горельефах множеством других, главным образом богами индуистского пантеона. Их очень легко узнать по животным, на которых они обычно ездят. У Шивы — свой бык, колесницей для Брахмы служит лебедь, а Вишну летает на орле. Видим мы здесь и Ганеша, толстого сынишку Шивы, который, как маленький Эдип, хотел стать между отцом и матерью. Шива отрубил ему за это голову, но затем вместо нее дал голову умного слоненка. Здесь целый отряд небожителей и их возлюбленных; длинноногие, очаровательно выполненные фигуры. Непонятно, как это Европа после стольких столетий даже не дала названия этому искусству!

Быстрее всего убеждает и меньше всего нуждается в комментариях огромный бюст трехликого Шивы. Вперед смотрит лик Хранителя. Он сосредоточен, уравновешен, всеобъемлющ, он должен выражать единство всех противоречий, его атрибут — плод. Влево в тень повернут профиль Разрушителя. В нем нет карикатурной свирепости, это не демон разрушения, а упорный, непоколебимый завоеватель. Чувственный рот прикрывают солдатские усики, из кулака выглядывает голова ядовитой кобры, в волосах змеи и символы смерти. Вправо глядит лик Созидания (вернее, Зачатия), это женщина, с выдающейся полной нижней губой, вялая, спокойно красивая, как цветок, который она сжимает в руке. Ее прическа, украшенная нитями жемчужин, на тысячу лет предвосхитила моду французского рококо.

Первыми европейцами, поселившимися здесь, были португальские конкистадоры, фанатичные католики, алчные до золота и пряностей. Храм они превратили в склад оружия, здесь же упражнялись в стрельбе. Они повредили все статуи, отбивали им руки и ноги, стреляли в половые органы.

Этим они на долгие годы предопределили отношение Европы к индийской скульптуре с ее порой многорукими, иногда многоголовыми статуями, скульптуре, большей частью основанной на совершенно особом подходе к смыслу жизни и правилам его воплощения в искусстве.

Прекрасны ли эти статуи? Бесспорно. Тому, кто сумеет избавиться от греко-римских и тому подобных предрассудков, не труднее будет понять их, чем современные статуи или музыку нашего столетия. Нужно лишь стремление видеть, слышать, понимать. Не инертность, а стремление.

ЧЕМОДАН, ПОЛНЫЙ БОМБЕЯ

Туристы, распрощавшиеся с домашним уютом и ежедневно рискующие жизнью в самолетах, иностранных ресторанах и кроватях, бывают суевернее других людей. Поэтому, например, гостиницы, в которых мы останавливались, обычно обходились без комнаты, обозначенной определенным, непроизносимым номером, и за двенадцатым всегда следовал четырнадцатый. Смешно, неправда ли? Представьте себе, что бы вы сказали и какими ограбленными себя почувствовали, если бы автор этих очерков, поступив так же, после двенадцатой главы сразу перешел к четырнадцатой.

А раз мы заговорили о гостиницах, то не кажется ли вам, что пора упаковывать чемоданы? Мы отстрадали вместе с вами целых двенадцать глав и все еще торчим на первой станции. А между тем нас ждет столько интересного, например Цейлон — зеленая жемчужина Востока...

Бомбейские впечатления далеко не исчерпаны, но поступим так, как это обычно делают при упаковке (и в жизни вообще): втиснем все в чемодан — недоношенное белье вместе с недочитанными газетами, неотправленными письмами и неперевавленными впечатлениями. При этом мы всегда внушаем себе, что когда-нибудь наступит сказочное время передышки, и мы все аккуратненько распакуем, выгладим, доносим, думаем... Когда-нибудь...

Сколько неопisanного укладываю я сейчас в свой чемодан! Конечно, вы не поверите, что мы в Бомбее только задыхались при сорока градусах жары за собственными кулисами или до изнеможения ходили в поисках великого искусства. Мы еще просто купались. Поехали на пляж, называемый Юху, и были счастливыми свидетелями первого знакомства некоторых че-

кословаков с морем. Ну и зрелище это было! Каждый торжественно пробовал воду, чтобы убедиться, вправду ли она такая горько-соленая, как хвастали знатоки, и она — бррр! — действительно оказывалась такой. Влажно отфыркиваясь, едва переведя дух, вновь окрещенные уже думали о том, перед кем бы похвастать только что приобретенным опытом. Эй, слушай, ты уже по-по-попробовал?

На пляже Юху мы встретили красивого человека и прекрасного киноактера Балраджа Сахни, известного у нас по фильму «Два бигха земли». Он живет у моря, в районе вилл; их сдает в наем теософическое общество, в эмблеме которого на воротах по наивной случайности объединены свастика и щит Давида. Балрадж очень занятой человек, он снимается в нескольких фильмах одновременно, но живет необычайно скромно, совсем не так, как пресловутые киномагараджи, о которых мы говорили. И жена у него простая и милая. Она была очень гостеприимна, девушки переоделись в ее комнате, а мы на пляже; потом мы сидели под пальмами и пили кокосовое молоко прямо из орехов.

В абстинентском Бомбее изобилие молока. Мы лакомились розовыми диетическими коктейлями неподалеку от города на опытной сельскохозяйственной станции, представляющей собой что-то вроде многообещающей заявки индийского правительства на социализацию и притягивающей много посетителей. До нас здесь были крупные государственные деятели и помогали сажать деревья. Мы нашли миндальное дерево Никиты Сергеевича Хрущева и сфотографировались перед деревом, посаженным Вильямом Широким.

Вторую прогулку мы совершили в парк, находящийся в двадцати километрах от Бомбея, где прямо под деревьями выступал Little Ballet Group — прогрессивный танцевальный ансамбль, известный по Московскому фестивалю молодежи. Здесь мы увидели целый оркестр индийских инструментов: щипковых, струнных и главным образом ударных. Это были барабаны, котлы, тарелки, гонги, ксилофоны, колокольчики и серия наполненных водой фарфоровых мисок различной величины. Из духовых инструментов — морские раковины и миниатюрная фисгармония, мехи которой

музыкант растягивал левой рукой. Исполнение оркестра, сопровождаемое тихими голосами певца и певицы, было скорее нежным, чем выразительным, скорее шелестяще многоголосым, чем членораздельным, оно звучало скорее как несколько усиленный шум стихии, чем как выражение индивидуальной человеческой мысли.

Танцоры и танцовщицы изображали движение туч, грозу, молнии, ожидание дождя и надежду на хороший урожай. Видели мы и танец масок, при котором люди подражали древним марионеткам. Это был отрывок из «Рамаяны» — великого эпоса, по многообразию действия напоминающего «Одиссею». Он стал чем-то вроде священного писания индуизма, а потому и источником тем для бесчисленного количества произведений изобразительного искусства. С приключениями из «Рамаяны» мы наверняка еще столкнемся на Цейлоне и потому побыстрее отправим их в чемодан.

Неподалеку от балетной труппы находилась киностудия Моган. Там мы посетили продюсера Бимала Роя, создавшего классический фильм «Два бихга земли». Его дочурка встретила нас в дверях не хлебом и солью, а в знак приветствия нарисовала каждому из нас на лбу красную точку. Но и в менее символическом угощении не было недостатка. Нам подали пирожки с соленым картофелем и замечательные пышные творожные кнедлики, пропитанные сиропом. Молодые прогрессивные актеры спели нам свои песни, а в просмотровом зале мы увидели несколько танцевальных сцен из нового фильма Мадхумати. Даже такой честолюбивый постановщик, как Мадхумати, который хотел бы снимать только высококачественные фильмы, часто вынужден по-волчьи выть с волками своей профессии, поэтому в фильме шла речь о возрождении. Возрождение — это одно из основных понятий здешней религии: после смерти человек просто перевоплощается в другого человека или в животное... «Может быть, вы этому не поверите, — буквально гласил плакат Мадхумати, — но вам это, бесспорно, понравится».

Возрождение, или метампсихоз, пожалуй, богатый материал для отдельной главы, но в Бомбее для этого

уже не остается времени, потому отправим и его в ченодан. Некогда рассказывать и о других приемах или развлечениях. Хотя бы о полусобнаженном фокуснике, который проделывал все свои манипуляции, освещаемый только огнями, пылавшими в двух тазах, которыми он жонглировал. Он выполнял с ними пируэты, прыжки, кульбиты, наконец ударил одним тазом о другой, словно это были тарелки. Пламя тут же погасло, и фокусника поглотила тьма.

Целую главу можно было бы написать о самой пленительной одежде в мире — обычном индийском сари. С каким изяществом кокетничают танцовщицы его концом, наброшенным на голову! Видел я и выдрессированных честолюбивыми мамашами обезьянок: девочек, готовящихся к карьере балетных звезд. Ах, как они вращали глазами и всем, чего у них пока еще нет!

Опишу ли я когда-нибудь базар, этот огромный, бездонный бродильный чан, куда мы ходили в поисках бронзовых статуэток богов и в придачу обнаружили товары со всех концов мира, правда, сильно побитые и потрепанные. Скафандры, туфли, магнитофоны, мешочки трав, винтики, перегоревшие электрические лампочки, зонтики... Но больше всего было там человечины. Люди суетящиеся и неподвижные, продающие, торгующиеся, равнодушные и притворяющиеся равнодушными, бесстыдно алчные и ротозейничающие, спорящие, кричащие, шепчущие. На вопрос одни ответят сюсюкая, с униженной почтительностью, другие только пожмут плечами и искоса поглядят, третьи вообще не обратят на вас никакого внимания. На одного одержимого, который и вправду куда-то торопится, приходится тысяча нормальных, которые никуда не спешат. Время? А что это такое? Сэкономить пять минут? Боже мой, да куда же их девать?

Посреди базара мы встретили шествие: перед прощавшимся со свободой женихом, лицо которого совершенно закрывали свисавшие вдоль висков ленты, выступали отчаянно шумевшие музыканты в красных дивреях и касках, какие носят факельщики на похоронах. Какие-то стилиаги танцевали сложный рок-н-ролл. В другой раз мы встретили мусульманскую процессию, громко бившую в барабаны, а вечером като-

лическую, в которой все верующие несли горящие свечи.

Мы заглянули на пристань, к рыбакам, фотографировали людей, работающих и спящих прямо в лодках. Мы досыта нанюхались неуловимых для фотоаппарата запахов, видели торговков, которые закупали товар, погружая руки по локти в морскую живность. Видели, как накладывают в мелкий лед больших желтых угрей и других подозрительных уродов. Видели, как рыбы превращались под ударами топориков в окровавленные геометрические фигуры, как умные руки рыбака насаживали эту наживку для завтрашнего лова, а его взор, не прикованный к работе, блуждал бог весть где.

Как-то ночью мы забрались на гору Малабар. Под нею распростерся залив, вдали окаймленный Marine Drive, унизанной бриллиантами огней — помните: «Ожерелье королевы»? Чуть поближе находился песчаный пляж Чаупати, что-то вроде народного парка отдыха, не испорченного культурой. Там мелькали лишь сотни фонариков, зажженных продавцами жареных орешков. Где-то вдали взрывались петарды в честь праздника дивали: мы стояли высоко над городом. Между нами и его жилыми, слабо освещенными изнутри кварталами тянулась тихая полоса садов.

Мы побывали в этих садах. Кусты и деревья превращены там в сказочных животных. Слоны, лошади, телята... Странно поглаживать мелкие веточки, образующие их шерсть.

В садах темно, аромат цветов заглушает поднимающийся из водоемов запах хлора, который сильнее ощущается ночью. Под землей сложная система этих водоемов — Бомбей давно перестал быть цитаделью легендарного, но отсталого Востока. Перед нами современный, цивилизованный город. Он погиб бы, если бы не сумел быстро и гигиенично обеспечить миллионы людей самым необходимым.

Мы смотрим с террасы на современную и совсем не чуждую нам сказку. Парни захватили с собой гитару, и над темным морем, над сверкающей набережной, над светящимися жилыми кварталами звучат чешские песенки. Как на родине.

II. ЦЕЙЛОН

НАЗВАНИЯ БЛАГОУХАЮТ И ИЗДАЮТ ЗЛОВОНIE

Итак, мы прощаемся с праздничным Бомбеем. Последняя картинка, запечатлевшаяся в нашей памяти: детская ручка, просунутая меж прутьев балконных перил, и в ней искрящаяся ракета: пусть вся улица видит, какой замечательный подарок принес с базара папа.

Наш заключительный спектакль был очень торжественным, но гораздо меньше удовольствия доставила нам ночью упаковка кукол и доброй тысячи килограммов остального багажа. После этого мы поспешили в отель, чтобы урвать хоть три часа для сна, а в половине пятого зазвенел будильник. Мы отправились

на аэродром, и, к нашему изумлению, оказалось, что все наши милые бомбейские друзья встали так же рано, как мы. Они поджидали нас у таможни и опять с центнером цветов. Ни они, ни мы не скрывали умиления и хлопали друг друга по спинам. Наша первая гастроль прошла удачно, мы встретили здесь хороших людей и уезжали с чувством, что приехали не напрасно.

А затем мы стартовали, за каких-нибудь два часа пересекли порядочный кусок Индии и, кроме того, передвинулись сильно на юг. С Мадрасом — одним из крупнейших городов страны — мы на этот раз не ознакомились поближе, но уже в аэропорту заметили, что люди здесь гораздо темнее. Воздух был более влажным и дрожал над покрытыми водой рисовыми полями. А там, где не было полей, мы видели пучки пальм, отбрасывавшие в утреннем свете длинные тени.

Второй перелет — из Мадраса в Коломбо — продолжался тоже всего два часа. Тут уж мы летели над морем: Коромандельский берег остался в стороне, Пондишери тоже... Простите, вы также находитесь в сентиментальном плену у старых названий, вычитанных в географических атласах? Коромандель, Пондишери, Траванкур, Коимбатур, Тривандрам... Когда мы мальчишками путешествовали пальцем по географической карте, эти названия действовали на нас как алкоголь. Многие из них сейчас исчезли с карты Индии. Кое-что изменилось вследствие политических переворотов — так оно и должно быть, — кое-что переделали наши усердные лингвисты — может быть, и это нужно было. Но все-таки, когда мы блуждаем по миру, полные воспоминаний о чем-то одуряюще благоуханном, давно любимом, нам грустно оттого, что мы с этим почти не встречаемся на карте.

Происходит то же, что с несчастной детской любовью. Мы стареем, с годами окружающий нас мир меняется, так же как и мы, а какое-нибудь старое название с географической карты притаилось в глубинах памяти, не меняясь, с застывшей, призрачно детской улыбкой. И не находя сегодня того, что было вчера, плачет, упрямится, топчет слабыми ножками, отказывается от новой формы. Нам так хотелось бы объяснить ему, что старые названия дали колонизаторы,

исковеркав настоящие индийские, а теперь, когда им пришлось оттуда убраться... Но поди, объясни этому инфантильному, законсервированному в тебе самом существу, что оно консервативно.

Но бывают и совершенно обратные чудеса. Название «Цейлон» пропитано давним ароматом чая, оно сверкает под гигантскими папоротниками, как на изящном блюде. И вот вы вправду оказываетесь на этом острове и узнаете, что у него есть прекрасное древнее название: «Ланка». Оно не напоминает вам «Лань»? Ну как сразу не влюбиться в это слово, особенно нам, чехам? Неужто вы не готовы вырвать из своего сердца Цейлон, и все, что с этим названием связано, отдать взамен за другое — юное, стройное и легконогое? Ланка! А откуда взялся Цейлон? Зейлан — называли остров чужеземцы, португальские завоеватели. Не сохранился ли в нашей памяти аромат чая попросту от английских цибиков, на которых было написано: «Lipton's Ceylon Tea?» И вообще, характерен ли для этого острова именно чай? Знаменитым чайным плантациям не больше восьмидесяти лет. Англичане спешно заменяли ими какаовые деревья, пораженные вредоносным грибком... Что ж долго раздумывать, друзья, хочется мне воскликнуть, ведь, печатая уйму новых карт, мы расправляемся с названиями достаточно независимо! А что, если написать на них не «Цейлон», а «Ланка»?

Но тут же я одергиваю себя. Цейлон — название, благоухающее чаем и сильно смердящее колониализмом, но это название привычное. Укоренившееся. Оно на всех картах мира, да и сами цейлонцы давно примирились с ним в своих международных отношениях, и это большое дело. В современном взбаламученном мире так мало понятий, по поводу которых все единодушны. Зачем же легкомысленно уменьшать их количество?

Существует опасность, что словесные эксперименты, предпринятые с самыми лучшими намерениями, приведут к обратным результатам. В своем стремлении сделать все как можно разумнее, избавиться от старого империалистического словаря и показать таким образом народам Востока, как уважает новая Чехословакия их национальную самобытность, мы под-

час уменьшаем возможность взаимопонимания. Наш собственный посланник в Индии по секрету сказал нам, что у него бывают затруднения при чтении чешских материалов по Индии, так как он не всегда по новому названию догадывается, о каком городе идет речь.

Причем я уж не говорю об ошибках, которые мы допускаем, стремясь быть как можно справедливее и вместо этого нарушая справедливость. Вот, например, второй по величине город на том же Цейлоне, именуемый на всех картах мира — за исключением чешских — Джафна.

Я там был, и у меня есть свидетели следующего случая. В беседе с местными властями мы похвастались, что теперь вместо иностранного названия их города пишем правильное: Джапане. Улыбки с их лиц тотчас исчезли. Мы по простоте душевной затронули одно из самых больных мест. Дело в том, что на Цейлоне уже целое тысячелетие идет борьба между двумя народами: сингалами и тамилами. И те и другие пришли из Индии и в давние времена оккупировали части острова Цейлон. Государственная власть сейчас в руках сингалов, но тамилы являются сильным и активным меньшинством. После ликвидации английской колониальной власти на острове сосуществуют три государственных языка: сингальский, тамильский и английский.

Главный город тамилы — Джафна, они называют его Джаржппанам, тогда как сингалы говорят: Джапане. Если мы на своих картах будем писать Джапане, обидятся тамилы. Если напомним Джаржппанам, сингалы могут счесть это дискриминацией.

Ничто непросто в мире, почему же должно быть простым делом изменение географических названий? Мы называем немцев немцами, а возможно, что первоначально это слово носило оскорбительный характер и означало (судя по этимологическому словарю) человека, с которым невозможно разговаривать, немного. Что же, переходить на «дэйче»?

Так что спокойно остаемся при старом Цейлоне. Ланка — слово соблазнительное, но при более глубоком исследовании выясняется, что оно чисто сингальское. Тамильская оппозиция называет остров «Илан-

гам». Чем лавировать между двумя дискриминациями, лучше уж придерживаться того, что больше всего способствует международному взаимопониманию, что практично и ведет к интернационализму.

Иначе у нас возникнет бесконечное количество самых различных «но». Вы, вероятно, знаете анекдот о старушке, которая пошла к мудрецу посоветоваться, кого ей зарезать: свою единственную курочку или петушка. Если зарезать петушка, жаловалась она, будет огорчена курочка, если зарезать курочку — расстроится петушок... Мудрец долго думал и решил: «Есть тебе надо. Зарежь курочку». «Но ведь петушок расстроится», — робко напомнила старушка. «Ну и пускай!» — решил мудрец, и тем дело кончилось.

ВИД С БАЛКОНА

Если вы хотите знать, сколько жителей на Цейлоне, посмотрите в справочник, которому доверяете (в каждом из них стоит своя цифра), а у меня не было времени самому подсчитать. Для наших целей достаточно, если мы скажем, что Цейлон приблизительно вдвое меньше нашей республики, то есть невелик. А плотность населения на нем больше, чем у нас, то есть солидная. Поскольку страна не промышленная, а сельскохозяйственная, и к тому же с не очень интенсивным земледелием, наличие такого большого населения свидетельствует о трех фактах: жизненные условия на Цейлоне, видимо, легче, потребности населения меньше, а почва плодороднее, чем у нас.

Жизненные условия, определяемые природой, всегда легче там, где, например, не бывает холодов и в течение всего года достаточно самой простой одежды и примитивного жилья, где даже во всамделишных домах обходятся окнами без стекол или с одной рамой и отпадает надобность в отоплении, где не надо подолгу жечь огонь, потому что день одинаково длинный в течение всего года, и так далее. Что касается потребностей населения, то под этим словом здесь пока не следует даже отдаленно подразумевать то, что принято у нас. Жизненный уровень чрезвычайно низок, стремление отдельных людей к его повышению

не проявляется так активно, как у нас, в Европе. Люди долго удовлетворялись малым, они лишь теперь учатся не принимать как нечто совершенно естественное некоторые болезни, высокую детскую смертность и другие последствия нищеты.

Ну, а что касается благословенной почвы, то она производит огромное количество чая — свыше ста пятидесяти тысяч тонн в год. Причем эти драгоценные кусты особенно хорошо растут в горах, на почве, ранее считавшейся неплодородной. Задолго до прихода белых в славном цейлонском государстве обрабатывались только долины, орошаемые замысловатой и разветвленной ирригационной сетью. На невозделываемых теперь площадях выращивался рис для многих миллионов жителей. Но сейчас старые водоемы запущены, целые столетия никто не заботится о поддержании каналов, люди переселились в другие места. Это значит, что население острова могло бы еще долго расти, не создавая этим угрозу голода. Достаточно было бы ввезти современные агротехнические орудия и, затрачивая небольшие усилия, производить то, что в старину лишь с огромным трудом удавалось вырвать у земли примитивнейшими орудиями.

Между прочим, тем, кто повторяет старые мальтузианские побасенки о голоде, грозящем слишком интенсивно размножающемуся человечеству вообще и Азии особенно, достаточно пролететь над этой частью света, и они увидят, какая незначительная часть земного шара поцарапана плугом. Прокормятся все дети, которым предстоит родиться, и даже лучше, чем их родители сейчас. Надо только взяться за это единодушно, в широких масштабах, по-социалистически.

Читатель мог бы подумать, что мы начали нашу цейлонскую главу столь необычно деловитым рассказом о высохшей ирригационной сети потому, что страдали там от засухи. Наоборот. В отличие от Бомбея за все время нашего пребывания на Цейлоне дождь шел почти ежедневно, а многие члены нашей труппы с радостью приветствовали и другую влагу: на острове нет и намека на запрет спиртных напитков.

Впрочем, город Коломбо не только этим отличался от шумного, колоссального Бомбея. В цейлонской столице менее полумиллиона жителей, расселившихся на большом пространстве, украшенном сочной зеленью парков и прекрасными спортивными площадками.

Друзья чехи, работающие в нашем представительстве, решили не оставлять столь редких гостей в отелях, а группами поселили нас в своих квартирах. Вот почему мы жили далеко от торгового центра города, в районе вилл. После безличного международного гостеприимства нами занялись чешские мамы, причем на нашу долю достались даже шницели и пльзеньское пиво. А самое главное: в Коломбо нас по утрам вместо бомбейских воронов будили голоса детишек, особенно милых потому, что они щебетали по-чешски.

Надо самому увидеть тропическое утро, чтобы понять, что это значит. Вы раздвигаете шторы, выходите в пижаме на балкон, над вами чистая сталь неба, перед вами темно-зеленая крона раскидистого дерева, которое называется «джек». Прямо на его стволе висят необычайно тяжелые шишки, чуть колючие и съедобные. Под ним густая изумрудная лужайка, поросшая мелкими, напоминающими папоротник растениями, которые при легчайшем прикосновении пальцев сворачиваются быстро, как живые существа. Чуть подалее пылает грядка гладиолусов — пышных, неестественно огромных, не таких, как у нас. И среди всей этой чуждой роскоши снизу доносятся голоса детей, ссорящихся из-за самоката: «Владьо, не дури, слышишь?!».

Ах, Цейлон, Ланка! (Ведь мы в столице сингалов, и здесь следует называть остров так, как они.) Ланка очаровала меня. Этот остров не наполнял сердце робким уважением, как страна, из которой мы прилетели. Что поделаешь, Индия так огромна, сложна, в ней живет четыреста миллионов человек с разной культурой, говорящих на разных языках... Как мы могли надеяться за несколько недель понять хотя бы частичку того, что она не раскрыла большинству европейцев, проживших там целые годы? Ланка не отпугивала нас: она маленькая, еще меньше, чем мы. Дудки! Здесь мы не позволим застрашать себя загадками и будем спокойно посматривать с балкона.

В первое же утро мы отправились к морю, да еще к какому! В нескольких километрах к югу от главной пристани находится прекрасный пляж, где снимали отдельные сцены для фильма «Мост через реку Квай». У самого пляжа отель «Маунт Лавиния», где неплохо бы — если переселение душ все-таки существует — провести медовый месяц при одном из будущих воплощений. Белое здание тремя сторонами обращено к Индийскому океану, у его стен играет прибой. Время от времени нежные барашки волн превращаются в черных быков и начинают злобно, но живописно бодать скалы и песчаный берег. В таких случаях пестрая толпа курортников выходит из воды, остаются лишь чехословаки. Утверждая, что волны это как раз то, что надо, они сломя голову ныряют в местах, которые считают самыми глубокими. При этом обдирают колени о морское дно: мягкий песок в таких случаях превращается в самый жесткий наждак. И не отступают, пока двое мужественных, но очень близоруких членов труппы в борьбе со стихией не теряют очки. Это угрожает срывом премьеры, руководитель ломает в отчаянии руки, но отель «Маунт Лавиния» не теряет из-за этого своего очарования.

Он прекрасен в любую погоду, и если вы не хотите купаться, то можете валяться на берегу, где лежит целая флотилия местных фантастических лодок, называемых катамаран. Они состоят из тяжелого, узкого выдолбленного челна и прикрепленного сбоку поплавка. Все вместе полностью соответствует самым романтическим представлениям о южном море. Над лодками высятся пальмы, и каждый, кто садится под ними в саду отеля, сначала опасно косится на их кроны — «Берегитесь кокосов!» — проверяя, не угрожает ли ему оттуда золотисто-желтое пушечное ядро.

Ах, Ланка! Насколько вначале я погрузился в сухой материал, настолько сейчас боюсь запутаться в сетях сладостного комфорта. Надо ли вам рассказывать, для кого построили этот отель белые завоеватели? Надо ли говорить о том, насколько он не характерен для образа жизни большей части населения Коломбо,

хотя о нем нельзя умолчать, не исказив картину города?

Должен ли я говорить, что и мы, тем более что цвет кожи у нас такой же, как у бывших оккупантов этого края, приехали на Цейлон не только купаться в море? Что при осуществлении наших планов завоевания симпатий простых людей у нас оставалось мало времени для отдыха под пальмами?

Главной нашей задачей были спектакли кукольного театра, а это, как ни странно, довольно трудная работа. Условия были здесь сложнее, чем в Бомбее, где мы выступали все время в одном зале и жили все вместе тут же, за углом, так что не было необходимости перевозить декорации и отпадали трудности переезда к месту работы. На Цейлоне мы играли в семи различных помещениях и в одном только Коломбо на трех разных сценах. А промежутки между спектаклями были заполнены переездами на автобусах со всем нашим оборудованием. Прибавьте к этому множество обязательных посещений чужих спектаклей, банкеты, чествования, пресс-конференции... И тогда вы поймете радость, с которой мы использовали каждую свободную минуту, чтобы окунуться в море, поймете, почему у нас такие чудесные, хотя и недостаточно критические воспоминания о пляже «Маунт Лавиния».

ПЕРВЫЕ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ

Америку назвали не в честь открывшего ее Колумба, а в честь другого человека. Имя же Колумба, очевидно, приберегли для столицы Цейлона, находящейся на другой стороне земного шара, куда он хотел попасть, отплывая на запад, и... так никогда и не попал. Такие предположения существуют, но вряд ли они верны. Маленькую пристань туземцы называли Калантотта, арабские торговцы превратили ее в Коломбу, а позже португальцы — в Коломбо. Этимология в общем простая, как колумбово яйцо.

В Коломбо португальцы построили первую крепость, которую после них голландцы укрепляли до тех пор, пока ее не разрушили англичане. Последние

в свою очередь построили набережную, маяк и все остальное, необходимое для крупного судоходства, и в конце прошлого столетия превратили маленькую пристань в один из наиболее оживленных портов на пути к Востоку.

Кто здесь правил первым, неизвестно. Мусульманская легенда гласит, что Цейлон является колыбелью человечества, так как здесь нашли пристанище Адам и Ева после их насильственного изгнания с места первоначального жительства. История, предшествовавшая этому, вам известна: даже первый человек не хотел беспрекословно принимать то, что для него устроил кто-то другой, пусть и более умный. Этот упрямец хотел сам знать, что хорошо и что плохо. Для рая, не устроенного по его собственному разумению, он, к величайшему огорчению бога, не годился.

Археологи, не верящие старым сказкам, утверждают, что первые люди появились здесь не ранее позднего каменного века, но спор этот не разрешен... Господин Дерянигала, директор музея в Коломбо, уверял меня, что древние цейлонцы и индейские колонизаторы Америки — один народ и что родина африканцев тоже неподалеку...

В ответ на мой пристальный взгляд этот маленький местный патриот улыбнулся и сказал:

— На меня не смотрите, я не в счет — мне сломали нос во время состязания в боксе. Но если вы хорошенько присмотритесь к лицам других людей на острове...

Древний тип населения сохранился, пожалуй, лучше всего среди веддов — прозябающих и вымирающих горемык, почти не затронутых цивилизацией. Еще недавно они на охоте пользовались только луком и топором. Когда-то они владели всем островом и их легендарная столица называлась Ланкапура. Древний поход арийцев против этой Ланкапуры описан в знаменитом индийском эпосе «Рамаяна».

Уже шла речь о том, как мало сведений получили мы в нашей школе об индийской скульптуре. Об азиатской литературе нам рассказывали немного больше, а это чуточку больше, чем ничего. Мы знаем кое-что о Гомере, но кто знает из личного чтения, что индийцы могут выставить против «Илиады» — «Махаб-

арату», а против «Одиссеи» — «Рамаяну»? В меньшем из этих эпосов свыше двадцати тысяч двустиший... В отличие от поэм Гомера, от которых в головах западных интеллигентов уцелело лишь несколько легенд и мифов, восточные эпосы живы, их многие знают, постоянно цитируют, причем не только в странах, где они были созданы. Мы это наблюдали во время всей нашей поездки — на Цейлоне, в Индонезии и в Индии. И все, о чем рассказывают эти поэмы, воспринимается там не как сказка, а как своего рода библейское историческое повествование, как настоящая история, проповедь морали, общественная наука, словом, что угодно. Было бы недобросовестно говорить о братском отношении к народам Юго-Восточной Азии и при этом не пытаться хоть немного проникнуть в их душевный мир, до сих пор насыщенный образами древних эпосов. Это заранее лишило бы нас возможности понять другие виды их искусства, так как на Яве или в Камбодже истоками скульптуры, как и кукольного театра или балета, являются те же литературные произведения.

О Ланке «Рамаяна» повествует: правил там десятиголовый великан — король Равана, похитивший прекрасную Ситу, супругу главного героя поэмы, индийского принца Рамы. В Раму воплотилась четвертая часть бога Вишну... Все это несколько сложно, но дальше будет еще сложнее. Герой решает освободить свою супругу с помощью войска, состоящего из обезьян, которым командует генерал Гануман. В его распоряжении также полк медведей. Обратите внимание на то, что уже тогда арийские завоеватели вербовали своих союзников из других варварских, с их точки зрения, народов — обезьян и медведей.

После длительной войны, в которой было множество гомеровских поединков, возвышенных речей, а то и настоящего оружия, Равана терпит поражение. Освобожденная Сита — добродетельная восточная родственница западной и не совсем невинной Елены Троянской — отправляется с мужем домой, там происходят новые трагические события, но они уже не имеют отношения к Цейлону.

Более солидные факты о колонизации острова северными индийцами приводит буддийская хроника

«Махаванса». В ней повествуется о бенгальском искателе приключений Виджая, который приехал в страну в 543 году до нашей эры и для отвода глаз женился на местной принцессе. С помощью своей дружины он завладел северной частью острова и стал основоположником династии из ста шестидесяти пяти королей, правивших вплоть до ликвидации последнего из них англичанами.

Племя, возглавленное наследниками Виджая, — сингалы. Они создали высокоразвитое сельское хозяйство, на искусно орошаемых полях выращивали рис. Племя быстро росло, и уверяют, что в его главном городе, украшенном монументальными зданиями, было три миллиона жителей. Но воевать оно не умело. Оно вскоре стало исповедовать буддизм — религию, способствующую медлительным раздумьям, отсутствию воинственности и уважению к жизни. И в результате плоды его трудов стали жертвой бесчисленных нападений индуистских завоевателей из южной Индии, в конце концов обосновавшихся на Цейлоне.

Ни миролюбивые сингалы, ни беспокойные тамилы не смогли противостоять португальцам. Еще до того остров видел греческих, римских, китайских и арабских мореплавателей, и эти встречи были не всегда приятны. Но все это нельзя сравнить со страданиями, которые цейлонцы испытывали с начала шестнадцатого столетия.

Передо мной лежит толстая книга англичанина Х. Вильямса о Цейлоне. Он вздыхает над горькой участью туземцев, столкнувшихся с самым худшим видом современных оккупантов — португальцами. «Убийцы, звери, садисты, лиссабонские подонки», — такими эпитетами награждает он знаменитых конкистадоров. Через несколько страниц он характеризует голландцев, спустя сто лет сменивших португальцев, как еще более невыносимых пиявок. «Бесстыдно одержимые только своими торгашескими интересами, лишённые фантазии и всякого морального стержня...» Если у вас хватит терпения почитать еще немного, вы узнаете, что третьи и последние колонизаторы, в 1795 году сменившие голландцев, были вообще «хуже всех». Так пишет об англичанах англичанин, автор далеко не прогрессивный, в книге которого все время

ивучат жалобы на «преждевременный уход британцев с Цейлона».

Если англичане, сначала во всяком случае, были хуже всех, а голландцы лишь немногим лучше, зачем так ругать примитивных грабителей из Португалии? Они были забияками, охотниками пограбить, любили, насильовали, пытали и, разумеется, все это делали именем Христа. Но они были хотя бы храбры, действовали неприкрыто, то есть неумно, и в сражениях умирали дружно. Люди риска, рыцари фортуны, они никогда не овладевали полностью захваченной страной, не умели эксплуатировать ее систематически и бесстрастно, что является единственным, практически действенным методом господства, могущим полностью уничтожить покоренный народ. Мы, чехи, испытали нечто подобное при фашистской оккупации, Цейлон — при голландцах и британцах. Португальцы были разбойниками, но бессистемными разбойниками, они даже проявляли какой-то личный интерес к туземцам: хотели превратить всех их в католиков. Протестанты — пришельцы из Голландии и Англии — плевали на проявление личного мужества, на рыцарское достоинство и прочую ерунду. Они подсчитывали. Вели дьявольски точную бухгалтерию, учитывавшую поступления от налогов и других источников дохода. Туземцев они не крестили, помимо работы просто не замечали их. Они холодно шагали через трупы, а это страшнее всего.

ПОЛЕТ АВТОБУСОМ

Португальцы убивали, не занимаясь судебным крючкотворством. А голландцы и англичане казнили даже реже и только на основании имеющих законную силу приговоров. И все-таки о первых оккупантах до сих пор говорят с несомненной симпатией и сотни тысяч цейлонцев с гордостью носят когда-то навязанные им португальские фамилии. А почему, собственно говоря?

Я вам расскажу, что произошло со мной как-то в Праге. До войны я жил в большом доходном доме, и с привратником у меня никогда никаких столкнове-

ний не было. Но как-то мы поссорились, и меня изумила накопившаяся за годы ненависть, с которой он на меня обрушился. «Что вы имеете против меня? — защищался я. — Если бы все квартиранты были такими, как я, у вас была бы не жизнь, а рай. Веду себя тихо, не забываю ключ, не бужу вас по ночам. У меня нет, как у моей соседки, собаки, которая пачкала бы лестницу. Я не похож на того соседа, который ежедневно приходит домой пьяным, звонит, орет на вас...». «Погодите, — не выдержал привратник, — если бы все квартиранты были такими, как вы, мне оставалось бы только повеситься. Дали вы мне когда-нибудь заработать? Звоните, для того я здесь и приставлен. Если собачка справит свою нужду на лестнице, мне дадут чаевые, и я с удовольствием уберу. Куда вам до соседа! Он умеет жить, сам пользуется жизнью и мне перепадает. Это джентльмен!»

Я не хочу сказать, что голландцы и англичане вели себя в колониях так же корректно, как я в пражском доме. Но я невольно вспомнил об образе мыслей своего привратника, когда на Цейлоне мне с такой симпатией рассказывали о португальцах: «Это были оккупанты, но рыцари!»

Первые два человека, с которыми мы поближе познакомились на Цейлоне, носили португальские фамилии. Шофера, с которым мы изъездили остров вдоль и поперек, звали Фернандо, фамилия его напарника была Де Сойса. Чудесные парни, работники национализированного цейлонского автотранспорта, они отлично знали свое ремесло и придали нашему турне особый блеск. Свою первую поездку большим автобусом с доверху нагруженным прицепом мы совершили по горному шоссе из Коломбо в Канди. Причем мало того, что в машине ехали чехословаки, но и сама машина была фирмы Шкода!

Фернандо был энтузиастом своего дела, и мы с самого начала совершили ошибку, заплотировав ему после того, как он лихо преодолел какое-то действительно головоломное препятствие. Ему это понравилось, он улыбнулся, его зубы сверкнули, и с тех пор он почти никогда не делал меньше семидесяти километ-

ров в час. Тяжелая машина вместе с прицепом так летела по цейлонским дорогам, что люди и обезьяны — их там полным-полно — едва успевали прыгать в кювет.

Раз уж зашла речь о машинах и обезьянах, то надо сказать, что уличное движение на Цейлоне — независимо от нашего друга Фернандо — суматошно и ставит перед вами одну проблему за другой. Машин много, но велосипедистов еще больше. Повсюду мешают движению и тележки, которые тянут поразительно маленькие горбатые буйволы. Движение, как во всех бывших английских колониях, левостороннее. Одного этого для приехавших из Чехословакии шоферов было бы достаточно, чтобы у них глаза полезли на лоб. Официальная статистика свидетельствует о том, что большой процент несчастных случаев (двадцать два раненых и один убитый в день) происходит по вине шоферов, бывших под мухой. К безобразиям, вызываемым у нас в жару злоупотреблением пивом, здесь приводит напиток, настаиваемый на пальмовых орехах, — тодди. Как известно, пьяный, сидящий за рулем машины, гораздо опаснее пьяного, идущего пешком.

Фернандо никогда и ни с чем не сталкивался. Он вел машину так, что мы всегда проскакивали почти без царапин, а в это время Де Сойса, высунувшись из открытой дверцы, отчаянно сигнализировал другим машинам: «Убирайтесь сами подобру-поздорову в кювет!».

Де Сойсу мы прозвали «Брюшком лягушки», потому что брюшко у него действительно было, и он его еще подчеркивал, подвязывая саронгом. Впрочем, ведь мы не знаете, что такое саронг, или думаете, что его носят только натурщицы Гогена. Но это не так, ходят в нем не на одном Таити, притом в равной мере мужчины и женщины. Это полоса пестрой ткани, ширины которой хватает как раз от пояса до щиколоток. Концы ее сшивают, и получается трубка, которую надевают, как юбку, причем одно бедро крепко обтягивают, а оставшуюся с другой стороны ткань запахивают и верхний ее край укрепляют где-то подле пупка. Это практичная, легкая одежда, она не мешает вскакивать в автомобиль и, как это ни странно, не па-

дает даже, когда в ней, стоя на полном ходу на подножке машины, оживленно жестикулируют.

«Брюшко лягушки» придавал большое значение красоте ткани и менял свои юбки по несколько раз в день. Когда он появлялся в новом туалете, в автобусе каждый раз раздавалось восторженное «О-о-о-о!», и этот темнокожий человек с усами унтер-офицера старой австрийской армии раскланивался. Его саронги (особенно один, из красного шелка в зеленую клеточку) мне так понравились, что я купил себе нечто в этом роде. К сожалению, жена восстала против того, чтобы я надевал саронг, уверяя, что в юбке у меня недопустимый вид. «А как быть с такой замечательной материей?» — вздыхал я. «Найдем ей применение, — успокоила меня жена, — я сошью из нее блузку». Теперь вы понимаете, почему у нас мужчинам не подobaет носить саронг.

Но и на Цейлоне его уже носят не все, он стал признаком принадлежности к низшей касте. Де Сойса был только напарником, он ходил босиком и в саронге, хотя и шелковом, по-английски говорить не умел. Главный шофер Фернандо занимал более высокое положение, носил европейскую одежду и ботинки, хорошо говорил по-английски. К Де Сойсе он относился как к подчиненному, но уважаемому коллеге и, доверяя ему время от времени руль, подмигивал нам, как бы говоря: «Пусть старик получит удовольствие, и не обижайтесь на то, что он ездит гораздо благоразумнее, чем я». В экипаж входило еще три человека, все они были в хлопчатобумажных юбках, и каждый из них стоял на несколько более низкой общественной ступени, чем другой. Первый был механиком, второй сторожем (он даже ночевал в машине), последний мойщиком (этот ехал и спал в прицепе).

У нас это показалось бы разбазариванием рабочей силы, но на Востоке подобные вещи считают вполне нормальными, ведь каждый из пятерых делает то, что может делать только он. Все вместе они составляли образцовый, неутомимый и всегда улыбающийся экипаж, и ехать с ними было очень приятно.

Фернандо держал себя как настоящий начальник экспедиции, возил нас по Цейлону, как по собствен-

ному поместью, время от времени подносил ко рту укрепленный у руля микрофон и давал пояснения. Стремясь доставить нам удовольствие, он рассказывал самые фантастические истории, причем ему в голову не приходило, что кто-нибудь может воспринять их как ложь. Рассказывая, он смеялся: мы тоже смеялись, слушая его, так что все было в порядке.

Во время наших гастролей в Джафне он расположился у моря, сбросил европейскую одежду и с удовольствием превратился в туземца. В обернутом вокруг бедер саронге, смуглый, растрепанный и улыбающийся, он был похож на добродушного людоеда. Блаженно разваливался на днище перевернутого паррома и, похлопывая по нему, приглашал: «Вот мой дом, можете ночевать здесь со мной. Ночью послушаете рыб: в полнолуние они тихонько поют: у-у-у... Но предупреждаю, грешники этого услышать не могут, так что потом не жалуйтесь, что я не со стопроцентной точностью информирую туристов!».

Как-то он рассказывал нам об искусстве местных колдунов. Некая голландка взяла стакан и стала пить воду. В это время она смотрела в зеркало и, увидев, как по отражению стакана пробежала ящерица, решила, что проглотила ее. У женщины началась неудержимая рвота, и казалось, что помочь ей уже ничем нельзя. Привезли из Вены на самолете известного профессора, но он не смог остановить рвоту, женщина таяла. Наконец позвали цейлонского колдуна, чтобы он применил черную магию. Колдун дал голландке какой-то напиток, ее немедленно вырвало, а он на глазах у женщины нашел в луже рвоты живую ящерицу, для верности принесенную им в рукаве. Пациентка плакала от радости и не поскупилась для него на золото.

Возвращаясь с небольшой прогулки, где нас угощали тодди, Фернандо гнал быстрее обычного и бормотал в микрофон:

— Я чуточку подвыпил, но вы не беспокойтесь. Я люблю людей, особенно чехов и абиссинцев.

— Почему именно абиссинцев? — хором спросили мы.

— А почему именно чехов, вас не удивляет? — расхохотался Фернандо. — Видите, какие вы!

ПУТЬ В ГОРЫ

Незадолго до нашего отъезда из Коломбо в Канди на ведущем туда шоссе произошел инцидент. Известный западный политик отказался остановить машину и поклониться, как это положено по обычаю, хорошеньким продавщицам кокосов, к чему цейлонская печать отнеслась весьма неприязненно. Допустите, что человек, приехавший в Пльзень, отказался хотя бы символически попробовать пиво; разве это не послужило бы почти что поводом для разрыва дипломатических отношений?

Для нас было, конечно, очень важно сохранение хороших международных отношений. Во имя этой высокой цели мы готовы были в любое время приветствовать красивых девушек. А кое-кто из нашей компании готов был от избытка усердия делать это не только символически.

Продавщицы кокосов были красивы, как, впрочем, и вся дорога. Коломбо расположено у моря, Канди — всего в ста пятидесяти километрах от него, но в горах. Ехать туда приходится по сложной, извивающейся серпантинном дороге, через туннели, вдоль горных потоков и водопадов, так что независимо от политики было бы грешно не останавливаться время от времени, чтобы поклониться красотам и красоткам Цейлона.

Эта горная дорога имеет и другое, политическое значение. Пока ее не было, даже самые сильные в военном отношении чужеземцы не могли завладеть всем островом. Туземные короли отступали наверх, в Канди, и там, в почти неприступной местности, сохраняли что-то вроде суверенитета. Они научились интриговать и маневрировать между соперничающими друг с другом колониальными империями. Против португальцев объединялись с голландцами, когда побеждали голландцы — заигрывали с французами и англичанами. За власть они боролись так же жестоко и кровожадно, как их противники. Белые посылали наверх карательные экспедиции и жгли все, что встречали на своем пути; туземные властители нападали на гарнизоны и на поселенцев у моря, уводили их в плен и, когда хотели добиться удовлетворения каких-ни-

буди требований, посылали вниз отрезанные у них носы и уши.

Справедливо ли было бы утверждать, что этим жестокостям обучили кандийского короля белые? Туземные властители испокон веков применяли строгие меры по отношению к своим подданным и, воюя друг с другом за власть, тоже были не слишком разборчивы в средствах. Лишь небольшая часть из ста шестидесяти правителей, сменившихся на сингальском троне, умерла естественной смертью. Мы знаем сыновей, убитых отцами, и сыновей, убивавших отцов, братьев и любого, препятствовавшего осуществлению их честолюбивых и других желаний. Так, например, королева Ануля (пусть вас не вводит в заблуждение столь приятно и нежно звучащее для нас имя) умудрилась казнить мужа и пятерых любовников, каждого из которых она делала на некоторое время королем, пока ее не убил сын первого короля, занявший после этого трон. А о том, как пытали и преследовали людей во время правления последних кандийских властителей, даже писать не хочется. Женщин, мужа которых провинились перед королем, заставляли бросать собственных грудных детей под вращающиеся мельничные жернова, заключенных кормили в темницах мясом их родственников, по пути к месту казни осужденных сопровождали собаки, зарившиеся на их внутренности...

В книге о Гватемале я рассказывал о диктаторах Центральной Америки, описывал их своеобразное представление о правосудии. Оно казалось мне столь интересным и достопримечательным, что я посвятил ему целые главы. Признаюсь, что сейчас мне уже не доставляет удовольствия рыться в истории крупных и мелких гитлеров и устанавливать, как мало нового можно выдумать в этой области. Сейчас больше, чем их преступная изобретательность, поражают меня пассивность и частичное соучастие подданных, столетиями допускавших подобный произвол. Фантастично то, что могли придумать палачи, но еще фантастичнее покорность людей.

И это относится не только к страданиям, причиняемым посредством судебной машины. Глядя на постройки древних азиатских деспотов, мы задаем себе

вопрос, как создавались колоссальные по своей трудоемкости памятники эпохи рабства: гигантские храмы, мавзолеи, пирамиды? И наиболее фантастическим нам кажется при этом терпение рабочих, позволявших принуждать себя к постройке этих бесполезных памятников. А самое невероятное из всего — тот ложный путь, на который удавалось направить искавшую применения творческую энергию.

В 1815 году англичане захватили и куда-то упрятали последнего правителя Канди. Они построили шоссе, а затем железную дорогу, и сейчас уже трудно понять, что являлось в этой райской местности таким серьезным стратегическим препятствием. Почти вдоль всего шоссе стоят теперь дома, что характерно для густонаселенного Цейлона. Трудно уловить, когда вы, собственно, выехали из Коломбо. Машина идет и идет, а улица все не кончается. И вдруг перед вами надпись, гласящая, что вы проехали тридцать пять миль и находитесь в Амбепузе. В данном случае я имею в виду перекресток, который мы проезжали несколько раз; в отличие от многих, сходно звучащих названий мы окрестили его «Общипанная Амбепуза».

Там, где не было домов, виднелись поля, покрытые молодыми сочными побегами риса падди. Среди них всюду стояли красивые птицы — paddy bird, напоминающие нашу цаплю. Я видел тысячи таких птиц, но свое гнездо они, по-видимому, очень хорошо прячут, так как цейлонская пословица обещает бессмертие тому, кто его найдет. Та же пословица гласит, что так же трудно найти в джунглях дохлую обезьяну или абсолютно прямую кокосовую пальму.

Самые прямые пальмы, которые нам пришлось видеть, росли в ботаническом саду Перадения в конце серпантинной дороги, у въезда в Канди. Это прекрасный, обширный и роскошный парк. Он так велик, что его не скоро объедешь на машине. Там есть дом орхидей, перед которым чехословацкий садовник остолбенел бы от изумления. Цветы в нем напоминают восковые букеты, гроздья жужулиц, флажки с китайскими надписями. Некоторые из них чисто белые. Но знаете ли вы, сколько оттенков имеет белый цвет? Другие — серо-голубые, крапчатые, как редчайший фарфор. Там

есть растения, которые, по-видимому, не дышат и не питаются, а живут и благоденствуют, лишь холодно, паразитически набухая. Если цветы зла существуют не только в воображении поэтов, то они растут именно там.

Мы сказали, что ботанический сад роскошен. Как же определить воздвигнутое недавно рядом с ним здание университета? Оно подчеркнуто демонстрирует свою пышность, тот факт, что при его постройке не считались с расходами. Глядя на него, невольно думаешь о целесообразности крупноблочного строительства — очень уж напоминает это здание о тех излишествах в архитектуре, которые недавно критиковал товарищ Хрущев. Например, бревна, которыми заканчивались деревянные крыши древних цейлонских дворцов, украшали резными слоновыми хоботами; теперь эти хоботы отливают из цемента и в изобилии укрепляют под крышами новых домов.

Университет в Канди является отделением более старого университета в Коломбо, в каждом из них по тысяче двести слушателей и слушательниц. Принимали нас там очень радушно, мы там и переночевали, мужчины у студентов, женщины у студенток — разделение строго соблюдается. Во время нашего спектакля студенты сидели слева, студентки — справа, И столовые у них отдельные. Как вы думаете, спрашивали наши хозяева, подобает ли, чтобы девушки и юноши обслуживали друг друга?

Наши актрисы жили в огромном здании, окруженном настоящей гаремной стеной. Студентам не разрешается выходить из своего общежития после десяти вечера, студенткам — после девяти пятнадцати. На этом настаивают отцы, которые в противном случае не доверили бы своих дочерей современным педагогам.

Недавно обретенной свободой пользуются в первую очередь мужчины, так уж принято. И одеваются они так же, как мы, тогда как студентки все, без исключения, ходят в сари. Но утром, увидев, как развевался яркий тонкий шелк одежд этих девушек, когда они по утренней росе шли в аудитории с книжками в руках, как выделялся он на фоне огромных цветов, растущих вдоль дорожек, — мы забывали о своих мелочных возражениях.

У цейлонцев есть полное основание гордиться своим университетом. И он характерен для рывка, к которому готовится вся Азия.

ДЕСЯТИМИНУТКА ПО ВОПРОСАМ БУДДИЗМА

Многие думают, что стали мудрыми, тогда как они только примирились. Мудро ли примирение? А не просто ли печально?

Есть люди, которым недостаточно того, что они сами примирились. И они хотят личное поражение, свое подчас унижительное примирение возвести в закон жизни. Так всегда бывает, говорят они, и советую тебе считаться с этим. Если ты сумеешь примириться до того, как тебя принудят к этому обстоятельства, ты избежишь не только страданий, но и признания поражения. Твое чувствительное «я» не только не страдает, но извлечет пользу из своей трусости. Оно сможет кичиться перед теми, кто вступал в борьбу: «Видите, незачем было лезть, ведь я говорил вам...».

Сладок подобный триумф для такого кислого человека. Он согревает сердце хладнокровного ментора, которого ничто так не радует, как поражение людей с горячей кровью.

Священники и монахи построили на этой кисло-сладкой покорности свою власть. Люди, которые обожглись, жалуются и ищут целительный бальзам. Священники продают его и, если лекарство подействует не сразу, тут же бесплатно подставляют свою грудь, чтобы на ней выплакались. Приходите, люди добрые, поплачьте, исповедуйтесь и посоветуйтесь... А поскольку к нам приходят и простолюдины и короли, то кто же стоит выше всех?

Как наслаждается триумфом тот, кто всегда выступает в роли образца, кто правит миром, оставаясь за кулисами и экспериментирует с людьми за их собственный страх и риск! Как бы плохо все ни кончилось, он может в конце концов сказать: «Вы недостаточно следовали моим советам, были недостаточно святы! Мои намерения, как известно, самые чистые, для себя мне ничего не надо...».

Мы отправились с нашим кукольным театром в край чистейшей экзотики и вдруг, оказавшись в городе Канди, занялись философскими проблемами. Но можно ли не говорить о них в знаменитом религиозном центре, где буддизм является первоочередной проблемой?

Местный храм Святого зуба гордится одной из наиболее почитаемых святынь мира. Точнее, речь идет о третьем левом верхнем зубе, то есть о клыке Будды. Этот великий индийский мыслитель был похоронен за несколько столетий до нашей эры, но зуб его хранился отдельно, зуб уберегли от врагов, поклонялись ему сначала в Индии, а затем тайком, в прическе одной принцессы, вывезли на Цейлон. Здесь он стал эмблемой страны, символом государственной и религиозной независимости. Во время войны с оккупантами зуб перевозили из одного города в другой, пока в XVII веке его не похитили португальцы и не увезли в свою колонию Гоа. Цейлонцы предлагали за него большой выкуп, но верх одержал католический архиепископ, который решил раз навсегда уничтожить этот козырь конкурирующей религии. Он приказал в присутствии арбитров растолочь зуб в ступке, затем сжечь и пепел выбросить в море.

Но оказалось, что символ сверхъестественного может обладать сверхъестественной живучестью. Вскоре после португальской расправы с зубом туземный властитель Цейлона провозгласил, что снова обладает этой неповрежденной частью тела Будды. Христианам, мол, не удалось уничтожить зуб, остатки его материализовались из воды, огня и пепла, приняли первоначальный вид, поднялись и по воздуху прилетели на остров...

Поверил ли этому кто-нибудь? Миллионы людей верят до сих пор. Чудесный клык — величайшее сокровище храма Святого зуба. Мы заходили туда, слышали барабанный бой, звуки молитв, видели толпы паломников. Самый зуб нам не показали — тщательно обернутый, он хранится в ковчеге. Священнослужители ревностно оберегают его. Говорят, что даже во время ежегодных празднеств, когда августовской ночью ковчег везут по улицам города на спине белого слона, зуба в ковчеге нет. Не знаю, разрешали ли

кому-нибудь осмотреть его; английский авторитет сэр Эмерсон Теннент утверждает, будто то, что там хранится, вообще не является частью человеческой челюсти... Да так ли уж это важно?

Если бы мы относились к собственным суевериям так же придирчиво, как к чужим, то, может быть, имели бы право смеяться. Но ведь это не так. Поэтому нам приходится ограничиться констатацией факта, что храм Святого зуба — один из главных центров буддизма, а буддизм — одна из распространеннейших религий в мире. Нашему мировоззрению предстоит еще длительная борьба с чуждыми идеологиями. Бесспорно, наши аргументы — хлеб, здоровье, равноправие женщин, ликвидация каст и классов, освобождение от страха, мир во всем мире — аргументы мощные и в сущности непобедимые. Но недооценивать силу зуба, преодолевшего ступку, огонь и воду, было бы неумно.

Таким же излишним, как вопрос о подлинности кандийского клыка Будды, является другой вопрос. Многие спрашивают, как увязать кандийские или тибетские религиозные церемонии с настоящим учением Будды? Ведь этот философ обходился без священнослужителей, храмов, молитв и даже без веры в бога! Ведь это был мудрец, совершенно отрекшийся от мира, более всего осуждавший жажду власти! Как же люди, выдающие себя за его учеников, превратили его изображение в идола, окружили его чудесами, стремятся к власти и неприкрыто пытаются вести крупную великодержавную политику?

Мы не знаем точно, во что верил сам Будда. Так же как Сократ и Христос, он не оставил ни одной строчки своего учения, оно передавалось из уст в уста и было записано гораздо позже. Статуи, изображающие его, начали создавать, как известно, через четыреста лет после его смерти. В книгах и статуях перед нами предстает особый идеальный образ: человек, который из страха перед страданиями предпочел удалиться от мира, этого вечного источника страданий, и таким образом обрести ничем не нарушаемое спокойствие. Он утверждает, что единственное лекарство от страданий — отказ от желаний; лишь он приводит к полному избавлению от всех жизненных бед, во-

обще от существования в этом мире, прерывает круговорот перевоплощений, угрожающий нам после смерти (даже после самоубийства). От вновь и вновь порождаемых неосуществленными желаниями бедствий жизни, в которой при последующих воплощениях несут наказание за грехи, совершенные ранее, можно избавиться только отказом от желаний. Желание — всеобщий двигатель. Преодолей его, и после смерти тебя ожидает нирвана — пустота. Абсолютная пустота, которую нам не приближают такие определения, как «райская» или «блаженная». Просто (или сложно) — пустота.

Моральное новшество учения Будды заключалось в том, что он отрицал примитивное «умерщвление плоти», которое рекомендовали аскеты. Он говорил приблизительно следующее. Жизнь, которая тебе дана, проживи, пусть тяжело, но не пользуясь ее обманчивыми радостями и не прибавляя ничего к ее мерзости. Не стремись к богатству и власти над другими, не обижай ни человека, ни животных, являющихся лишь одним из воплощений человека. Совершай мелкие добрые дела, размышляй, жди своего конца и надейся на нирвану.

Новое учение понравилось властелинам, которые, конечно, не собирались применять его к себе. Их устраивала религия, рекомендовавшая подданным «правственный» образ жизни, пассивное примирение с любой участью, причем не требовался дорогостоящий церковный аппарат устрашения. Властелинами они родились, по-видимому, в награду за хорошее поведение в предыдущем существовании и потому претендовали на покорность подданных. Подаяния, раздаваемые скромным проповедникам типа Будды, были в общем весьма незначительным капиталовложением для поддержания зарождавшегося строя.

В течение тысячелетий еще кое-что изменилось, и буддизм пробрались древнеиндийские боги, оказавшиеся не столь мертвыми, как думал Будда. Небо, ад, рай, суеверия и чудеса, тайные науки, строгая иерархия священников, роскошные храмы, богатые монастыри, десятина, жертвования, налоги — и вот песимистическая, исключительно интеллектуальная философия основоположника буддизма превратилась

я религию. Религию, стремящуюся не столько к нирване, сколько к земной власти.

Подлинный ли святой зуб в Канди? Это неизвестно. Но известно, что кусает он пребольно.

СТЕРИЛИЗОВАННОЕ ИСКУССТВО

Древнее искусство главным образом религиозного происхождения, но для нас, его современных поклонников, это большей частью безразлично. К восприятию древнего искусства мы подходим так же деловито, как к еде кольраби. Сначала моем его в целях гигиены, отрезаем корень, из которого оно выросло, листья, которыми дышало, и несъедобную кожуру, оберегавшую мякоть. И лишь оставшееся интересует гурманов и эстетов.

Правилен ли такой подход? Если бы я был его безоговорочным сторонником, то привел бы следующие аргументы. Должен ли каждый, надевая кожаные ботинки, задумываться над тем, что в этой коже до него ходил кто-то другой? Должен ли посетитель выставки в Манеже все время помнить, что там когда-то вправду гоняли потных лошадей?

Воспоминания о прошлом часто нежелательны. Любитель музейных экспонатов будет, вероятно, потрясен, увидев, как они практически употребляются. То есть, узнав, что некоторые люди воспринимают их не только эстетически, а, например, молятся на них.

Мы отправляемся в храм посмотреть знаменитую роспись над алтарем и обнаруживаем у входа табличку с запрещением осмотра во время богослужения. Против этого не возразишь, наше отношение к росписи могло бы действительно помешать религиозному человеку. А спрашивал ли кто-нибудь нас, не мешает ли нам отношение верующих?

В Чехии, например, эстета раздражает вышитая скатерка, положенная наивным почитателем на алтарь под росписью. Или дешевая вазочка с восковыми цветами. В других странах обстоит еще хуже. В Европе, причем вас удивило бы, в каком высоко цивилизованном крупном городе это было, я видел распятие, нижняя часть которого была мокрой от слюны, и все-

таки, чтобы приложиться к нему, туда непрерывно протискивались все новые и новые верующие. Неподалеку от христианского поселка в Америке я видел тысячетонного майского идола, обрызганного свежей кровью принесенного в жертву животного. Но самое странное пришлось мне наблюдать во время описываемой поездки по Азии: в одном с научной точки зрения безукоризненном музее я увидел среди коллекций живого ламу. Он сидел там, скрестив ноги, спокойно молился и зажигал ароматические палочки, торчавшие между пальцами одного из выставленных богов.

Перед Венерой в Лувре или Вышебродской мадонной в Пражской галерее вы ничего подобного не увидите. Но не заблуждайтесь: людей, относящихся к определенным произведениям изобразительного искусства, как к предметам культа, в мире пока еще больше, чем нас, остальных. Однако соотношение сил многообещающе меняется. Возможно, что недалек тот день, когда дирекция какого-нибудь музея укрепит подле произведений искусства всего мира таблички, на которых известная надпись «Не трогать руками!» будет дополнена словами: «И ни в коем случае не использовать для религиозных целей. Хотя бы во время посещений любителей искусства».

Любителя произведений религиозного искусства подстерегает еще один удар. Он убеждается в том, что эти произведения часто крикливо разукрашены, размалеваны, порой недалеко ушли от уровня цирка или ярмарки, просто вульгарны. Благородную красоту, за которую эстеты готовы иногда жизнь отдать, придает им налет времени: пожухшая поверхность, выцветшие краски, выступившая на поверхность структура дерева, металла, камня, любопытное повреждение, вызванное непочтительным обращением.

Мы почти не можем представить афинский Акрополь в его первоначальной окраске. Видевшие его при ярком солнце или при волшебном свете полнолуния скажут, даже не считая это бессмыслицей: «Эти скудные, разбитые части образуют идеальное целое». При этом они пренебрегают свидетельством историков, что кариатиды Эрехтейона были раскрашены. Нам кажется, что они выглядели бы как столбики карусели...

Короче говоря, эстет любит вещи поврежденные, а главное, уже вышедшие из употребления, потому что тогда ему ничто не мешает относиться к ним по-своему и, пожалуй, совершенно независимо от их первоначального назначения. Но столкнувшись с произведением религиозного искусства, свежееотлакированным и по-прежнему служащим своим старым целям, он не может отделаться от ощущения, что тенденции этого искусства были всегда практическими, что оно было рассчитано на плохой вкус и в эстетическом отношении, можно сказать, сбивало цену. Оно даже не боялось быть вульгарным и ничуть не заботилось об утонченных чувствах истинных знатоков.

Не следовало ли бы этим знатокам чуточку приздуматься? Не заходят ли они слишком далеко, закрывая глаза на тенденциозные задачи произведений искусства? Не внушило ли им привычное восприятие религиозного искусства, при котором отбрасывалась религия, ложное представление, что *всякое* искусство следует воспринимать без его корней и листьев? Что всякое искусство должно с самого начала носить корректный, инвалидный характер предметов, вышедших из употребления?

Всякое живое искусство тенденциозно, то есть воинственно, а поскольку это так, то для достижения успеха оно должно обладать крепким здоровьем. Старые пропагандисты религии — а это были люди, обладавшие широким размахом, — могучего здоровья не боялись. Почему же пугаться его нам при пропаганде наших идей?

Это первое. И второе: правильно ли воспринимать древнее, то есть главным образом религиозное искусство, в выпотрошенном, стерилизованном музейном виде и при этом не интересоваться его первоначальной миссией? Справедливо ли это? И безопасно ли?

Возьмем негритянские духовные песни. Они прославлены и сейчас общепризнанны. И правильно рассматривать их как свидетельство глубокого социального протеста. Но можно ли полностью игнорировать их религиозную тенденцию? Полагаю, что каждому поклоннику этих песен было бы полезно, если бы его, как щенят при дрессировке, ткнули носом в богослужение на американском юге. Там не только постоянно

поют эти древние песни, но при вас в любой момент могут родиться новые песни. Это неопишущее переживание. Никакая американская пластинка не может передать возбуждение, которым насыщен воздух арена, жар, которым пышут тела людей, волнующее ощущение, что вы являетесь свидетелем древней оргии. Вы слышите неслыханное до того пение, чувствуете дыхание порождающего его источника. И в то же время вы как бы настораживаетесь. Внимание! — говорит что-то внутри вас, и это не худший из ваших инстинктов, — внимание, дальше идти с ними нельзя, это не может быть здоровым явлением, это уже безумие. Женщины, в экстазе извивающиеся на полу, пена на губах, тупая безнадежность в подавленной, потной, накаленной атмосфере... Это уже не отдушина для социального протеста, но опиум, которым заглушают его! Людей, охваченных таким видом религиозного дурмана, трудно будет поднять на что-либо другое, на революцию... Человек, действительно стремящийся изменить положение, как, например, Поль Робсон, использует и преподносит негритянские духовные песни совершенно не так, как поют их эти люди. И, конечно, знает, почему!

Пронзительные крики религиозных фанатиков вызывают не только эстетический интерес, в них таится яд. В этом убедился бы очевидец в Миссисипи. И нечто подобное он испытал бы в буддийском или индуистском храме на Цейлоне. Он увидел бы грубоватое религиозное искусство — столь популярные статуэтки Будды и Шивы, украшение наших квартир и музеев, но на этот раз окуриваемые, умащенные, облаченные в одежды, украшенные цветами, стоящие в центре обрядов и простертых к ним рук верующих. И, между прочим, убедился бы в том, как мало связана эта действующая религия с возвышенными идеями ее основателя и ученых защитников, какая она отсталая, чисто показная и далеко не невинная.

Поклонник религиозного искусства после такого посещения по-прежнему любил бы свои индийские статуэтки, как по-прежнему любит негритянские духовные песнопения, чешское барокко, готику и многое другое. Но любил бы все это по-иному. Разумнее.

ИДОЛЫ В ДЕЙСТВИИ

Тьма. Наша труппа играет в зале, расположенном на склоне горы, возвышающейся над городом Канди. Играет точно так же, как дома, в Брно, с рефлекторами, громкоговорителями, со всеми достижениями нашего века. А чуть пониже происходит нечто совсем иное.

Я произнес свое вступительное слово и освободился. Спектакль идет, и в течение полутора часов я могу делать вид, что приехал сюда частным образом, просто так. В глубине долины лежит озеро. Я был уже там, видел, как в черной воде копошилось что-то живое — большие лягушки или черепахи. В воздухе мелькали летучие мыши, непривычно высоко летали светлячки. По лениво поблескивающим волнам сюда докатывается таинственный гул барабанов, порой слышны взвизгивания труб. В индуистском храме идет богослужение.

Впустят ли меня? В Индии это не разрешено (коровам можно, иностранцам нет), в старых книгах о Цейлоне тоже сказано, что вход в такие храмы запрещен. Но попытка — не пытка.

Вокруг храма шум, как во время вальпургиевой ночи, мелькает множество огоньков. Перед порталом, украшенным башней «гопурам», лежат сандалии. Я тоже разуваясь и глазами спрашиваю двух мужчин, видимо, сторожащих вход: «Можно?».

Они улыбаются, их зубы блестят в сумраке. Вхожу в храм, сквозь тонкие чулки ощущаю грубый камень, стараюсь обойти лужицы пролитой воды или масла. В первом зале, освещенном мерцающими огнями светильников, барабанщики бьют в свои барабаны, другие музыканты дуют в какие-то инструменты, звуки которых напоминает гобой. Шум отчаянный.

Справа брахман выполняет какой-то обряд. Он обнажен до пояса, от лупка до копчика обвит шнуром — атрибутом высшей касты. Выглядит он франтом: в ушах и вокруг шеи сверкают драгоценности, на руках — браслеты, на пальце почти епископский перстень. На темени, за намечающейся лысиной, волосы связаны в пучок, и это подчеркивает гермафродитский вид жреца. Руки у него полные, мускулы

мягкие, видимо, он никогда не выполнял работы более тяжелой, чем сейчас. Изящными, вычурными движениями осыпает он лепестками цветов лик божества.

Время от времени его более молодой помощник подает наполненные маслом медные светильники, и жрец обводит ими вокруг статуи. Светильников целая серия; на одном — статуэтка быка, на других — коня, человека, на некоторых одна горелка возвышается над другой, они многоэтажные, как свадебный торт. Это, по-видимому, наиболее священные, так как молящиеся сопровождают их длинный путь к алтарю движением рук, сложенных над головой.

Среди верующих мужчины и женщины, все коротко стриженные, с индуистским цветным пятном на лбу. Женщины в национальных костюмах, мужчины в саронгах или брюках, все босиком. Храм битком набит, лампы чадят, жарко, а я торчу посреди толпы. Глаза молящихся хоть на миг с некоторым удивлением останавливаются на иностранце, но потом они снова с отсутствующим выражением механически следят за жестами священнослужителя.

Божество, изваянное из черного камня, обильно умащено и облачено в богато разукрашенные одежды; оно похоже на пражскую статую Христа-младенца. Вероятнее всего, это Кали — грозная супруга Шивы, жаждущая крови и отрубленных вражеских голов. Но в совершаемом женоподобным брахманом обряде осыпания цветами и размахивания тортообразными светильниками нет ничего внушающего ужас. Музыка громкая, молитвы непонятные, огни мерцают, и, стоя в толпе, не испытываешь страха. Здесь ни на секунду не возникает ощущения, подобного тому, которое я испытал в негритянском молитвенном доме в Миссисипи, когда казалось, что вот-вот на тебя, белого, набросятся, чтобы — с полным основанием — растерзать. Здесь в карих глазах спокойствие и скорее доброжелательное безучастие.

Никто не возражает, когда иностранец, выскользнув из группы, окружающей брахмана, отправляется в своих чулках осматривать все уголки храма. Божество, которому сегодня приносились жертвы, лишь одно из многих. Оно стоит в центре храма под балдахином, резным и ярко расписанным, как ярма-

рочный тир. В других местах этого сложного здания, иногда в глубине искусственных пещер, стоят иные божества из камня или металла. Они одеты не так богато, как та статуя, перед которой сейчас совершалось богослужение, но на всех обязательно хоть намек на одежду, хоть кусок полотна или шелка, обернутого вокруг бедер. Если не говорить о нескольких фаллических символах, настолько стилизованных, что они приобретают геометрическую неконкретность, здесь нет ничего эротического. Ничего напоминающего изящные переплетения, которые вы видите в отдельных храмах Индии, а тем более пламенные совокupления, в которых застыли статуи ламаистских храмов Монголии, Китая.

К концу я попал в сказочный хлев. Это был склад деревянных животных и колесниц для праздничных процессий. Здесь все было трогательно, любовно вырезано и разрисовано. Больших качающихся коней и карусельных быков я никогда раньше не видел.

В общем церемония в честь страшной богини Кали была весьма кроткой. Волнующее приключение поджидало меня за дверьми храма: пропали мои туфли. Я приковылял в театр в чулках. Там выяснилось, что после спектакля кто-то из товарищей искал меня; проходя мимо храма, он увидел чешские туфли и забрал их.

Так называемых дьявольских танцоров — еще одну достопримечательность Канди — мы увидели на следующий день. Их танцы несколько более бурны, чем обряды в храме, но до наших представлений о дьяволах им далеко. В белых, сложно задрапированных юбках, с невероятно тяжелым разукрашенным поясом вокруг бедер и с каким-то подобием прозрачного легкого свитера из кораллов и серебристых блесток на голой груди, они совершали прыжки и делали жесты, которые во всех путеводителях называют «мужественными».

Кажущаяся мужественность этих танцев заключается в том, что они угловаты, отрывисты, изнурительны. Если же считать мужественность противоположностью женственности, то эти танцы не мужест-

винны. Мужествен, например, словацкий танец вербушка, его никак не спутаешь с женским танцем. Он утомителен, но за его утомительностью кроется задор: «Смотри, девушка, как я вынослив!» Название свидетельствует о том, что этот танец рекрутов, но немецкое слово «Werbung» означает не только вербовку рекрутов, но и ухаживание. Залихватский танец парней выражает строптивость новобранцев, это безобидная отдушина для их избыточной энергии. И в то же время удобный случай показать девушкам гибкость бедер, неутомимость икр, чувствительность щиколоток.

В дьявольском танце нет подобных намерений, он не ставит таких задач. Это танец другого рода, я отнес бы его к группе экстазовых. С эротикой, с женским или мужским началом он не имеет ничего общего. Его сложные отрывистые движения должны, по-видимому, привести к изнеможению, к трансу, в нем не кокетничают усталостью. Этот танец напоминает скорее судорогу, бред. Насколько известно, его выполняли раньше у ложа больных, одержимых дьяволом. Возможно, танец должен был имитировать движения дьявола, чтобы, отождествившись с ним, заставить, преодолеть его. Танцор приходил в исступление, показывал слабости злого духа, изображал способ его усмирения, изгнания, а тем самым в известной мере поддерживал волю пациента к сопротивлению болезни.

То, что мы видели, было уже стилизованным, приглаженным эстрадным выступлением, конечно, без участия больного. Танцоры, выступающие с этим номером, пользуются успехом во всем мире. Они были в Москве, приедут в Прагу. Но пусть их кажущиеся абстрактными и бессмысленными прыжки не вводят вас в заблуждение и не вызывают у вас вопроса: «И это — магия?».

Танец подлинный. Такой же подлинный, как наша полька, тоже не утратившая своего первоначального очарования из-за того, что сейчас ее исполняют на подмостках любители-милиционеры. И сейчас, как сто лет назад, стоит соединиться в танце рукам настоящих девушки и парня, произойдет подлинное для них и, если хотите, магическое слияние.

На Цейлоне до сих пор живы демоны, и дьявольские танцоры по-прежнему изгоняют их этим танцем. Не знаю, каких результатов они добиваются. Но знаю, что современным врачам приходится прилагать немало труда, чтобы изгнать этих танцоров из комнат больных.

КАНДИ И ЕГО ЛАКОМСТВА

Название Канди звучит так же, как английское слово «candy» — конфеты, и это придает воспоминаниям о городе кондитерскую нежность и притягательность. Красивое озеро на дне долины, похожие на парк берега, храмы и дома, поднимающиеся даже немного вверх, в горы, со всех сторон окружающие город... И все эти горы засажены кустами чая. Настоящего цейлонского.

Мысль о конфетах ассоциируется с представлением о больных зубах, а зуб является, как мы знаем, знаменитой святыней Канди. В глубине души у каждого из нас сохранилось что-то детское, и потому нам особенно интересно было узнать, что здешние буддисты не только хранят свою реликвию — Святой зуб, но имеют целое стадо живых слонов для процессий, устраиваемых в его честь. И на одном из этих слонов нам разрешили покататься.

Взбираться на опустившуюся на колени и обтянутую теплой кожей гору неприятно, особенно когда человек не обладает ни снаряжением, ни тренировкой альпиниста. Но как только он усаживается наверху и с величием магараджи улыбается шелкающим где-то внизу фотоаппаратам, тягостное ощущение сменяется верхом блаженства. Я смогу рассказывать, что ездил на слоне! Смогу сказать, что проделал двадцать пять тысяч километров по Азии в самолете, в автомобиле и... на слоне. Это звучит!

Живущее в вас дитя получило полное удовлетворение. Именно в Канди среди нас вспыхнуло массовое помешательство на слонах. Кто-то обнаружил лавочку, где всего за одну рупию продавали слонов из черного дерева. И без промедления наши рупии начали перевоплощаться в слонов. То были черные ста-

туфетки с бивнями из настоящей слоновой кости. Для удобства упаковки и перевозки бивни были вставные. Оттик потом божился, что видел, как один педантичный член нашей труппы перед сном клал эти слоновые зубки в стакан воды.

Уличные торговцы, подметив охватившее чехов безумие, на каждом шагу преследовали нас возгласами: «Слон, слон!», что звучало почти как ругательство. Они хотели во что бы то ни стало всучить нам целые стада всевозможного скота, и отделаться от них было очень трудно. «Корова из слоновой кости у меня уже есть,— отмахивался Карлик.— Теперь я соглашусь в крайнем случае на слона из говяжьей кости». Так как торговец по-чешски не понимал, по-звали меня, чтобы я перевел пожелание Карлика на английский. Трудно быть руководителем группы чехов, занимающихся покупками за границей, и подчас просто невозможно быть их переводчиком.

Из Канди мы отправились в Курунегалу. И она гордится тем, что была одно время резиденцией цейлонского короля. Курунегала расположена у озера, еще более красивого, ибо оно естественное, раскинулось у подножия могучей голой скалы, якобы напоминающей лежащего слона. К счастью, этот слон не продавался, а не то мы оставили бы там свою последнюю валюту.

Специальный комитет городского управления очень хорошо встретил нас и поселил в рестхаузе. Это особый тип маленькой гостиницы, посреди которой всегда находится столовая, а справа и слева — ряд небольших спален. Здания одноэтажные с тенистой террасой. На террасе стоят огромные кресла, сконструированные, очевидно, с учетом толстенных голландских седалищ. Подлокотники можно так выдвинуть, что на них помещаются вытянутые ноги. Вот он, колониальный образ жизни! После тяжелого пути мы ожидали обеда в бесстыдно горизонтальной позе.

Собственно, это был не обед, а очередной банкет. В столовой мы очутились перед огромным накрытым столом с надписью: «Курунегала приветствует чехо-

словацких кукольников!» Буквы этой надписи, растянувшейся во всю длину белоснежной скатерти, были сложены из окрашенных в красный цвет зерен риса.

Рис — основное блюдо не только здесь, но и на всем Цейлоне. В Курунегале его подали с богатым выбором приправ, как полагается на банкетах. Называется это блюдо кэрри, и оно замечательно. Особенно для тех, чей желудок с ним справляется. Они могут прибавить к белому пресному рису десяток других лакомств: крепко сдобренный желтоватый гуляш, вареную рыбу, салат из помидоров с луком, замечательную чечевичную кашу и нивесть что еще. Едят все это с хрустящим печеньем — жаренными на масле тоненькими лепешками, — настоящая поэма! Кэрри подается без подливки, едят его ложкой, которую держат в правой руке, а в левой — вилка, ею помогают накладывать кэрри.

Те, у кого желудок с такой едой не справляется (а это часто связано с колониальным образом жизни), со вздохом ограничиваются пресным рисом и прикрывают глаза, чтобы не видеть, как в серебряной ложке отражается находящийся под потолком огромный вентилятор. Вентилятор вращается, его уменьшенное отражение в ложке мелькает с головокружительной быстротой, непрерывный поток воздуха усиливает состояние неустойчивости, вы чувствуете себя как во время качки: вот-вот желудок начнет сжиматься в такт вентилятору...

Тот же, кто не ест на Цейлоне, лишается большого удовольствия. Там вкусные рыбы и сказочные фрукты. Несколько сортов бананов, все известные у нас и, сверх того, несколько неизвестных даров тропиков, как, например, манго или лаулу. Манго здесь продолговатое, более зеленоватое и толстое, чем в Америке, с сочной желтой мякотью. У лаулу наряду с очаровательным названием вид шафраново-золотистого яблочка и мучнистый вкус. Мы проезжали мимо какаовых деревьев, и шофер Фернандо научил нас срывать и разбивать их розовые стручки и вылушивать туго набитые в них бобы, лежащие в белом соусе; он имеет вкус очень кислых конфет, и его высасывают.

Более древним и самым знаменитым здесь растением является коричное дерево, научное название

которого — *cinnamomum zeylanicum* — свидетельствует о его цейлонском происхождении. Именно сюда приезжали за корицей купцы еще в библейские времена. Корица — это внутренняя часть очень тонкой коры масляного дерева, которая, как свидетельствуют руководства, «отличается от всех других специй крепким ароматом, терпким и приятным вкусом».

То, что рис — главная пища на Цейлоне, не доставляет особого удовольствия некоторым чехам, называющим его «зубками мертвецов». Например, в меню кандийского университета вы увидите шесть раз в неделю рисовую кашу и лишь один раз так называемое европейское блюдо — картофель. Интересно наблюдать вегетарианцев, которые по религиозным или кастовым соображениям обходятся совершенно без мяса. Некоторые из них не признают даже яиц и сыра. Один из них, студент, клялся нам, что, живя долгое время в Праге, строго соблюдал все предписания. И не тосковал там по цейлонским фруктам и овощам так сильно, как чехи на Цейлоне по свинине с кнедликами и тушеной капустой.

В Курунегале двадцать тысяч жителей, и каждый из них, по-видимому, хотел проявить любезность по отношению к нам. Для нас была составлена изнурительная программа. Пока в театральном зале готовили сцену, мы совершили несколько прогулок и нанесли визиты, перед спектаклем супруги членов местного самоуправления устроили для нас чай. Вступительное слово к премьере произнес красивый молодой человек. Случайно оно было его последним выступлением в качестве главы города, так как утром сообщили из Коломбо, что он назначен на пост министра.

Разумеется, это явилось поводом к чествованию, и банкет превратился в шумное празднество. На террасе рестхауза для нас танцевали дьявольские танцоры в таких же костюмах и с таким же напряжением, как в Канди. Потом выступили более изящные танцовщицы, но треск барабанов не прекратился. Наши хозяева вообще не замечали, что гости один за другим удаляются, чтобы лечь в постель, и настолько утомлены, что им не мешают заснуть даже дьявольские ба-

рабаны, гремящие под самыми незастекленными окнами.

Праздник в честь спящих чехословаков продолжался до утра.

ГАЛЛЕ ИЛИ ЖЕЛЧЬ ПОСЛЕ КОНФЕТ

Многие деревья чувствуют себя хорошо среди себе подобных, но кокосовые пальмы индивидуалистки, они стремятся жить подальше от стада. Посреди плантаций они ничего поделывать не могут — где их посадили, там и растут. Но стоит пальме очутиться на краю плантации, а тем более там, где суша кончается, она начинает тянуться, прямо-таки изворачиваться в сторону, ее тянет к морю, и иногда она так наклоняется, словно хочет покинуть берег.

Пальмы и море — вот что особенно притягивает человека, приехавшего из Центральной Европы. Он не может досыта насмотреться, ему никогда не надоедают перламутровые волны, которые то растекаются по песку, то, окаймленные ослепительно белой пеной, разбиваются о валуны или маленькие островки. Эти островки необитаемы, там высятся лишь группки деревьев, они мужественно сопротивляются прибою, набегающему со всех сторон. И даже в человеке, в общем тесно сросшемся с ему подобными, просыпаются мечты, зовущие вырваться из строя. Ему хочется превратиться в экзотическую лиану, обвиться вокруг пальмы, очутиться в робинзоновском одиночестве. Там...

К счастью, такое чувство длится лишь одно мгновение. Человек вовремя осознает, что это глупость, что там жить нельзя, а если бы это было возможно, ни один из островков не остался бы необитаемым. Но в течение этого короткого мгновения мечта настолько сильна, что человек не может от нее оторваться, она тянется, изворачивается, словно стремится вместе с водой и пальмами покинуть любые берега.

Мы долго ехали вдоль моря, возможности любоваться им и мечтать было достаточно. Ехали мы все время на юг, и справа за окнами автобуса уходили в бесконечность голубовато-серые волны с гребеш-

нии пены, то здесь, то там виднелись острова и по-
всюду — пальмы.

Слева мелькали скромные домики, утопавшие в
тени деревьев; сотни тропических ливней смыли с
них штукатурку, и казалось, что они подернуты зеле-
новатой плесенью.

Справа под пальмами на самом берегу кое-где вид-
нелись закопченные башни. Индуисты сжигают в них
мертвецов, и тогда дым тянется к морю, к островкам.
Только дым. Место живого человека на земле, среди
близких.

Мы едем в Галле — порт, некогда более известный,
чем Коломбо. Португальцы построили там в свое вре-
мя крепость, но современный вид придали городу гол-
ландцы. Голландцев здесь уже давно нет, укрепления
выросли травой; на них вокруг белого маяка пасутся
коровы, и это подчеркивает классический голланд-
ский стиль пейзажа.

На рейде иностранные суда — два японских и одно
египетское — напоминают, что здесь, в Галле, испокон
веков встречались на полпути Старый Свет и Даль-
ний Восток.

Внутри круга укреплений под раскидистыми де-
ревьями — сердце города, главным образом правитель-
ственные здания. На одном портале герб с изображе-
нием льва и дата: 1669 год, на другом, совершенно за-
пущенном и, видимо, нежилом доме, осталась лишь
меланхолическая надпись: «Bank of Ceylon», больше
ничего. Вхожу наугад в какую-то открытую дверь и,
словно передо мной взвигается театральный занавес,
оказываюсь на пороге зала суда во время рассмотре-
ния дела. На судейском возвышении сингальские чи-
новники в темной штатской одежде, несколько ниже
стоит полицейский в шортах защитного цвета и дает
показания. На скамье подсудимых за деревянной пере-
городкой пятеро юношей с непроницаемыми физионо-
миями. У ног полицейского, обутого в туфли и тол-
стые длинные носки, небрежно развернутый бумаж-
ный сверток с вещественными доказательствами. Несколько грязных тряпок, склеившихся от засохшей
крови, три дубинки; к каждой вещи прикреплена

этикетка — на таких пишут цены в магазинах. Рассматривается дело об убийстве. Эти пятеро юношей убили старика и его жену.

— Почему?

— Ссора из-за земли, усугубленная кастовыми и другими распрями. Это довольно сложно... — пытается уклониться от ответа стоящий у двери чиновник, которого я шепотом расспрашиваю.

— Это необычный случай?

— О, нет! Вовсе нет! Просто не знаю, как вам объяснить...

— Может быть, здесь вражда между сингалами и человеком, принадлежащим к тамильскому меньшинству?

— Возможно, — соглашается чиновник и опускает голову.

Любопытно, что в свободном Цейлоне, государстве, входящем в Британское Содружество наций, судят еще по голландским законам. Но больше всего сохранилась голландская атмосфера в гостинице.

Впервые за все время путешествия у меня отдельная комната, даже не комната, а настоящий зал. Он подошел бы для какого-нибудь донкихотствующего чудака. Сумрачный, заставленный множеством старых, унылых вещей; его деревянный потолок высоко, под самой крышей. Окно пропускает мало света — перед ним крона раскидистого дерева. Сквозь ветви виднеется часть пристани, там кули гуськом, по бедра в воде, переносят мешки с товарами.

Почему голландцы любили размеры, которыми отличается эта комната? Стремилась таким образом создать впечатление, что они действительно являются господами? Или это укрепляло их позвоночник, угрожающе размягченный всеми испытаниями, перенесенными на жаркой чужбине? А может быть, просто надеялись, что в этой тенистой громадине на кровати у самого пола будет хоть немного прохладнее?

Вся гостиница, казалось, была создана для жизни со стиснутыми зубами. Величественный бивак в аду, господское существование, поддерживаемое любой ценой, — только бы вынести это изгнание в тропиках, выдержать ненависть ограбленных туземцев, к счастью, враждующих друг с другом. Выдержать не-

сколько лет, пока удастся нажить золото на корице, на жемчуге, на чем угодно. Набить всем этим корабли и уехать навсегда.

Старые гостиницы близ экватора, бары из красного дерева, потускневшие зеркала и ветхие лопасти вентиляторов... Панцири всегда прочнее скрывавшихся в них недолговечных существ.

Где эти существа? У стойки с напитками застоявшийся запах мускуса, рома и сигар. На высоком стуле сторбленный белый человек со стальной пружинкой слухового аппарата на голове. Кто знает, почему он остался? Не разбогател вовремя и опоздал на паром? Не сумел? Был сентиментален, не выдержали нервы, сбили с толку идеалы, туземки, какие-нибудь исследования, раскопки?

Вы можете повсюду встретить эти прозябающие остатки вымершей породы. За виски с содовой и пару сэндвичей они порасскажут вам о былой славе. Да полно, существовала ли она?

— Конечно, существовала, уважаемый. Не думайте, что в тропики отправлялись одни только неудачники. Ехали и те, кого не устраивали темпы на родине. Когда-то жизнь была здесь бурной, суматошной. Все хотели разбогатеть, все стремились быть господами. Соглашались еще месяц-другой посидеть, положив ноги на стол, и подождать богатства, но стол должны были получить немедленно. Кто не жил как господин, мог жить только как туземец, а если так, то лучше уж пулю в лоб. Господами здесь должны были быть все, даже те, кто ими дома не были. Еще одно виски, пожалуйста. Должны были? Нет, хотели. Хорошо жить господином... А без хорошей ванной здесь тоже пропадешь...

Вам симпатичны местные жители? Вы имеете в виду женщин? Не так ли? Вообще людей? Ну, знаете, странные шутки! Посмотрел бы я на вас в те времена, когда нужно было во что бы то ни стало спешно раздобыть деньги... Небось воображаете, что это было легко? Что жареные куропатки сами в рот влетали? Спорю на все, что у меня есть, что вы тоже вели бы себя как черт. Вокруг все чужое, и у вас нет никакого

желания торчать здесь дольше, чем это необходимо. Будь окружающие вас черномазые немного менее надежными, вы бы в два счета получили все, что надо, да и они жили бы неплохо. Но, к сожалению, это никогда не удастся. Во-первых, вы здесь не один, над вами есть кое-кто посильнее, рядом с вами тоже ко всему тянутся белые руки. Но даже если бы вы оказались здесь один на один с ними... Каждый теперь умничает, у каждого собственное представление о том, что ему по душе. Начнут возражать, бунтовать, сговариваться с другими... Тьфу!

Значит, вам здесь нравится? В Галле? На каком языке ни возьми, по-английски, по-голландски или по-немецки, на любом это слово значит — желчь. Но вы, кажется, русский? Может, по-вашему это звучит неплохо.

СМЕХ СООБРАЗИТЕЛЬНЫХ ДЕТЕЙ

Уже в Галле нам шепнули по секрету, а чуть дальше по побережью, в Матаре, это стало совершенно явным: интерес публики к чешским куклам кое-кого раздражал. Американское информбюро на Цейлоне отправило почти по нашему маршруту кинопередвижку и повсюду устраивало конкурирующие сеансы, разумеется бесплатные. В то время как у нас маленький Ясанек сражался с драконом, на ближайшей площади антисоветские фильмы сражались с призраком коммунизма. Но зрителей у нас было больше.

Их было столько, что один любезный местный сановник счел нужным прийти нам на помощь: выступить на авансцене и объяснить находившимся в зале, почему они там оказались и почему неудовлетворенные, стоящие у касс, остались снаружи. У тех, кто в зале, объяснял он, есть билеты, которые они своевременно купили. Те, кто остались снаружи, билетов не получат, так как все распродано.

Утирая пот, он излагал эту замечательную теорию несколько раз в различных вариантах. Публика тоже обливалась потом, нетерпеливо ожидая начала спектакля. Но сановник, придавая большое значение своему выступлению, продолжал в том же духе. Люди

в герметически закупоренном зале начали волноваться, но оставшиеся снаружи волновались еще больше. Узнав, что спектакль все еще не начинается, они все-таки надеялись вовремя пробраться в зал. Может быть, они думали, что там ожидают именно такого пополнения? Сановник слышал ропот, удары в двери, потел, упорно старался прекратить столь непристойное поведение и мужественно продолжал говорить.

Между тем люди просачивались в театр сквозь все щели. В конце концов через артистический вход произошло столько народу, что по обе стороны сцены не осталось места для кукольников. Сановник все говорил, а я протиснулся наружу, к полицейским, успешно оборонявшим главный вход в зал, и попросил их освободить место за кулисами. Полицейские появились на сцену, убедились, что могут там увидеть немало интересного, и не собирались уходить. А между тем входные двери под натиском толпы распахнулись, поток любопытных ввалился в зал, и сановник, увидев их, от растерянности онемел.

Мы воспользовались этим моментом. Публика была на сцене, заполнила все уголки зала, забиралась через окна... Единственным выходом из положения было начать представление.

На следующие спектакли мы полицейских внутрь не приглашали. Во время одного из спектаклей я беседовал под открытым небом с их начальником, он рассказывал мне о мучениях с местной разновидностью стилиг, как вдруг в зале раздался выстрел. Полицейский немедленно поднес к губам свисток, чтобы призвать своих людей к расправе со скандалистами. Но мне удалось объяснить ему, что выстрел был дан по ходу пьесы и на сцене как раз находится волшебник, который выстрелит еще два раза, чтобы заколдовать цыпленка и курицу. Вот, слушайте: раз, два! Ах, тогда извините!

Контрпропаганда и давка среди публики создавали напряженную атмосферу, нервы у нас были натянуты до предела, мы опасались провокаций. И вот в Матаре в гардеробе грянул взрыв. Боже мой, что там происходит? Нечто ужасное! Детвора попыталась пробраться в зал через окно гардероба, на котором стояла

бутылка содовой воды. Та упала на стоявшие внизу бутылки, несколько из них разбилось, из-за давления, возникшего в них при такой жаре, они взорвались, и стекло с треском разлетелось во все стороны...

Покушение?!!

Не волнуйтесь и не прерывайте представления. Можно спокойно продолжать небезопасную пропаганду Ясанека против драконов.

К счастью, нас не все время лихорадило. Бывали и спокойные часы, когда спектакль шел нормально, все внимание было сосредоточено на сцене, и зал реагировал — изумлением, смехом или настороженностью — именно в тех местах, где актеры этого ожидали у нас в Брно, так же, как здесь, в Матаре.

Тогда можно было спокойно уйти из театра, некоторое время не опасаться за судьбу притихших мальчишек, которые смотрели спектакль, забравшись на вентиляторы под потолком, и любоваться звездами.

Шагах в пятидесяти от театра плескался морской прибой. Мне нравилось стоять там среди скал, смотреть на блистающую воду. Я знал, что недалеко отсюда находится мыс Дондра — южная оконечность Цейлона, место, которое древние географы называли концом света. Дальше уж ничего нет, только море — через экватор и все полушарие вплоть до Антарктиды. Бесконечная, безмолвная пустыня. Над нею серп месяца, который лежит на спинке, рожками кверху, совсем не так, как у нас.

Но так же, как у нас, через секунду в театре раздался взрыв смеха семисот детей, причем на том самом месте пьесы, где его ожидали в Брно.

Есть определенные вопросы, с неприятным постоянством повторяемые в беседах чешских читателей с авторами путевых заметок. Вы рассказываете, например, о перспективах борьбы за мир, о прогрессе, и вдруг кто-то подымает руку и спрашивает, действительно ли сжигают вдов в Индии. Или: скажи нам откровенно, товарищ, едят ли змей в Китае? Уменьшают ли мексиканские индейцы искусственно размер головы?

Как хорошо было бы никогда не отвечать на подобные вопросы! Насколько приятнее рассказывать, как мы давали кукольное представление на южной бесконечности Азии для очень темных, черноволосых детей. В нашей пантомиме закованный в латы рыцарь с грохотом падает на пол. Ясанек, наш милый шут, пытается помочь ему подняться, но тщетно, тогда он, многозначительно постучав себя пальцем по лбу, убеждает за кулисы и возвращается с автомобилем техпомощи. Вы, вероятно, видели такие грузовики с подъемным краном. На этом кране висит большой выкрашенный в красный цвет школьный магнит, имеющий форму перевернутой буквы U. Ясанек опускает его, ножки магнита со стуком прикасаются к латам рыцаря, затем Ясанек поворачивает рычаг в обратную сторону, подымает рыцаря и ставит его на ноги.

Можно ли показывать в Азии этот трюк? Рыцарей в латах знает любой наш ребенок по сказкам и разным кукольным представлениям. А ребенок на Цейлоне? Так же ли распространены здесь машины техпомощи, как у нас? А магнит? Держали ли все эти дети нечто подобное в руках, знают ли, как он выглядит и действует?

И вот в течение всего нашего длительного путешествия по Азии не было случая, чтобы сценка с подъемным краном не вызвала бурного отклика. Дети начинали смеяться, не ожидая конца трюка. Стоило появиться подъемному крану с магнитом, и они догадывались, что произойдет дальше.

Я закончил бы беседу словами: важнейший вывод из всего моего путешествия состоит в том, что смех сообразительных детей совершенно одинаков в цейлонском Матаре и в чешском Брно. Я не видел, как индейцы уменьшают головы, но видел, как они ремонтировали на обочине дороги брошенный кем-то сломанный автомобиль и потом поехали на нем. Я не наблюдал в Индии сожжения вдов, но я видел, что там работает атомный реактор.

Иногда месяц лежит на спинке, кое-где едят змей, — а почему бы и нет? — ласточкины гнезда и другие местные лакомства. Это довольно интересные наблюдения. Но то, что дети всего мира одинаково быстро понимают трюк с магнитом и аварийным автомоби-

лем — настоящее открытие. И оно внушает надежду. Ради него стоит совершить такое далекое путешествие.

ВОЛШЕБНЫЕ МАСКИ

Полуденный зной, притихшее море, отмель. Над теплой водой девятнадцать почти неподвижных человеческих голов. Рук не видно, они медленными движениями описывают круги около тел, лишь изредка правая рука, вынырнув из-под воды, на мгновение поднимается кверху... Вы, конечно, угадали, что проводится собрание.

Товарищи! Тропическая жара начинает срывать наши спектакли. Моральный уровень в общем не снижается, но материальная база расшатана. Капризничает магнитофон — колебания напряжения в сети и сырость оказывают пагубное влияние на исполнение музыкальных номеров; страдают от сырости и механизмы кукол — солдаты плохо маршируют, у акробата не вращаются колеса велосипеда. От непрерывных переездов треплются декорации, куклы грязнятся.

Вы хотите задать вопрос? Ах, товарищ читатель думал, что на конце света, на Цейлоне, можно покончить со всякими собраниями. Не беспокойтесь, это собрание кончится, но до его конца еще далеко, всем надо высказаться. Итак, во-первых...

Нервы пока выдерживали, но и они начали сдавать. Ночевали мы теперь в маленьких рестхаузах, по четверо в комнате, под рванными сетками от москитов, иногда и без сеток, но с москитами обязательно. Ночи были такие жаркие, что даже простыня была невыносима, и мы казались самим себе парскими трупами, выставленными на Башне молчания — мухи, ешьте нас.

Лихорадкой никто не заболел. Во-первых, мы приехали в зимнее время, а во-вторых, каждое воскресенье на всякий случай глотали таблетки дараприма. Один из нас сочинил молитву, сопровождавшую этот утренний обряд. Вот она. Тоже результат солнечного удара, перенесенного душой поэта в тропиках:

Воскресный день — день дарприма.
Не атебрина иль хинина,
Ему мы гимн поем, жарой палимы —
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя...
Спасет он нас от малярии,
Избавит от дизентерии.
Раз руки моешь аккуратно,
Вернешься в Прагу ты обратно —
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя...

Более тяжелые травмы получала душа, когда наши местные друзья, стремясь проявить максимум внимания, составляли для нас слишком напряженную программу и мы просто уж не могли слушать, смотреть, улыбаться. Выступали все новые и новые танцоры-дьяволы и танцовщицы-дьяволицы, бывали и танцы мажор — при виде их моя коллекционерская душа трепетала, — и надо же было, чтобы как раз в такой момент голова вдруг взбунтовалась: хватит! Больше не воспринимаю, выключаю уши, не заостряю взгляда, мне безразлично, улыбаются ли мои губы. Дьяволы, ну нас всех к черту!

Голова твердила это, но чувства отказывались ей повиноваться. Пока еще не придуман выключатель для слуха, а дипломатическая судорога официального делегата за границей, к счастью, не дает опуститься векам глаз и уголочкам рта. Сидишь как каменный, внешне все в порядке, время от времени даже говоришь сопровождающему сановнику: «Действительно, очень интересно», но где-то внутри рана и гримаса, несправедливо окрашивающие все, что ты видишь.

Это большая потеря. Об этом должны были бы подумать и те, кто у нас составляет программу для приезжих.

Маски! Я не собираюсь сейчас говорить о лицах дипломатов, улыбка которых может выражать... боже мой, да может вообще ничего не выражать! На этот раз я имею в виду знаменитые деревянные маски цейлонских танцоров.

Впервые мы увидели их в музее главного города, там уставлена ими вся лестница.словно старик директор не впускает их в залы. Когда я сказал ему, что меня больше всего очаровывает из его экспонатов,

он покачал головой: «Ну вот, еще один! Сколько народу уже сюда приходило ради этих проклятых масок! Почему бы вам лучше не писать о геологии или о наших окаменелостях? Ведь танцы это самое обыкновенное жульничество, рассчитанное на суеверие».

Но что же делать, если меня притягивает искусство, хотел я ему сказать, а чуточку суеверия и жульничества искусству всегда было свойственно. Каждое искусство, экспериментируя, прибегает к колдовству и маскам — даже король Лир не обходится без приклеенной бороды.

Много причин вызвало повышенный интерес нашей эпохи к маскам первобытных народов. Во-первых, маска — это относительно чистое проявление народного творчества. Своего сложного очарования она достигает простейшими средствами. Иногда достаточно нескольких мазков или полос краски на живом лице, иногда человек приспособляет кусок дерева, кожи, жести, словом то, что оказывается под рукой. Человеческое лицо испокон веков представляет собой одну из величайших тем для художников, и создатели масок задолго до возникновения всяких художественных теорий выявляли возможности его изображения. От широко распространенного типа до индивидуального портрета, от дерзкой абстракции до грубого натурализма, от подражания видимому до воплощения богов, героев, демонов или олицетворения ужаса, величия, мужества, веселья и т. д. Все это уже делалось, и все это мы видим как на ладони.

Наконец, вызывает интерес еще одно: ощущаемая связь масок с магией, с внерассудочным воздействием на людей. То есть с областью, к которой мы теперь относимся менее пренебрежительно, чем наука девятнадцатого века. Тогда верили во всемогущество логики, в неопровержимость геологии, окаменелостей. Между тем наше поколение убедилось в невероятной живучести средневековья, суеверий, чудес, видело, как воскресали мифы, возникали массовые неврозы, видело сожжение книг и колдуний. Оно неоднократно было свидетелем поражения разума, правда временного, но вследствие этого не менее неприятного. Документальные киносъемки гримасничающего на балконе Муссолини или триумфальных прыжков Гитлера в Компье-

не — забавное зрелище, но не относится ли оно до некоторой степени к области демонических масок и дьявольских танцев? Не были ли мы свидетелями того, как фанатики-шарлатаны такими средствами уваскали за собой целые народы?

Производственные отношения и экономическое положение объясняют многое. Но некоторые темные уголки истории нужно осветить и с другой точки зрения.

Словом, в масках что-то кроется. Я еще точно не знаю, что именно, только пытаюсь до этого додуматься. Когда буду знать, напишу. А пока удовлетворитесь кратким рассказом о цейлонских масках.

В поселке Амбалангоде мы видели их в действии. Могли поддержать их в руках — они были деревянные расписные, довольно тяжелые. Это была серия из сорока различных масок, необходимых, как нам объяснили, для местной балетной и драматургической постановки. Наиболее простые из них выглядели как карикатуры на обычных смертных, это были маски участников комических интермедий — старух, жадных торговцев и тому подобных. Гораздо сложнее были маски демонов. У них были грозные зубы хищников, иногдадвигающиеся челюсти, в которых они держали труп маленького человечка. Носы походили на хоботы или клювы, у некоторых из подобных пещерам поздрей выползали кобры. Кобры извивались вокруг глаз, образовывали орнаменты на ушах и целые короны над лбом. Некоторые маски были украшены диадемами из золотых шипов, у короля над совершенно реалистическим лицом высилась фантастическая тиара высотой в восемьдесят сантиметров. В такой, конечно, не потанцуешь, но королям иногда достаточно смотреть, как по их приказу танцуют другие.

Глаза у меня были, вероятно, вытаращены не меньше, чем у этих ужасающе красивых демонов, когда я наконец собрался с духом и спросил их владельца, нельзя ли их, случайно, купить?

Нельзя. Какой-то американский музей уже предлагал за них много тысяч... Но сфотографировать их мне разрешили бесплатно.

Танец, который мы видели, исполняли два демона. Босые, с обернутыми в яркие ткани икрами, в коротких юбках, с развевающимися шальями из лыковых волокон вокруг шей. Но все детали одежды меркли перед своеобразным очарованием масок. Маски были большие и тяжелые, состояли из трех частей: по обе стороны лица были прикреплены украшения для ушей — резные змеи. Лица тоже кишели змеями, деревянные глаза, обрамленные жуткими венками из змей, торчали как на столбиках.

Вся маска прикреплялась к голове танцора плотной повязкой, в жару танцорам было под нею вдвойне жарко. В остальных масках, которыми пользовались для комических интермедий, под нарисованными глазами были отверстия, так что актер мог свободно смотреть по сторонам. У демонов я таких отверстий не обнаружил. Если танцор хотел что-нибудь увидеть, то должен был повернуть голову назад или искоса посматривать сквозь открытую пасть, что выглядело довольно нелепо и придавало ему вид кретина. Не должна ли была эта частичная слепота способствовать трансу, являвшемуся, вероятно, конечной целью всего обряда?

Танцевали под открытым ночным небом, в нескольких метрах от моря, но и здесь барабанный бой был слишком громким и диким. Да и прыжки танцоров были немногим сдержаннее. Порывистые, словно бессознательные, они производили впечатление импровизированных. Не будь перед нами двух таких демонов, выполнявших, не видя друг друга, все движения почти синхронно, трудно было бы поверить, что это тщательно разученный танец.

Маленькие дети иногда делают открытие, что, вертя головой или быстро кружась на месте, можно вызвать головокружение, почти обморок. Цейлонские танцоры делают это профессионально. Причем на головах у них тяжелые маски, что усиливает воздействие вращения. Прибавьте к этому слепоту, тяжелую повязку... Изнурительное вращение головы на немеющей шее начинает действовать и на зрителя — он тоже порой впадает в транс.

Если вы не верите, что человек, глядящий со стороны, может впасть в состояние невменяемости.

вспомните о наших болельщиках на состязаниях по футболу или боксу. Кстати, раз мы заговорили о боксе, могу вам сказать, что у цейлонских демонов было даже какое-то подобие судьи. Он сидел в простой белой юбочке подле барабанщиков, время от времени осторожненько проскальзывал между танцорами, вслепую вертевшими головами, и легонько расталкивал их, чтобы они не разбили друг другу головы.

А демоны словно не замечали друг друга. Бесчувственность танцующих фанатиков по отношению к оружающему миру, их невосприимчивость к боли, говорят, чрезвычайно велика. Мне рассказывали случаи, когда их жгли, водили по раскаленным углям, вонзали в их спины крюки, на которых подвешивали большой груз. Сам я при этом не присутствовал, да и не стремился к этому. Но почему бы это было невозможно? Люди порой идут на то, чтобы их калечили во имя любой нелепости, надо только их чуточку одурманить. На Цейлоне так же, как повсюду.

ЛЮДИ В ДЖУНГЛЯХ

Моим товарищам так и не удалось увидеть то, о чем они особенно мечтали, — джунгли. Густые, непроходимые, тропические, подлинные джунгли. Их любопытство становилось прямо-таки лихорадочным. Попадём мы наконец в джунгли? Шоферы отвечали: «Конечно, обязательно поедем туда». Знакомые указывали нам на белые места на карте северного Цейлона: не огорчайтесь, вот там досыта насладитесь джунглями.

И все-таки мы туда не попали. Сам не знаю, как это получилось, но джунгли мы пропустили.

В романе Стендаля есть эпизод, когда юноша Фабрицио ищет наполеоновскую битву и не может ее найти, хотя проезжает по самому полю боя. Что с ним произошло? Он был слеп? Нет. Просто приехал со слишком разгоряченным воображением, полным заранее составленных картин, и в сумятице действительных событий не нашел ничего похожего на них.

Картины ведь бывают разные. Для художника, как и для всех людей, картина это не простая, а организованная действительность. Картина может отображать деталь или целое, типичное или случайное, она может быть искусно скомпанованной или небрежно сфотографированной действительностью, но как только создается картина, изображенные предметы обретают стабильность, внутреннюю стройность, становятся взаимозависимыми.

Этого не скажешь о действительности. Здесь возможны не одна, а тысячи точек зрения. Действительность — сырье. Она не укладывается в строгие рамки, за деревьями мы в ней часто не видим леса. Что в ней главное, что второстепенное? Что главное сейчас и что покажется нам самым важным спустя годы, когда мы будем об этом вспоминать? В картинах битвы, подчерпнутых Фабрицио из иллюстрированных книг, ему рисовались полководцы, стоящие на вершине холма, кони, вздымающиеся на дыбы, всадники, простирающие вперед руку, подымая воинов в атаку. Сомкнутые батальоны маршируют, над лафетами орудий подымаются круглые облачка дыма, убитые и раненые с героически забинтованными головами лежат живописными группами... Увы, реальный хаос в Ватерлоо выглядел совершенно иначе. Его нельзя было охватить взглядом, и для непосвященного зрителя он был почти скучен.

Как мы представляем себе джунгли? В картинки, висевшие в школе, стремились втиснуть как можно больше. Гигантские папоротники, лианы, филодендроны, стволы деревьев, почти невидимых за огненным покровом орхидей. И, конечно, играющие всеми цветами радуги птицы, обилие зверей в самых драматических позах...

Так вот, всего этого мы на Цейлоне не видели. Мы часто забываем, что не все джунгли в мире одинаковы. Они различны в зависимости от почвы, температуры, влажности. На северном Цейлоне растительности довольно мало, шоссе вьется между группами невысоких деревьев, кое-где вы видите только траву, кусты, иногда болото, одинокое маленькое озеро. Все это нельзя назвать некрасивым, но глаза чехов тщетно искали хоть какое-нибудь импозантное воплощение тропического изобилия.

Если бы там были хоть ящеры. Крокодилы? Их тут полным-полно, улыбался шофер Фернандо, делая широкий жест.

Возникло соревнование: левая сторона автобуса против правой — кто их увидит больше. Криком приветствовали каждую маленькую ящерицу, даже крохотных хамелеонов. К концу дня результат был 6:2 в пользу левой стороны.

Иногда мы по пути видели слонов, работавших на шоссе, и Фернандо рассказывал нам истории о том, как эти умные, терпеливые животные могут неожиданно рассвирепеть. Недавно на Цейлон приезжала группа советских артистов. Их радостные возгласы, непрерывное щелканье фотоаппаратов и вспышки света так разозлили серого великана, что он набросился на автобус путешественников и смял кузов.

Мы были очень разочарованы тем, что не пережили подобного приключения¹. Единственное, что товарищи восприняли как признак настоящих джунглей, представлявшихся им в мечтах, были — наряду с жарой — встречи со стаями обезьян. Мы не только наблюдали диких обезьян, бросавшихся наутек вдоль шоссе или в сторону от него, в степь, но и оценили наполовину ручных, живущих в кронах священных деревьев подле индуистских часовен.

У местной породы обезьян короткие руки и длинные ноги. Передвигаясь на четвереньках, они подымали высоко зад, а над ним высился большой хвост, похожий на токоприемник троллейбусов.

Подле двух храмов мы видели, кроме обезьян, полуобнаженных людей с разрисованными лбами, они поддерживали коптящий огонек перед статуями богов. Наш шофер расколол о маленький алтарь кокосовый орех — сок принес в жертву, а белую мякоть подобрал и съел.

¹ Когда настоящая глава с довольно легкомысленным упоминанием о выкинутом слонем номере была уже написана, радио сообщило о действительном несчастье. В Канди во время процессии Зуба, о которой мы упоминали в соответствующей главе, слон наступил на брошенный кем-то факел, рассвирепел и ворвался в густую толпу зевак. Он убил больше двадцати человек, многих тяжело ранил, и свыше полутора тысяч пострадало из-за возникшей паники. — *Прим. автора.*

ДЖУНГЛИ В ЛЮДЯХ

Отцеубийц в истории много, но вряд ли кто-нибудь из них выбрал более эффектное место действия, чем Касьяпа, король цейлонский. Просто жаль, что никто не использовал его судьбу как сюжет для оперы, драмы или фильма. Посудите сами.

В пятом столетии знаменитая столица сингалов Анурадхапура была занята тамилами. Сопротивление оккупантам возглавил Датусена, бывший монах якобы королевского происхождения. Датусена изгнал пришельцев. В качестве нового властелина он вел себя по-разному, то хорошо, то плохо, летопись повествует и о том и о другом. Много жертвовал на молебны, воздвигал храмы, и потому священники хвалили его. Построил замечательную плотину для своих подданных и при ее строительстве совершил своеобразное преступление. Легенда гласит, что плотина должна была проходить по тому месту, где стояла убогая хижина мудреца, настолько погруженного в свои размышления, что с ним невозможно было договориться. В приступе бешенства король Датусена приказал каменщикам не прерывать работу и замуровать мудреца заживо там, где он сидел.

Известны и другие проявления злобы короля. У него были сыновья от двух жен: старший Касьяпа от жены низкого происхождения и младший Моггаллана от благородной жены. Кроме того, у него была дочь, которую он выдал замуж за своего племянника, начальника королевских войск. Когда дочь пожаловалась ему на то, что с нею плохо обращаются в доме мужа, король велел ее свекровь, свою собственную сестру, сжечь на костре.

Это привело к не менее страшным последствиям. Племянник, чтобы отомстить за смерть матери, объединился с принцем Касьяпой и с помощью своих войск произвел дворцовый переворот. Короля бросили в темницу, власть захватил Касьяпа, а его младший брат Моггаллана, чудом избежавший смерти, бежал с острова.

В первую очередь Касьяпа заинтересовался королевской сокровищницей. Выяснив, что она пуста, он пробовал пытками заставить отца открыть, где спрятано

золото. Старый король, поняв, что его гибель неминуема, пожелал в последний раз посмотреть на величайшее дело своей жизни — плотину — и попрощаться со своим другом, летописцем, жившим неподалеку от нее. За это король пообещал сыну открыть, где находится сокровища. Его повезли к озеру на отвратительной повозке со сломанными колесами. Если бы возница не поделился с ним рисом, знаменитый король-освободитель страдал бы от голода.

Приехав на место, он посмотрел на плотину, побеседовал с другом и затем заявил, что они — его единственное сокровище, а где зарыто золото, он не знает. Обманутый сын рассвирепел, приказал связать отца, раздеть его догола и заживо замуровать. Так круг повествования летописца замыкается у той же плотины, где было совершено первое злодеяние — убийство бедного мудреца. И сама по себе напрашивается мораль: даже всесильный король не может безнаказанно убивать простых, справедливых людей.

Такова первая часть трагедии. Вторая ее половина начинается попытками отцеубийцы скрыть воспоминания о совершенных злодеяниях под позолотой хороших поступков. Он без конца строит плотины, храмы, монастыри, но не может избавиться от ощущения, что люди брезгают им. Шпионы приносят из южной Индии плохие вести: младший брат Моггаллана собирает там войско, чтобы отомстить за отца и захватить Цейлон. В этом кроется горькая ирония: Датусена будет отмищен руками тамилон, извечных врагов, которых он сам изгнал с острова.

Как бы там ни было, нервы Касьяпы не выдерживают напряженного ожидания нападения. Среди роскоши своей столицы он чувствует себя вечно преследуемым. Ему чудятся покушения на его жизнь, он всех боится. Он бежит из Анурадхапуры и делает своей резиденцией фантастическую крепость в джунглях. Это огромная уединенная горная скала с колоннообразными, почти отвесными склонами, лишь в нескольких местах можно взобраться на нее при помощи лестниц.

Внизу скалу обнесли стенами, пещеры на ее склонах соединили с системой выдолбленных галерей и лестниц, наверху воздвигли дворец. Вид оттуда откры-

вается потрясающий, но мрачному человеку он кажется только мрачным. Куда ни кинь взгляд, везде однообразная зелень деревьев и кустов.

Сигирия, Львиная скала с могучими, высеченными из камня львиными лапами по обе стороны главной лестницы, неприступна. Там свил свое гнездо король, чтобы переждать нападение Моггалланы.

Хорошо ли избрал позицию Касьяпа? Сингалы не любили его, но еще больше ненавидели они их общего врага — тамилы. В этой крепости, окруженной стенами и войском, Касьяпа мог бы обороняться годами.

И вот Моггаллана подступил к стенам крепости. Легенда гласит, что он так громко выкрикивал ругательства и оскорбления, что брат их отлично слышал наверху. Выходи, жалкий трус, сукин сын, отцеубийца...

Касьяпа некоторое время крепился, но до конца не выдержал. Сел на боевого слона и бросился на поле боя, в атаку против брата.

Моггаллана быстро отступил. Король, ослепленный яростью, преследовал неприятеля до болота, которое Моггаллана ловким маневром обошел. Касьяпа не заметил ловушки, во главе своих войск бросился вперед и, лишь когда ноги его слона стали вязнуть в болоте, хотел отступить. Воины, которые сочли колебание своего начальника плохим предзнаменованием, остановились. Моггаллана использовал это, напал на них из заранее подготовленной засады, и Касьяпа в пылу безнадежной битвы предпочел покончить жизнь самоубийством.

История королей, борьба за власть... Вы, конечно, понимаете, что ради этого мы не предприняли бы путешествия к мрачной столице цейлонского Макбета. Но на сигирийской скале наряду с величественными руинами стен, лестниц и бассейнов есть остатки пользующихся мировой известностью произведений искусства: роспись одной из древних галерей. Прежние путешественники, например профессор Пертольд, рассказывают о трудностях, которые им приходилось преодолевать при подъеме: о веревках и лестницах, о ярости горных пчел, которых там было видимо-неви-

димо. Нам было гораздо легче: через джунгли нас несли в автобусе, а к пещере с росписью вела железная винтовая лестница, заключенная в проволочную клетку.

Но даже если бы добираться к ним было гораздо труднее, фрески стоили затраченного труда. В противоположность истории скалы они вовсе не трагичны, в них нет и следа правительственных интриг, сражений, да и вообще нет мужчин. Это портреты женщин — красивых, обаятельных, украшенных драгоценностями, цветами в руках. Некоторые говорят, что это жены Касьяпы, женщины из его гарема со своими служанками, другие считают — и, вероятно, они правы, — что это небесные возлюбленные. Об этом свидетельствует туча, закрывающая их ноги до бедер. Но что бы ни задумал художник, судя по деталям одежды, драгоценностям и особенно по разнообразию лиц, он писал с живой натуры. То был замечательный художник. Он наносил свои картины на свежую штукатурку легко и быстро, по поправкам, которые он делал в процессе работы — они относились главным образом к положению рук, — мы видим, что он до последнего момента менял композицию. Очень высоко качество красок: охраняемые от тропических дождей только нависшей над ними скалой, эти картины продержались полторы тысячи лет. Краски мягкие, до сих пор живые, теплые.

Кожа этих дам золотистая, иногда оливковая, низко на боках начинается юбка, выпуклый живот обнажен, верхняя часть туловища и плечи прикрыты лифом, столь прозрачным, что он почти ничего не прикрывает. Грудь, контрастирующая с тонкой талией, тяжелая, круглая. Лица так же пленительны, как туловище: губы полные, носы ровные или с легкой горбинкой, глаза улыбающиеся и покорные.

Роскошные женщины. В этом отношении они не отличаются от множества знаменитых образов в истории живописи. Кажется, что они никогда не работали, что единственным смыслом их жизни было доставлять наслаждение другому полу, да и то в короткий период расцвета их физической красоты. Приятные мужчинам, но никогда не равноценные, не равноправные.

Между прочим, в социалистических странах наблюдается сейчас особенный кризис изображения обнаженной женской натуры. Не пробовал ли кто-нибудь из специалистов по эстетике при выяснении его причин стать на эту точку зрения?

СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД

Только один раз моя труппа едва не взбунтовалась. Во время долгого переезда по жарким джунглям, с работой позади и работой впереди, я упорно настаивал на том, чтобы осмотреть развалины, которые мы увидели у дороги.

Друзья, ведь это Анурадхапура, первая столица сингалов, один из знаменитейших городов древнего мира. В начале нашей эры он не уступал по величине Вавилону и Ниневии, говорят, что в нем был миллион жителей. Хотя для того времени, да и судя по тому, что сохранилось, это совершенно невероятно. По-видимому, у анурадхапурцев были легкие дома из дерева и глины, поэтому сейчас нельзя даже точно установить расположение жилых кварталов. Но там, где сейчас ничего нет, наверняка были сады, всюду журчала вода, наполнялись водоемы, функционировала сложная система орошения рисовых полей. И, конечно, не обходилось без представителя церкви или правительства. Вон там высится нечто кирпичное или каменное, и нам просто необходимо там побывать.

Шофер Фернандо тоже был против меня. Он, мол, принес обет никогда не вступать на землю, где растет «дерево Будды», *figus religiosa* — величайшая святыня буддистов. И действительно, когда я все-таки уговорил остальных совершить эту экскурсию, да к тому же еще при входе снять обувь, он остался у ворот. Оттик тоже заупрявился и остался с ним.

Священный фикус растет на возвышении, окруженном стеной и решетками. Монахи обернули его ствол желтым шелком, повсюду развеваются пестрые флажки, ежегодно к нему съезжаются тысячи паломников. Говорят, что это самое старое дерево в мире, во всяком случае у него самая древняя писаная история. На Цейлон оно прибыло одновременно с новой рели-

тей, которую распространял принц Магинда в третьем столетии до нашей эры. Вырастили его из отростка легендарного дерева, под которым на Будду произошло озарение. Индийский король Ашока, отец Магинды, послал его на Цейлон вместе с другими драгоценными реликвиями.

Что бы вы сделали, если бы получили, например, волосок великого святого и хотели должным образом сохранить этот дар? К маленькому ключу привязывают дощечку или что-нибудь побольше, чтобы он не потерялся. Цейлонские короли решили придавить волосок огромным прессом, чтобы его не сдул ветер и дабы уже издали было видно, что там лежит нечто ценное. Таким хранилищем священных реликвий является особое здание — дагоба, тяжелый пузырь на ступенчатом постаменте со сложным шпилем наверху (это несколько напоминает женскую грудь). Замурованная внутри крохотная реликвия, во много раз увеличенная тяжелым зданием, должна словно через увеличительное стекло излучать живительную силу.

Дагоб в Анурадхапуре несколько, но четыре из них гордятся размерами, не уступающими египетским пирамидам. На могучем постаменте покоится пузырь стометрового диаметра, а на нем высится господствующий над всей местностью стометровый шпиль. Шестьсот тысяч кубометров обожженных кирпичей пошло на это здание — количество, достаточное для солидного современного поселка. Кто-то подсчитал, что на кладку этих кирпичей пятистам каменщикам понадобилось бы четырнадцать лет.

От дагоб остались только руины. Их обломанные вершины высились над джунглями, совершенно закрывшими искусственную гору. Разрушение началось давно, раньше восьмого века, когда цейлонские короли навсегда покинули Анурадхапuru и построили себе на юго-западе новую столицу — Полоннаруву. Им и раньше случалось бежать от нападений тамиллов, которые каждый раз разрушали хранилища реликвий. Делалось это как из фанатической ненависти к реликвиям чужой религии, так и из фанатической любви к их золотым и серебряным оболочкам.

Но одну большую дагобу мы смогли исходить — в чулках, конечно — вдоль и поперек, она была как

новенькая. Восстановительные работы здесь начали уже много лет назад монахи: они продавали кирпичи поштучно паломникам, и те, подымаясь на леса, допояняли кладку. У английского автора я прочел злобную клевету, будто торговля строительным материалом оказалась для монахов настолько выгодной, что они время от времени по ночам сами взбирались на леса и разбирали часть стен, чтобы постройка не по двигалась слишком быстро.

Сейчас она закончена. Белизна дагобы ослепительна. И к огорчению всех эстетов и ученых-археологов, дагоба является действующим храмом. Монахи провели реконструкцию по-своему и слишком основательно. Ряды двух с половиной метровых слонов, окружавшие цоколь, считались когда-то прекрасным образцом скульптуры, ни одно из этих четырехсот животных не походило полностью на другое, и бивни у них были настоящие. Сейчас все это тщательно отремонтировано, отверстия, оставшиеся от разворованных бивней, заполнены безукоризненными цементными пломбами, и все слоны выкрашены на один лад. Над монументальными статуями стоящего Будды — лучшими произведениями, когда-либо созданными цейлонскими художниками, — устроены охраняющие их навесы, торсы дополнены и сплошь покрыты драгоценностями. Но, несмотря на это, монументальность сохранилась.

Почти нетронутыми остались руины Медного дворца. В них тоже есть что-то невероятное. История повествует, что когда-то здесь стоял девятиэтажный монастырь, весь облицованный металлическими пластинками. От него осталась лишь тысяча шестьсот трехметровых гранитных колонн, по-видимому, служивших опорой для второго этажа. Сейчас это сорок рядов по сорока наклонившихся в разные стороны колонн в каждом. Трудно себе представить, как мог на них держаться небоскреб, в котором жили три тысячи монахов.

От остальных дворцов сохранилось еще меньше, иной раз всего несколько ступенек у портала, какие-то тумбы по обе его стороны с рельефами магических стражей да уходящий под лестницу каменный полукруг с изображениями животных. Скульптурные

работы выполнены замечательно, и рельеф с изображением одного из здешних каменных стражей — гордость Цейлона — можно увидеть на современных цейлонских банкнотах.

В полном великолепии сохранились лишь королевские бани. Мы видели двойной бассейн, сложенный из идеально ровных плит. Он был построен одновременно с банями древнего Рима и смело может соперничать с ними. В его зеленоватой воде резвятся стаи черепашек.

Давно миновал полдень, голод, жара и усталость росли, мои спутники заявили, что не сделают больше ни шагу. Открыв путеводитель и показывая репродукцию рельефа, известного под названием «Влюбленные», я кланчил, чтобы мы осмотрели еще одни развалины. Они согласились стиснув зубы. И мы поехали в монастырь Исурумунья, где все было совершенно сказочным: храм в скалах, пещеры и перед ними цветы, маленький бассейн, наскальные рельефы, причем не только «Влюбленные»... Я бегал вокруг всего этого, фотографировал, а остальные смотрели настолько холодно, насколько это возможно в после-полуденную жару.

После этого я капитулировал, и мы отправились обедать. Только Оттика я отозвал в автобусе в сторону и сказал ему все, что думаю о его поведении. Я все понимаю, мы измучены, нам предстоит дальнейший путь сегодня и два спектакля завтра, но как ты, член культурной делегации, мог всюду оставаться за воротами, как мог, только из упрямства не желая снять ботинки, ничего не увидеть...

— Из упрямства? — грустно возразил Оттик и нагнулся. Он снял левый ботинок: из разорванного носка выглядывал целиком большой палец. — Вечером, когда доберусь до своего чемодана и натяну целые носки, я буду с удовольствием гоняться за культурой. Но скажи, мог я подать всем этим монахам в Анурадхачуре повод для злословия о нашей родине?

ОСТРОВ НА ОСТРОВЕ

В конце длинного пути через джунгли нас ожидала последняя наша остановка на Цейлоне — Джафна. Путь туда идет по узкой, заросшей зеленью полосе суши, проходящей посреди водной глади, порой по искусственной насыпи, сделанной прямо в море. В одном месте есть даже таможня.

Уже самая дорога к городу подтвердила то, что мы раньше слышали о Джафне: это, собственно, островок на острове, маленькое государство в государстве.

Когда-то Джафна была королевством воинственных тамиллов, и до сих пор здесь встречаются их потомки, мечтающие отторгнуть ее от Цейлона и присоединить к южной Индии, от которой Джафну отделяет только широкая полоса воды.

В Индии тоже живут тамилы, их более близкие родственники, чем непосредственные соседи на Цейлоне, сингалы. У тамиллов свой язык, своя письменность, своя религия. Живут они не только в Джафне и не всегда являлись сюда как завоеватели. Когда-то их вербовали как хороших сезонных рабочих на чайные и каучуковые плантации; они здесь остались и теперь требуют равноправия.

Возникающие из-за этого осложнения влияют на внутреннее равновесие в стране и нарушают добрососедские отношения с Индией. В торжественных речах, которые произносили на приемах в Джафне, особенно подчеркивалось, что нас приветствуют как представителей государства чехов и словаков. Говорили о проблемах, возникающих в государствах, населенных двумя народами, и о социализме, помогающем нам в Чехословакии найти правильное решение этих проблем. Здесь много знали о нас, и скромное выступление кукольного театра приобретало совершенно особое значение.

Приехали мы после захода солнца, но пошли еще прогуляться вдоль городских стен. Луна была подернута дымкой, на земле темноту прорезали огоньки светлячков. На горизонте медленно двигался силуэт

высоко нагруженной повозки. Не видно было ни ее лошади, ни волов, слышался лишь скрип колес.

Утром все преобразилось. В нескольких шагах лениво колыхалось море, глаза болели от яркого света, зной был невыносимый. На берегу лежали три перевернутые на спину черепахи весом по центнеру каждая. Мясники приторговывали их у рыбаков. Люди стояли вокруг добычи, спорили, размахивали руками, то притрагиваясь носком ботинка к панцирю черепахи, то ставя на него ногу. Рыбаки делали это любовно, мясники — пренебрежительно.

Головы черепах были беспомощно откинуты назад. Даже приговоренный к смерти человек не выглядел бы более жалостно. В таком положении он кричал бы, проклинал, может быть молился бы. Но черепахи безгласны, тяжелы, беззащитны, а если они и ударяют себя лапой по белому панцирю на брюхе, то никто этого не замечает. Напряженная шея не может приподнять голову, горло трепещет, глотает воздух, взгляд как бы просит смерти. Кончайте, режьте наконец...

Солнце поднимается, жара усиливается, а люди, не снимающие ног с панцирей черепах, не могут договориться.

Справа от моря находится старинное кладбище. Воинственные португальцы хоронили здесь, у стен крепости, своих мертвецов. Потом на Цейлон пришли голландцы. Монополия на корицу сулила такие доходы, что даже эти расчетливые люди готовы были сражаться за нее с оружием в руках. Они осадили крепость, а когда у них кончились ядра, заряжали мортиры обломками надгробий с могил мертвых португальцев, чтобы обстреливать ими живых.

Крепость и монополию они в конце концов захватили и прекрасно реорганизовали то и другое. Вплоть до появления еще более упорного торгового конкурента — Англии — Джафна была главным опорным пунктом голландцев на Цейлоне. Британцы осады не вели, они применили вместо мортир дипломатию и стреляли вместо надгробных камней маленькими кулочками золота. Взятки оказали свое действие, и крепость в Джафне они получили неповрежденной.

Крепость эта могуча и даже при солнечном освещении мрачная и строгая. Камень темный, окружающие крепость рвы наводнены водой, словно с 1680 года — даты, выбитой над воротами, — ничего не изменилось.

Стоящие перед стенами деревянные бараки, в которых живут цейлонские солдаты, обозначены буквами и окружены колючей проволокой, как в концлагере. Площадь посреди крепости не так велика, как в Терезине¹, но вполне импозантна. На ней высится голый, неуютный протестантский храм с крестовым фундаментом, построенный в 1708 году. Алтарь не сохранился, остались лишь кафедра и хоры. Над ними кто-то щебечет... Что это за птицы?

— Вавал, — смеясь, объясняют солдаты. Оказывается, здесь гнездятся тысячи нетопырей.

Пол вымощен голландскими надгробными камнями, более поздние — английские — использованы для стен. Умирали здесь и дети («Младенец двадцати дней от роду»), и высокие сановники («Капитан, тридцати девяти лет»). Эти люди заехали так далеко от Европы, чтобы тут найти смерть, для этого они пробирались вокруг всей Африки, влачили здесь существование без телеграфа, без свежих новостей, затерянные в жарких странах, измученные лихорадкой, опираясь лишь на грубую силу, лишь на страх... Каково было им умирать?

Покуда жилось, жили сурово. Церковь, направо от нее лестница, ведущая к цитадели, где стоит массивная виселица. Ее не сбили из бревен, как обычно делают, она гораздо солиднее — голландцы все делали солидно. Четыре кирпичных столба, над ними навес, а меж ними бревно для петли. Виселица была видна издалика, со всех концов Джафны.

Джафна видела португальцев, голландцев и англичан. Этот шумный город показался нам более веселым, чем остальные. Театр был переполнен девочками с косичками и точкой на лбу, в белоснежных блузках, рубашки мальчиков тоже сверкали чистотой. А во

¹ Концлагерь на территории Чехословакии в период гитлеровской оккупации. — *Прим. перев.*

время вечернего представления родители веселились так же искренне, как их дети.

Среди дня мы видели перед индуистским храмом танцоров. Лбы их были выкрашены желтой краской, у одного над головой было что-то вроде балдахина из наваших перьев и блестящих украшений. Все они ждали сфотографироваться. Вообще на Цейлоне подавалось такое впечатление, что люди обидятся, если их не беспокоить фотографированием. Они охотно становились перед объективом и улыбались, показывая все наличные зубы.

И мы здесь повеселели. Нам удалось вырвать минутку для купания, и нас отвезли на прекрасный пляж. Рассказывали, что кто-то переплыл оттуда многокилометровую полосу, отделяющую пляж от Индии. Мы это делать не пытались, у нас было слишком мало времени.

Мы предпочли осматривать берег, изобилующий кораллами и раковинами. Чуть подальше начиналась роща пальм «пальмира», из плодов которой делают... угадайте, что?

Вы, вероятно, думаете, что «арак» — слово, существующее только в кроссвордах. Четыре буквы по горизонтали или по вертикали, цейлонский спиртной напиток. А между тем арак изготавливают именно из плодов этой пальмы. Это водка, получаемая в результате брожения пальмовых орехов.

Нам пришлось все попробовать: и сладковатый полуфабрикат, называемый тодди, и готовую водку. Причем повсюду пили из больших стаканов. За дружную совместную жизнь двух народов в Чехословакии, за дружную совместную жизнь сингалов и тамиллов на Цейлоне!

КОЛОМБО — МАДРАС — СИНГАПУР

Ява уже ждет нас, а мы все еще разъезжаем по Цейлону. Надо торопиться в Коломбо, чтобы успеть упаковаться и дать последнее прощальное представление для наших верных спутников!

Такой сцены у нас еще не было: в пустом железобетонном монтажном цехе шоферы вплотную сдви-

нули четыре тяжелых грузовика, домкратами приподняли шасси, чтобы они не пружинили, и из кузовов образовались прекрасные подмости для наших кукол. Полторы тысячи рабочих с женами и детьми, сидевшие на разостланных на земле циновках или стоя вдоль стен цеха, смотрели представление. Это была дань нашей благодарности цейлонскому национализированному транспорту за все оказанные нам благодеяния. Публика аплодировала не только актерам, но и шоферу Фернандо и его четырем помощникам, которые раскланивались вместе с нами.

«Берегитесь карманных воров и ясновидцев!» — заметили мы где-то в Коломбо предостерегающую надпись, словно дерзкие пальцы одинаково угрожали тут содержимому карманов и голов.

Мы снова очутились в сутолоке большого города, сделали последние покупки в торговом районе белых, носящем название Форт, и в более дешевых туземных лавках района Петтах. Мы покупали фотопленки, открытки, подарки для знакомых, а кое-кто бегал в поисках лекарств от насморка, мучившего нас здесь, в тропиках!

Мы пользовались аспирином и комфортом посольского квартала, наслаждались уходом баловавших нас милых соотечественниц. Потом наступил последний день, вечеринка с танцами и прощание. Последний привет был, конечно, послан пристани.

Маяк, большие суда, якорная цепь, колышущиеся в волнах отражения огней... В Ческе-Будеёвице жил когда-то мальчишка, который никогда не видел моря, но писал о нем стихи:

Да, я моряк!

Корвет наш гордый «Южный крест»:

12 тысяч тонн и путь — зюйд-вест!..

С тех пор перед его глазами уплыло много воды, морей было целое море. Моряком он не стал и стишки пишет редко, но старое очарование не исчезло. Оказало оно свое действие и сейчас, в Коломбо, где порт именно такой, о каких мечтают в Будеёвице.

Ах, постоять бы там вечером, вслушиваясь в та-
рактение моторных лодок, в которых экипажи кораб-
лей отправляются на берег кутнуть! Постоять там под
башней маяка, последить за его светом, за тем, как он
несколькими лучами сразу шарит по горизонту... Над
твоей головой вращается огромный зонтик, его ребра
отбрасывают простые и все же непостижимые огни
рефлекторов. Тому, что параллельные линии где-то
у горизонта сходятся, нас учили в школе. Но почему
эти потоки света, которые над нашей головой явно
расходятся в разные стороны, где-то в бесконечности
идут параллельно, учитель забыл нам объяснить. Ты
видишь их там, они пробегают по всем кораблям и
уходят за горизонт, за свод земного шара. Вдали они
вращаются бесшумно, с головокружительной быстро-
той, а над твоей головой — медленнее, тихо позва-
нивая раскаленными линзами. Два связанных и все-
таки таинственно самостоятельных мира — далекий и
близкий.

Справа, под стенами доков и складов, среди пены
прибоя что-то чернеет. Когда-то сложили там волно-
рез: лебедки опустили огромные цементные кубы, по-
хожие на беспорядочно брошенные черные коробки,
гробы и бункеры. Волны разбиваются о них; через
два страшных глаза посередине кубов — отверстия,
в которые продевались цепи лебедок, — подымается
белая пена, переваливает через их край и растекает-
ся... Белые слезы из черных глазниц.

Волны неравномерны, капризны, через каждые не-
сколько минут набегает большой, все перекрывающий
вал. И не хочется уходить, все ждешь еще одного,
следующего.

Суда на вид солидные, но темп их передвижения
нас не удовлетворяет. Мы летим вдоль западного по-
бережья Цейлона вверх, к Джафне, затем одним
прыжком оказываемся на восточном побережье Индии
и приземляемся в Мадрасе. Там нас совершенно не-
ожиданно встречают незнакомые люди с охалками
цветочных гирлянд. Выясняется, что наши бомбейские
друзья написали им, просили приветствовать здесь
от их имени. Когда нас увенчивали и фотографиро-

вали, к нам примазалась попутчица, толстая англичанка: ей тоже хочется заполнить цветы на шею. Не получив ничего, она обиженно обращается к нам:

— Собственно, кто вы такие? Я живу здесь уже пятнадцать лет, и этим черномазым ни разу не пришлось в голову преподнести мне букет.

Это было очень неприятно, и мы молча ушли. Может быть, все-таки следовало объяснить ей, что для этих «черномазых» не все белые одинаковы?

Нас просили дать хоть один спектакль, но мы не могли срывать наше расписание. Пришлось удовлетвориться поездкой по городу в автобусе. Город большой, по-тропически оживленный, в нем два миллиона жителей. Мы видели маленькие домики прачек, стоящих на коленях у реки с чем-то пестрым в руках, но видели и небоскребы. У витрин авиакомпании «Air India» мы на минутку остановились. В одном из окон была реклама: камин с горящими поленьями и над ним призыв: «Слетайте на святки в Европу». В другом окне светилась крупная, посыпанная искусственным снегом надпись: «Прага». На нее опиралась кукла в одежде, которая, по-видимому, должна была изображать наш национальный костюм; чепец был голландский, ленты венгерские, юбка финская... Но, право, не удивительно, что на таком расстоянии — из Индии — все это переплетается.

Мы застыли перед витриной, думали о Праге, где скоро будут без нас праздновать рождество, о снеге, которого в этом году не увидим. Нам было жарко.

В ту же ночь мы продолжали свой путь и, как нарочно, удалялись от Чехословакии, направляясь на юго-восток.

После особой главы, посвященной цейлонским шоферам, было бы несправедливо не упомянуть хотя бы бегло о наших небесных возничих. Машина была индийская, вел ее капитан с мягкими карими глазами, член религиозной секты сикхов. Это значит, что он никогда не брился, ходил с черной бородой, а узел своих никогда в жизни не стриженных волос прятал под тюрбаном. Несмотря на свою старинную восточную внешность, он вел мощный Super Constellation с та-

нии же профессиональным мастерством, как любой чисто выбритый западный пилот. Так что ошибаются те, кто, исходя из знаний, почерпнутых в фильмах, воображают, что для вождения трансокеанского самолета абсолютно необходимы квадратный подбородок и решительные серые глаза.

Ошибаются и те, кто думают, что все стюардессы похожи на стерильно улыбающихся голливудских манекенщиц. Обе индийские девушки, подававшие нам на этот раз над морем ужин, обладали тем, что корреспондент женского журнала назвал бы очаровательной склонностью к полноте. Лица у них были светло-коричневые, у одной пушок над верхней губой. К ужину, конечно, сервировались улыбки, но не серийные, не рекламные. Девушки улыбались как бы про себя — мудро, спокойно, так иногда улыбаются молодые матери. Они были приятны, естественны.

Их малайские коллеги, которым они нас передали следующим утром на сингапурском аэродроме, несколько больше напоминали Голливуд, но у них было свое актерское амплуа. Невероятно хрупкие, в элегантной форме, с кокетливыми шапочками на головах, они были как бы штампованы по шаблону экзотических вампиров. Тысяча и одна ночь, проведенная в кино, убедила нас в том, что такая улыбка означает преданность до гроба или шпионскую деятельность и кинжал в спину... Необходимо некоторое время, чтобы преодолеть укоренившийся после всех этих кино-сказок предрассудок и увидеть, что обладательницы этих личик с маленькими ртами и узкими глазами — интеллигентные трудящиеся женщины, которые, быть может, улыбаются не столько вам, сколько жизни вообще.

III. ЯВА

ВЫ КУДА-НИБУДЬ ТОРОПИТЕСЬ?

Чуть вправо и вниз от Сингапура находится экватор. Никаких острот на тему о том, как мы пересекли эту воображаемую линию, мое воображение мне не подсказывает, так как при этом, собственно, ничего не произошло. Мы тщетно надеялись, что стюардесса приклеит нептуновскую бороду и для обряда крещения использует — ввиду недостатка места в самолете — не соленую, а огненную воду. Но летают здесь изо дня в день, оплата производится по строго установленному тарифу, стюардессам не до того, да и где

им раздобыть деньги для церемонии, связанной со старыми романтическими обычаями мореплавателей?

И все-таки пилот удовлетворил нашу просьбу и показал нам экватор. Самолет вдруг подскочил, словно шасси наткнулось на порог, и хриплый голос в громкоговорителе со смехом произнес: «That's all». И действительно, это было все.

Более находчивый журналист вышел бы из положения, красочно описав южное море и острова под нами. В конце концов Суматра не какой-нибудь островок на Ватаве. Но на этот раз нам было не до того, чтобы рассматривать мелькавшие под нами острова. Не знаю уж почему, от усталости, недосыпания или из-за проклятого цейлонского насморка, но у всех нас болела голова и трещало в ушах. И такими подавленными мы приземлились на красивейшем острове мира — Яве. К тому же при южной жаре, в качестве официальных гостей, то есть приветствуемые молодежью в национальных костюмах с охалками цветов и речью главы города.

Задумывались вы когда-нибудь над тем, каким героизмом должен обладать глава государства, который после длительного полета бодро выходит из самолета, улыбается фотографам, подходит к микрофону и отвечает на приветствия с таким достоинством, чтобы его ответ могли опубликовать все газеты? Поверьте мне, это нешуточное дело. Мы были совсем незначительной делегацией, от нас до смешного мало зависело, и все-таки наши обязанности порой превышали наши силы. На этот раз, как на зло, забастовали мои уши: спускаюсь по ступенькам из самолета и впервые в жизни чувствую, что я глух как пень. Внизу сверкали вспышки блицев, мне что-то говорили, затем сунули в руки микрофон, чтобы я ответил на то, чего не слышал. О том, что я действительно говорил и что именно сказал, я узнал лишь на следующий день из газет.

Джакарта, по-видимому, подготовилась к торжественной встрече, и мы, улыбаясь, говорили: «Ну, разумеется, Ява, традиционная страна кукольного театра, здесь встреча должна быть необычайной».

Но оказалось, что город принял столь торжественный вид в ожидании более славного гостя, чем мы. Вскоре после нас должен был прибыть индийский президент Раджендра Прасад. Поэтому все отели были заняты сановниками, общественными деятелями и писателями, а мы ехали, ехали и ехали бесконечное количество километров, пока добрались до студенческого общежития Школы графики. Устроили настан временно, что было бы не так уж плохо, если бы не огромное расстояние от театра.

Джакарта велика, гораздо больше, чем вы себе представляете. Она равна трем Прагам, причем не только по количеству жителей. В европейском городе с многоэтажными домами, где используется каждый клочок земли, миллион жителей может разместиться на относительно небольшой площади. В Джакарте их несколько миллионов, и, хотя в среднем каждая квартира гораздо скромнее пражской, большинство людей живут в низеньких одноэтажных домиках, и пространство вокруг них тоже никогда не сэкономили.

В связи с большими расстояниями возникает проблема транспорта. И она решается совершенно не так, как мы привыкли, если вообще решается. Чтобы обойтись на перекрестках без светофоров и милиции, улицы не пересекаются под прямым углом, а плавными кривыми вливаются одна в другую. Это значительно усложняет планировку перекрестков и площадей, образуется большое количество проездов и выездов, необходимо множество указателей, чтобы шофер ориентировался в этом лабиринте. Правда, у него создается приятное ощущение, что он беспрерывно едет, не останавливается из-за красного света на светофоре, но это лишь оптический обман: он не останавливается, но едет страшно медленно и все время петляет. В часы пик, когда тысячи служащих покидают центр и торопятся домой, в предместья, о быстром передвижении вообще не может быть речи.

Почему, собственно, торопились мы? Потому ли, что для Явы у нас осталось всего пятнадцать дней и мы хотели все увидеть и выполнить все намеченное? Или торопливость — наша злосчастная особенность, которая дома, в обстановке общей спешки, выглядит более или менее нормально, тогда как здесь, в усло-

вид тропиков, производит впечатление одержимости, одержимости?

В районе Кебажоран, где мы поселились, множество красивых многоквартирных домиков, по-видимому здесь живут состоятельные люди, средний доход которых приблизительно равен доходу жителя Праги. Дома с балконами и террасками — в этом, казалось бы, нет ничего особенного, есть они и у нас, — но в Джакарте люди на террасах действительно сидят. Представляете себе? Вечер, лампы горят всю (расход электроэнергии здесь не учитывается счетчиками, платят за нее огулом, люди пользуются сильнейшими лампами и часто не выключают их даже ночью...). Итак, лампы горят, в креслах под цветными абажурами люди сидят, вытянув ноги, сложив руки на животе, и вертят большими пальцами. Одни читают, другие болтают, мать чистит ребенку апельсин. Спокойно течет жизнь теплыми вечерами, а здесь все вечера теплые; она вся на виду при открытых окнах и под яркой лампой над семейным столом.

Вдруг тебя охватывает зависть. И страшная тоска по дому. Здесь, на Яве, вдруг вспоминаешь, что у тебя тоже перед домом премиленькая терраска с лампой под потолком, но ты еще никогда, слышишь, никогда не посиживал вот так при ее ласковом свете, не знаешь даже, ласковый ли он. И вообще, работает ли там выключатель? Нет, говоришь ты себе, вот приеду домой, расположусь на этой терраске, приведу лампу в порядок, куплю кресло и, честное слово, буду каждый вечер сидеть там, вытянув ноги, и вертеть пальцами. Хотя бы час в день или полчаса... Железной дисциплиной заставляю себя наслаждаться таким покоем.

Перенестись через некий отрезок времени и рассказать вам, что я делаю сегодня вечером, вернувшись домой, при действительно хорошей погоде? Сажу за закрытым окном, чтобы не слышать стука лопаты в соседнем садике, и обрабатываю дневник с записью о спокойных людях на Яве. А что делает мой сосед, который не пишет книг и после своей более серьезной работы имеет больше права посиживать на терраске? До сих пор, уже почти в темноте, сажает деревья!.. Ну, нормальные ли мы?

На Яве не торопятся. Небольшие недоразумения между нами и нашими хозяевами возникали именно потому, что мы торопились, а они считали, что торопиться некуда. Мы хотели, чтобы все происходило сейчас же, немедленно, точно, надежно, тютелька и тютельку. Ведь у нас есть обязанности, ответственность перед людьми, которые нас послали, перед страной, пригласившей нас... Да поймите же, друзья... Но друзья улыбались, пожимали нам руки, успокаивали: не бойтесь, все будет в порядке, устроим...

Они все устроили. Не тотчас же, не так, как мы предполагали, но в конце концов все устроилось не так уж плохо. Вот видите, а вы волновались... не кажется ли вам, что вы, европейцы, немного смахиваете на упрямых детей?

Небольшое примечание по поводу кресел: может быть, мы непоседливы потому, что у нас нет таких удобных кресел, как на Яве? Продавцы этих кресел стоят в Джакарте на перекрестках и предлагают их проезжающим автомобилистам, подавая прямо в окна машин. Форма этих кресел ультрамодная, напоминающая раковину, сиденье и спинка обрамлены одним кругом. У нас тоже умеют их делать, спросите архитекторов, но у нас нет такого замечательного материала — особого тростника, называемого по-научному *calamus rotang*. Что, если бы мы ввозили его в обмен, скажем, на контрольные часы или будильники, которых не хватает яванцам?

ДЖАКАРТА РАСТЕТ

Строительные леса — символ новой Азии. Я видел повсюду, в Корее и в Китае, а теперь вижу в Индонезии эту казавшуюся анахронизмом путаницу бамбуковых шестов вокруг современнейших зданий. Как может внутри этого ошетилившегося хаоса вырасти нечто гладкое и точное? Ведь это похоже на переплетение самых разнокалиберных и часто неровных жердей. В этом нет ни кусочка железа, ни винтика, ни болта, ни скобы; лишь местные конопляные веревки

связывают концы и суставы конструкции. Так, вероятно, строили во времена древних мандаринов, но в эпоху спутников?!

Затем вам кто-нибудь начинает доказывать, что вы ничего не понимаете. Трубы современных строительных лесов надо было бы импортировать или изготавливать на месте, затрачивая много труда, а бамбук растет сам, его сколько угодно. Его стебли крепки, легки и гибки. Почему их соединяют без скоб? Но это как раз хорошо: экономят металл и не повреждают шесты. Их можно вместе с веревками использовать много раз. А главное, здешние строители умеют прекрасно обращаться с этим материалом и доверяют ему. Хороши ли эти леса? Вам приходится согласиться, что важно лишь, как при этом подвигается стройка. Ведь она — сладкое ядро, а леса лишь скорлупа, которую все равно устраняют. И чем раньше, тем лучше. Будете вы оценивать ядро в зависимости от того, колючая или гладкая была у него скорлупа?

Азия изо всех сил догоняет нас. Создает то же, но другими методами. И только безумец будет неодобрительно покачивать головой, глядя на огромное количество этих, казалось бы, устаревших лесов.

Джакарта как бы родилась из воды, но по мере роста удаляется от нее. Первоначально это были гавань и крепость на берегу моря. Но страх белых людей перед малярией и жарой гнал их дальше, в глубь страны. Сейчас от города до пристани много километров.

Первые голландские колонисты строили сентиментально, а следовательно, нерационально. Они хотели, чтобы на Яве было все, как у них на родине. Поэтому они в первую очередь проложили транспортные каналы и вдоль них строили один подле другого свои высокие, узкие буржуазные домики.

Результат был плачевный. Старая Батавия, как тогда этот город назывался, стала лишь очагом эпидемий. Белым пришлось скоро перенести ее на другое место, они привыкли жить в виллах, а в торговый центр ездили только на работу. Кантор — вот первое слово, имеющее не то значение, что у нас, — в переводе с чешского это учитель; здесь это значит канце-

лярия, контора. Так говорили голландцы, так говорят и сейчас. Первый современный район был назван Weltevreden. По аналогии с немецким языком вы подумаете, что это означает Weltfrieden, мир во всем мире, и ошибетесь. Голландцев интересовало благополучие не во всем мире, а только собственное. Weltevreden значит «блаженно удовлетворенный».

С голландскими словами мы сталкивались часто. Например, театр, в котором мы выступали, еще недавно принадлежал голландцам, и все надписи там были только голландские. На некоторых креслах блистает крупная надпись: «Gereserveerd» — занято. Но господа не являлись, на их местах сидели другие.

Новый государственный язык — индонезийский; он лишь становится единым языком, на котором объясняется огромное разнородное население. В стране свыше девяноста миллионов жителей, разбросанных на трех тысячах островов! Представляете, сколько проблем в связи с этим возникает? И проблемы языка представляют не меньшие трудности, чем вопросы управления, транспорта или безопасности.

В беседе с индонезийскими писателями мы узнали, что людей, в совершенстве владеющих индонезийским языком, мало. Тираж в пятьдесят тысяч экземпляров — верхний предел для пользующегося большим успехом романа. Есть местные языки, на которых говорит больше людей, чем на государственном; на яванском языке объясняется, например, тридцать пять миллионов. Но бесспорно, что темпы распространения индонезийского языка многообещающие.

За короткое время нашего пребывания на Яве мы не смогли многому научиться. Слово «туан» — господин — было нам известно по стихам чешского поэта Библия. Здесь мы узнали, что обращение «туан» относится не только к белому господину, а ко всем решительно, что «туан туан» означает «господа». Туан все еще господин Вселенной, госпожа — «нонья» — стоит на втором месте. И хотя я, выступая, тщательно следил за порядком слов при обращении «Дамы и господа», в устах переводчика это во всех без исключения случаях звучало: «Туан-туан, ноя-ноя».

Что «оранг» не половина человекообразной обезьяны — орангутанга, а целый человек, орангу запомнить трудно. Труднее усвоить, что «корек» (в переводе с чешского — пробка) значит спичка, «пичи» (корм) — мужская шапка, а «трус» (помет) просто прямое направление. Каждая страница напечатанной на индонезийском языке программы нашего пребывания, которую нам вручили на аэродроме, предполагала значительную мыслительную активность с нашей стороны; больше всего нас потрясло слово «макан» (по-чешски оно означает «усиленно работающий»), фигурировавшее не менее трех раз в день. Но оказалось, что как раз в это время мы работать не будем: это слово означало еду.

Очень скоро мы поняли кое-что и в транспортных проблемах. Внутри столицы расстояния очень большие, для пешехода непреодолимые. Значительную роль играет велосипед, называемый здесь бечак. Он японского происхождения, пассажир сидит на нем впереди между двумя колесами, а водитель — позади, как на обыкновенном велосипеде, и крутит педали, приводя таким образом в движение заднее колесо.

Бечак принадлежит не водителю, а предпринимателю, которому он платит высокую арендную плату: от четверти до трети ежедневного сбора за свой тяжелый, плохо оплачиваемый труд. Конкуренция велика, водителей много, это худые, мускулистые, большей частью молодые люди. Нам говорили, что средняя продолжительность их жизни не превышает тридцати пяти лет. Вы можете днем и ночью видеть, как они пробираются между автомобилями, часто с двумя пассажирами, жмушмиися на одном сиденье. Ливень не останавливает их, они мокнут и высыхают во время езды, тогда как пассажира предохраняет небольшой навес. Когда дорога идет в гору, водителю приходится соскакивать с седла и толкать свой бечак руками. С наступлением темноты под сиденье пассажира почти у земли подвешивают две масляные лампочки — это единственная защита от автомобильных буферов. У бечаков нет буферов, если не считать ими торчащие впереди колени пассажира. Без несчастных случаев, конечно, не обходится.

Водители в ожидании пассажира дремлют, свернувшись на сиденье, но стоит кому-нибудь окликнуть их, они вскакивают в седло и нажимают на педали. Едут они мало и почти всегда на улице, во время работы часто курят самые дешевые местные сигареты. Называются они кретек, пахнут гвоздикой и, несомненно, являются одним из гвоздей для преждевременного гроба.

Бечаки пестро раскрашены; на задней стороне спинки, совсем как на карусели, картинки, изображающие европейские пейзажи с кипарисами и замками, множество номеров и надписей. Я сфотографировал один бечак, на котором было крупными буквами написано: «МРК!». Мне так и не удалось установить, что это значит.

Мы не пользовались этой человеческой тягловой силой хотя бы потому, что нам не представлялось случая. Как члены официальной делегации мы были окружены непрерывной заботой учреждений. Они заботились о нашем передвижении и еще больше о нашей безопасности. В стране было чрезвычайное положение, распространялись слухи о мятежниках, нападающих на иностранцев, чтобы создать для правительства политические осложнения. Мы ни разу ни с чем подобным не встречались, за все время нашего пребывания не испытали ничего похожего на опасность, и все-таки наша охрана нас не покидала.

Как только мы выезжали из города, хотя бы просто искупаться, с нами отправлялся целый конвой. Впереди и позади ехали машины с солдатами в шлемах, не спускавшими рук с автоматов. Мы называли это: «Туман за мной, туман предо мной».

ДУСТОРОННИЕ ПРЕДРАССУДКИ

В предназначенном для взрослых варианте нашего спектакля была первоначально хорошая сценка. В ней художник пишет с натурщицы картину, изображающую Еву с яблоком. Рисует он ее абстрактно, уродливой, и ночью у него начинается кошмар: нарисованное им чудовище оживает и решает отомстить ему. Затем маленький Ясанек прогоняет художника от

нольберта и пытается сам нарисовать более верный портрет. Но вследствие своей полной неискушенности он рисует то, что его больше всего в Еве интересует: яблоко.

Дома этот эпизод очень понравился публике, он был добродушным ударом в двух направлениях: по перегибам художников, которые разлагают конкретную красоту на абстрактные осколки плоскостей и красок, а также и по ребяческой наивности их противников, до которых доходят лишь отдельные частицы природы, пусть они даже срисовывают их самым точным образом. И те и другие одинаково грубо искажают действительность, видят только то, что хотят увидеть, пренебрегают правдой. Разве женское тело существует лишь как образец для красок и кривых абстрактных конструкций? Имеет ли кто-нибудь право игнорировать тело и относиться к нему как к простой подставке для яблока? Словом, оба «портрета» вызывали заслуженный смех.

Я уже выше рассказывал, что публика в Азии смеется над теми же вещами, что и наша. Над сценой с нарисованным яблоком она смеяться не могла, потому что мы ее не показывали.

Уже в Индии выяснилось, что обнаженная натурщица, даже если ее играет со вкусом сделанная кукла, на сцене показаться не может. Во всяком случае, в этом нас убеждали все специалисты, с которыми мы советовались. В Бомбее ссылались на религиозную строгость индусов, в Коломбо — на буддистов, а в Джакарте — на мусульман. Я рассказываю об этом эпизоде в связи с Явой потому, что в представлении европейцев красота обнаженного женского тела связывается именно с этим островом.

Так вот, имейте в виду: официально нагота на Яве не существует. Женщины заворачиваются в расписанные юбки из батика, достигающие щиколоток, верхняя часть тела прикрыта лифом. Танцовщицы, кроме того, иногда закрывают лица масками. Правда, вы можете увидеть в деревне людей, беспечно купающихся у самого шоссе или железной дороги, а в столице вас поражает беззастенчивость, с которой люди осуществляют свои естественные потребности на улицах у обочин каналов. Но, несмотря на все это, наши друзья

настойчиво посоветовали: «Еву обнаженной не показывайте. А если это вам срывает остроту с нарисованным яблоком, то тут уж ничего не поделаешь».

Оказалось, что надо пересмотреть представление о свободных нравах в районе южных морей. Но мы можем подтвердить, что и индонезийцам пришлось отбросить некоторые ложные представления о нравах в Центральной Европе. Когда нас впервые отвезли на пляж, то сначала усадили за стол, угостили лимонадом и все затягивали предоставление нам кабин. Мы не выдержали и сказали, что хотели бы пойти раздеться. Наши спутники растерянно притихли, затем некоторое время шепотом совещались и наконец сообщили свое решение:

— Мы не возражаем против того, чтобы вы разделись, но настаиваем, чтобы вы надели купальные костюмы.

Наши девушки и парни, смеясь, заверили наших хозяев, что они могут быть спокойны. К сожалению, нам так и не удалось установить, почему индонезийцы полагали, что в чешском народе до сих пор сохранились адамистские традиции.

В остальном наши спектакли шли в Джакарте обычным порядком. За кулисами нервничали из-за колебаний напряжения в электросети и ржавеющего магнитофона, а публика была прекрасно настроена и благодарна. Газеты помещали очень хорошие отзывы, актеры не знали, куда девать цветы, а как-то нам даже торжественно сообщили, что для нас приготовлен совсем маленький тигренок, которого мы можем взять с собой для брненского зоологического сада. Мы уже переживали приятное волнение, обсуждая, как будем продолжать свой путь со зверенышем, но вдруг узнали, что он издох. Семья, которой поручили уход за ним, дала его маленькой дочке, та укладывала его спать к себе в кроватку, и там он как-то задохся.

Нас роскошно компенсировали другими подарками, но мы о потере этого звереныша, разумеется, очень жалели. И кто-то с завистью в голосе говорил о девочке, которая впоследствии сможет рассказывать, что во сне придушила тигра.

Самым верным нашим проводником на Яве был юноша по имени Салим. Сначала он раздражал нас, потому что показался слишком заботливым, постоянно говорил о нашей безопасности и усложнял каждый наш шаг. Представился он как простой писарь, секретарь какой-то канцелярии, но обладал удивительной властью. В кино он устроил так, что нас пустили первыми и лишь после того, как мы заняли целый ряд кресел, пропустили остальных посетителей. Уйти он нам позволил лишь последними, причем под охраной солдат в шлемах.

Впоследствии нас постепенно убедили, что в стране, где происходят вооруженные выступления мятежников, такая осторожность обоснованна, и мы в конце концов даже полюбили милого Салима. Он был высок, тщательно причесывал свои волнистые волосы, зубы у него были такие крепкие, что он играючи снимал ими жестяные колпачки с бутылок пива и лимонада. Читатели рассказов Колдуэлла, вероятно, помнят, как такая способность помогла одному из его героев сделать карьеру в обществе.

Салим ходил, так же как и мы, без пиджака, но однажды произошел неприятный случай. Что-то тяжелое, очевидно засунутое им под рубашкой за пояс брюк, выскользнуло и через штанину упало на землю. Это был револьвер.

— Смотри, у тебя подвязка упала, — окликнули мы Салима, и он, побагровев, быстро нагнулся, чтобы поднять револьвер и сунуть его в карман.

Салим был самоотверженным и сентиментальным, в течение пятнадцати дней он из-за забот о нас не имел ни минуты покоя и все-таки искренне плакал, прощаясь с нами. Ко всему он еще влюбился в одну из наших девушек и не пользовался взаимностью. «Кишми», — говорил он ей, а она отвечала: «Да нет же, меня зовут Иржина». Лишь гораздо позже мы сообщили, что он хотел сказать: «Kiss me» — просил поцеловать его.

Он был родом с Сулавеси — большого острова, который на старых картах называют Целебесом, — и любил рассказывать о нем. Правда ли то, что говорят об амоке, интересовались мы, например, и он смеялся:

— Конечно, правда. Кинжал «крис» у нас легко вынимают из ножен: чик-чик — и готово. Когда двое парней задираются и слишком долго угрожают друг другу, их обоих одевают в один саронг, повернув лицами в разные стороны. Там, в узком пространстве, они могут распороть друг другу животы. Нравы у нас дикие, но все прекрасно: девственные леса, чистое море, великолепные фрукты...

— Почему же ты уехал на Яву? — спрашивали мы.

— У меня умер отец, а здесь мне предложили место писаря.

— А кем был твой отец?

— Работал в полиции, так же как я, — ответил наш милый Салим и лишь потом сообразил, что снова что-то выронил.

ИСКУССТВЕННЫЙ ПЕЙЗАЖ

Не знаю, что служит для вас мерилom красоты пейзажа, но я понял бы восхваление высоких гор. Не рассердился бы, если бы вы предпочли задумчивое озеро, морской прибой или сосновый лес на скалах. Так будьте же снисходительны к признанию, что меня больше всего волнует пейзаж, в котором чувствуется прикосновение руки человека, местность, преобразенная им.

Искусственный пейзаж? Да, пожалуй, его можно так назвать. Именно такова равнина, на которой я родился. Каждый клочок земли — поле, дорога, лес или пруд — говорит об активном вмешательстве человека.

Но все-таки самый искусственный сельскохозяйственный пейзаж, причем преобразованный в удивительной гармонии с природой, я увидел во время моего путешествия по Яве. Никогда не встречал я чего-либо, что в такой степени говорило бы о трудолюбии и разумной заботе человека. Здесь не осталось ни одного неводеланного клочка, каждая пядь земли перевернута и приносит пользу. И, несмотря на то что это собственность мелких землевладельцев, пейзаж не дробится, не напоминает игрушечный огороδικ — край остался единым, великолепным.

Дьявольский танцор с дьявольским барабанщиком (Канди)

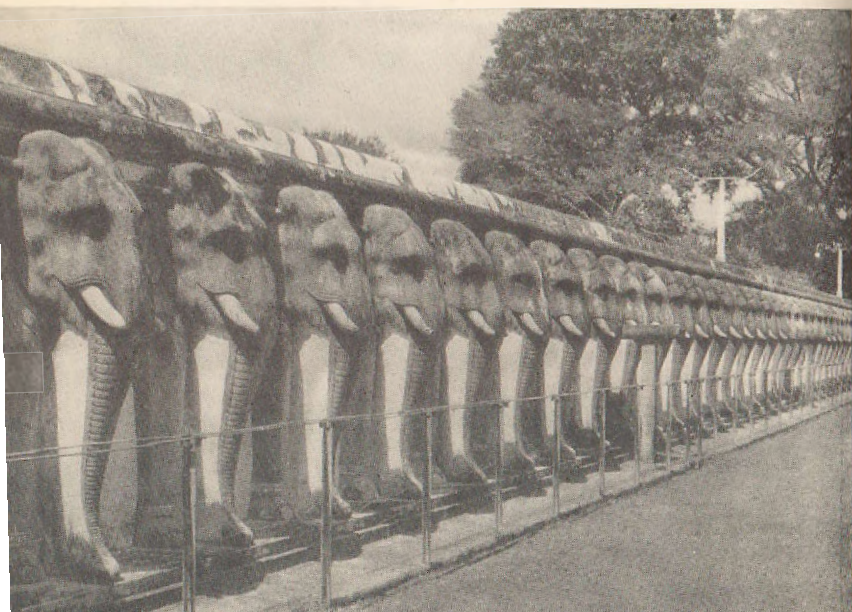

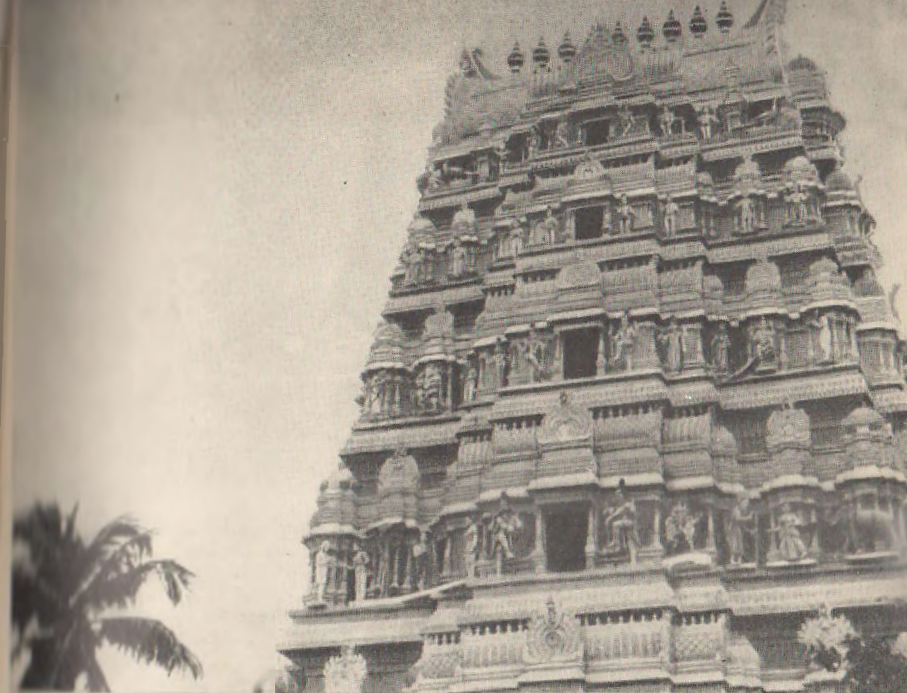
Маленький горбатый
тягловый скот на Цейлоне

Один из слонов
кандийского святилища

Слоны в Анурадхапуре

Индуистский храм в Джафне

Рельеф «Влюбленные из Анурадхапуры»

Сигирийская дама — наскальная фреска шестого века

Продавщица лепешек приветствует нас в Индонезии

Индонезийский солдат

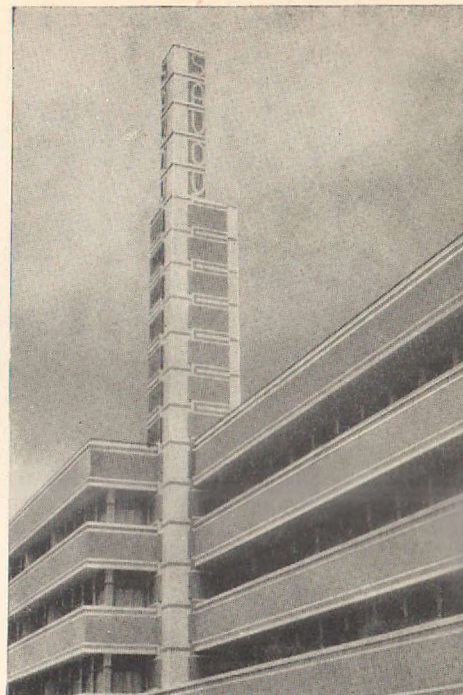

Уличное движение на Яве
иногда регулирует деревянный
полицейский

Представительские леса — символ Азии

Бандунгский отель

Дом, в котором проходила Бандунгская конференция

Рыхление и вода готовят сухое жнивье для нового посева риса

Батика — нанесение орнамента расплавленным воском

Террасы рисовых полей на пологом склоне горы

Яванская танцовщица заносит кинжал крис

Оркестр гамелан

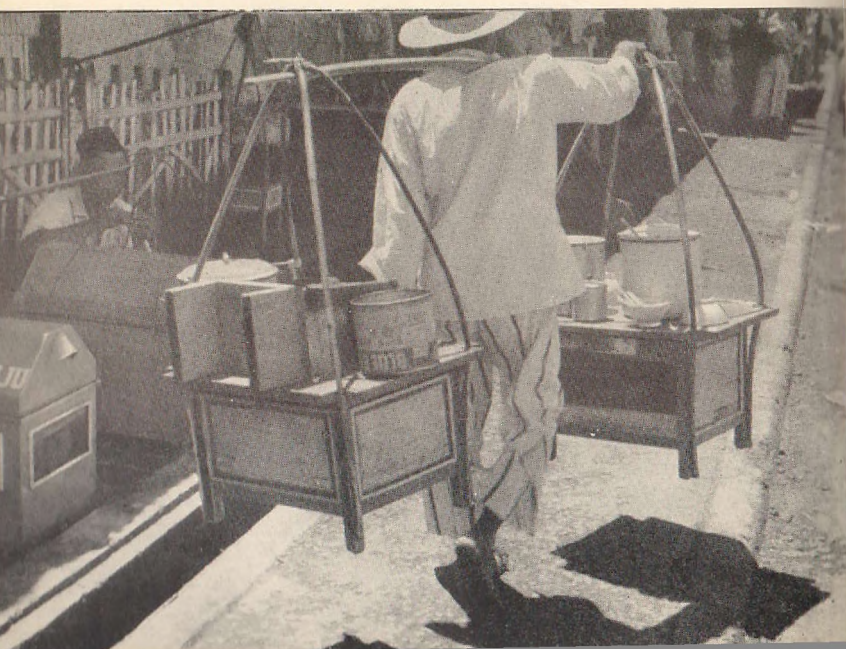
Кукольник — даланг Видипраитно из Джокьякарты

Мастерская скульптора

Походный ресторанчик или коромысло

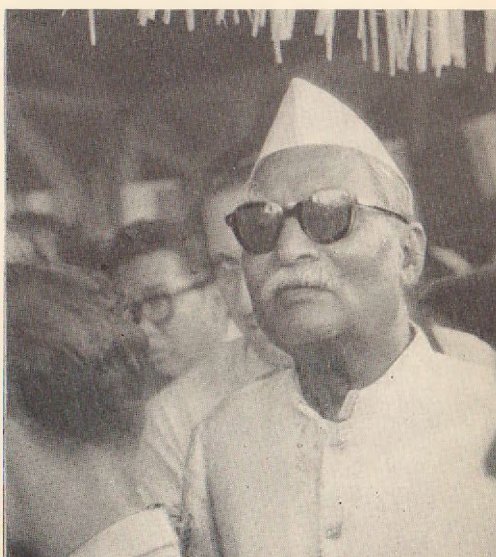

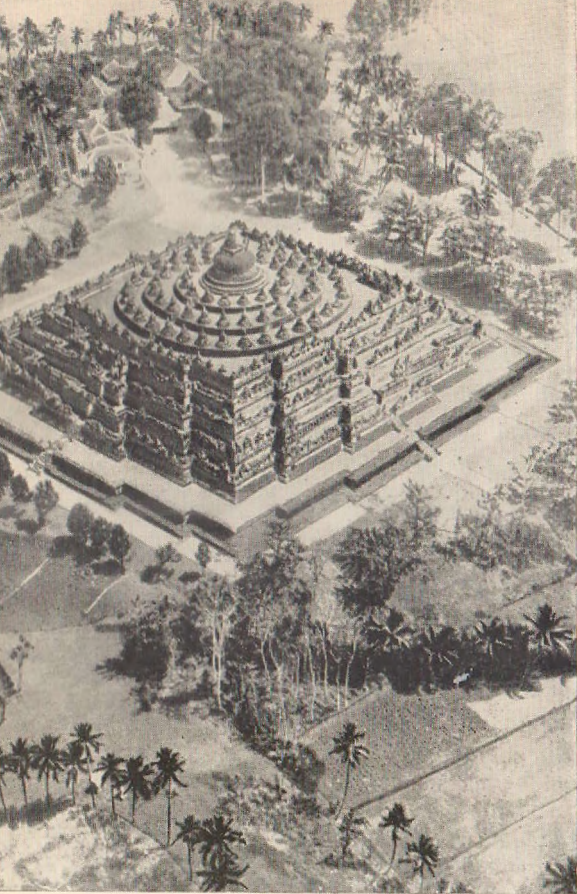
Храм Лара Джонгранг

Президент Индии Раджендра Прасад
осматривает храм

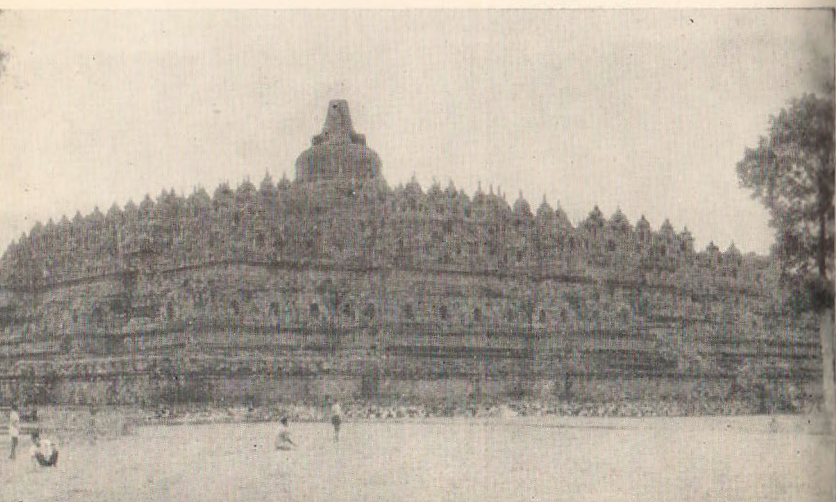
Рельеф восьмого века

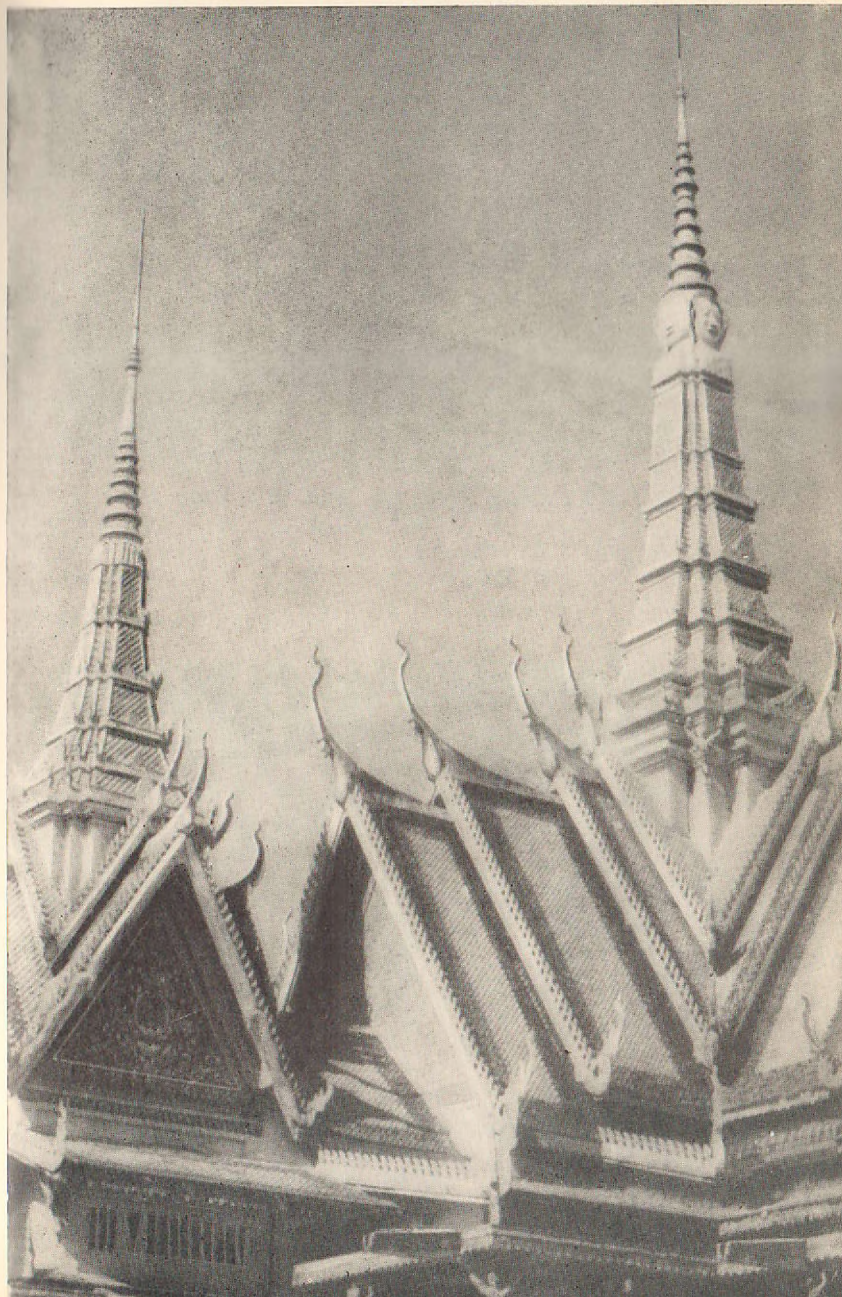

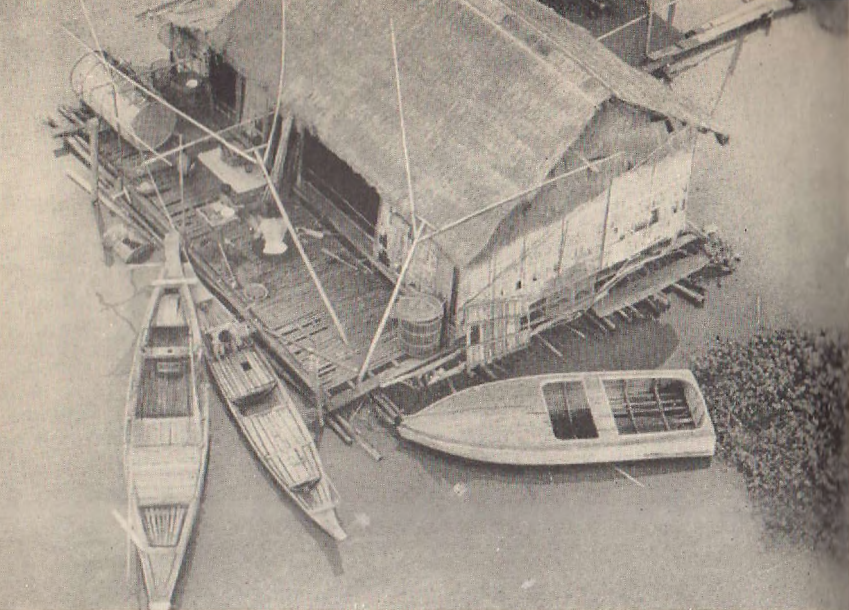
Боробудур
глазами богов

...и смертных

Игривая архитектура камбоджийских дворцов

Плавучее жилье на озере Тонле-Сап

Каучуковая плантация Чоп

По склонам гор — от вершины до глубокой долины и вновь кверху, к другой вершине — человеческие руки создали маленькие поля. Но это не заплаты на поверхности горы, как у нас. Здесь склон нарезали уступами и создали систему террас, более широких на пологих склонах и более узких на крутых. Их очертания не прямолинейны, они устанавливались не искусственно, не геометрически; чуткая рука нащупала их контуры в естественном рисунке рельефа почвы. И каждая из них должна быть строго горизонтальной, иначе на ней не удержалась бы вода. Окаймленные низкой земляной насыпью, лежат здесь одно над другим неподвижные зеркала, и в них отражается синее небо, испещренное прорастающими стебельками риса. И только там, где это нужно человеку, вода стекает по небольшому водотoku на нижнюю террасу, оттуда на следующую, все ниже и ниже, до самого ручья в долине, и тот наконец увлекает воду за собой. Дождь, пролившийся наверху чистой, дистиллированной водой, достигает долины в виде шоколадной жижи, такой же темной, как плечи женщин, купающихся там на склоне дня.

Рису нужно много солнца и воды, но вода ему нужна не всегда, иногда больше, иногда меньше, а порой и вовсе не нужна — приходится осторожно маневрировать.

Повсюду, от вершин к долинам, подставляют террасы свои плоскости солнцу. Хотя одна выше другой всего на несколько сантиметров, каждая стремится удержать воду на возможно большем пространстве и, если понадобится, готова помочь увлажнению своей «сестры».

Каждый земледелец работает на своем клочке поля для себя, но он ничем не напоминает свирепого себялюбивого кулака. Испокон веков сложная система орошения и заинтересованность в справедливом распределении воды требовали совместного труда, соблюдения взаимной договоренности при обработке участков. Если крестьянин, обрабатывающий верхнюю террасу, вовремя не пропустит воду, засохнет рис его нижних соседей. Пропустив воду только на одну сторону, он разорит соседа с другой стороны. А если бы работающие наверху не приходили дружно ему на по-

мощь, кто знает, как он раздобыл бы воду для своего поля?

Кропотливая забота о своем участке и тесная связь с соседями — основной закон на этих полях. Недостаточно одним мужчинам бродить здесь по икры и грязи, им должны помогать и женщины. Рис очень капризен, без пересадки он не созреет; а как же его пересаживать, если не руками, стебель за стеблем, из воды в воду. Дома мы читали, что в Азии многим приходится довольствоваться к обеду «миской риса». Но никто не показал нам, какого огромного труда требует наполнение одной такой миски.

Риса всегда не хватает. Ява плодородна, но она принадлежит к числу самых густонаселенных районов мира. На квадратном километре здесь живет больше людей, чем во многих промышленных областях Европы. И почти всех должно прокормить земледелие. А сколько плодородной и легче всего обрабатываемой земли захватили плантаторы для культур, идущих на экспорт! Ява по площади лишь двенадцатая часть Индонезии, она даже меньше Чехословакии, но здесь живет вчетверо больше людей, чем у нас: две трети населения Индонезийской Республики. Это сердце, гиперемированное сердце островного государства. Поэтому правительство стремится занять население в промышленности и направить яванских земледельцев в районы, где имеется излишек земли. А пока положение таково, что недостаточно ни трудолюбия людей, ни щедрости почвы. Ява вынуждена ввозить рис.

Человек, путешествующий по острову, никогда не поверил бы этому. Он видит столько искусственно созданных полей, дающих богатейший урожай, что у него глаза разбегаются. А любителя менее искусственного, более первобытного пейзажа поразит, как много здесь еще осталось старых, девственных лесов, гор и вулканов. Разница в высоте очень резкая, неподалеку от побережья начинаются горы, достигающие трех тысяч метров и более над уровнем моря. Влаги много, в год выпадает около двух с половиной метров осадков, с гор сбегает ручьи, водопады, реки. А внизу их встречают все виды морского прибоя, пляжи, скалы... Рай? Да, бесспорно, он здесь будет когда-нибудь, и лишь немного позже, чем у нас.

Первым долгом мы направились в Бандунг. Я без преувеличения могу сказать, что туда ведет одно из красивейших шоссе в мире. Мы покидаем столицу, расположенную лишь в пяти-пятнадцати метрах над уровнем океана, проезжаем мимо сумрачных плантаций каучука и выезжаем к рисовым полям. Рай — может быть, романтическим мечтателям это будет неприятно, но ничего не поделаешь, — рай начинается там, где вы отдаляетесь от природы, он там, где человек перестает быть ее игрушкой, где он менее всего зависит от причуд не поддающихся контролю стихий. Иванский земледелец близок к такой независимости, так как для удовлетворения личных потребностей ему достаточно риса, который он в любое время года выращивает на своем искусственном поле. Можно увидеть рядом посев и уборку риса, идет непрерывная работа над выращиванием двух и более урожаев в год. В то время как на одной террасе буйволы тянут плуг (животное, пахарь и земля одного, темного, почти фиолетового цвета), на соседнем поле выглядывают из воды светлая зелень первых ростков, а на следующем женщины уже пересаживают проросшие стебли. Чуть подалее на сухом поле желтеют созревающие колосья, а с другого крестьянин уже уносит на коромысле сухие снопы.

Шоссе поднимается в гору. Позади остаются пространства, где еще можно работать с упряжкой волов, на смену им приходят все более узкие террасы, где место пахаря занимает земледелец с мотыгой. На площадках, слишком маленьких для посева риса, из земли бьет зеленый гейзер банановых листьев. Или растут пальмы, и изгибы их листьев показывают, где произошел «атомный взрыв ядрышка», из которого они выросли.

Мы миновали Богор с белым сказочным дворцом — летней резиденцией президента. Едем вдоль ограды парка, в котором пасутся стада светлых пятнистых ланей и оленят. Поднимаемся все выше, серпантинная дорога становится круче. Пейзаж меняется, поля уступили место деревьям, а вот исчезают и они. Что это за странные кусты? Их бесчисленное множество и становится все больше и больше. Ах да, чай!

И вот вы уже вдыхаете горный воздух, за елями виднеются туристские домики и виллы европейцев, проводящих здесь свой уикэнд, — мы на высоте тысячи трехсот метров над морем. Вершина, через которую солнце переваливает на другую сторону хребта, называется Точкой, но это не столько большая точка, сколько настоящий горный перевал с красивым отелем.

Утром мы завтракали внизу, у моря, выехали в шортах, а сейчас, за обедом, почти мерзнем. И чтобы мы почувствовали себя совсем как дома в отпуске, начинается дождь, туман застилает красивый вид, люди лязгают зубами — и это в тропиках! Ведь я говорил вам: Яве недалеко до рая.

БАНДУНГСКАЯ СМЕСЬ

«Алло, алло, Бандунг!» — это были единственные слова, которые публика поняла без переводчика из вступительного слова к нашему спектаклю. Мы хотели рассказать этим людям, как популярен у нас их город, что песенку о нем у нас часто поют, а конференцию народов Азии и Африки, носящую его имя, у нас никогда не забудут. Достаточно было сказать: «Алло, алло, Бандунг!», чтобы они все это поняли и ответили рукоплесканиями.

Мы в свою очередь аплодировали Бандунгу. Но даже если отвлечься от политического значения этого города, он красив. Чистый, сердечный. Климат в нем здоровее, чем в Джакарте, потому что он расположен на восемьсот метров выше. Здесь мы видели больше народного искусства и — почему бы не признаться, что для путешественника это имеет большое значение — жили в прекрасных условиях. Отель был отличный, еда вкусная, душ работал, и город был тут же, у самой двери. Мы могли прогуливаться пешком и свободно вглядываться в его жизнь.

Мы видели на улицах большое движение, с регулированием которого отлично справлялись вырезанные из дерева милиционеры (вот видение светлого будущего!). Мы побывали в универсальных магазинах и в небольших, маленьких и совсем крохотных лав-

чонках, расположенных прямо на тротуаре. Уличные торговцы разносили свои товары на коромыслах, словно не были давным-давно изобретены велосипед и повозка. На коромыслах колыхалась поклажа: овощи, фрукты, топливо или живая рыба в наполненных водой ушатах. Загадочными показались нам жестяные коробки, по размерам превосходившие наши самые большие молочные бидоны. Будь они наполнены какой-нибудь жидкостью, человек не смог бы их поднять, а коромысло переломилось бы. В них был крупук — воздушное блюдо из запеченных морских рачков; такой груз весит всего каких-нибудь шестьдесят килограммов.

Я попросил одного из пробежавших мимо торговцев дать попробовать, сколько весит его поклажа. Но продержал коромысло на плече всего минутку, этого было достаточно. На коромысле покачивался настоящий ресторан: впереди железная печурка со сковородками, позади столик, маленькие стулья, запасное дерево угля и продукты: рыбки, раковины, нанизанные на вертел куски мяса и что-то, напоминавшее чешские дрожжевые кнедлики.

Таким же образом бродячий сапожник носит свою мастерскую со столиком и коллекцией малоношенных туфель. Поклажа предсказателей и рассказчиков гораздо легче: они раскладывают на обочине тротуара несколько картинок с изображением сказочных героев и демонов и предлагают все это наряду с гороскопами и астрологическими таблицами вниманию прохожих. Зубные врачи принимают пациентов в лавчонках на первом этаже. Повсюду к ним зазывает одна и та же сюрреалистическая реклама: профиль женщины, у которой отрезана левая щека и обнажена челюсть. Это отвратительное изображение сопровождается кокетливой надписью «гиги», что по-индонезийски значит «зубы».

Гораздо приятнее выглядит рынок домашних животных. Мы видели там клетки, полные птичек с толстыми красными, как вишни, клювами; у других, очень маленьких, грудка была словно обрызгана малиновым соком. Немало было попугаев и горлинок. Над крышами многих бандунгских домов торчат высоченные шесты с клетками для какого-нибудь пернатого лю-

бимца семьи. Этот обычай я предпочел бы вывешиванию флагов.

С особенным удовольствием ходили мы по улицам, где жили и торговали китайцы. Невозможно, вдохнув аромат их ресторанов, не зайти туда.

В отеле мы получали международную пищу, приятно одобренную местными и голландскими специями. Должен откровенно признаться, что ни в одной из четырех стран, где мы побывали, мы не ели с таким удовольствием, как в Индонезии. Местный запеченный, сильно подрумяненный, щедро одобренный специями рис намного превосходит индийский и цейлонский кэрри; называется он наси горенг, и если бы мы все время воздавали ему должное, то наверняка растолстели бы, как фашист Геринг. Поэтому мы ходили для разнообразия к китайцам; их лакомства обладали здесь особенно приятным привкусом. Нигде я не ел лучших лягушачьих лапок, куриной печени, грибов, лапши...

Мы вспоминали вашингтонского журналиста, который похвалялся, что, разъезжая по всему миру, он усердно изучает все, что доставляет человеку наслаждение. Из этого у него выкристаллизовался некий собственный идеал мирного сосуществования. «Я хотел бы, — говорил он, — иметь виллу в горах Явы и жить там с японской женой, китайским поваром и американской уборной».

Мы побывали в храме китайского района. Он веселый и пестрый, как Луна-парк, на его крыше резные деревянные драконы с глазами, укрепленными на проволочных спиралях, так что они раскачиваются от ветерка. Все внешние стены расписаны в стиле фасадов американских кино, обезьяний король фехтует там с черепахой, а небесная принцесса в одежде юного воина побеждает свирепого повелителя вод. Ловкий подражатель выпускам комиксов оставил следы своего искусства и внутри молельни. Он нарисовал на всех стенах приключенческую серию поединков и похищений из жизни популярных героев с традиционным счастливым концом. Представляете себе, как это выглядит? Так, как если бы какая-нибудь церковь

в Чехословакии, стремясь во что бы то ни стало припечь как можно больше прихожан, провозгласила «Похождения Швейка» священным писанием и оклеила свое помещение иллюстрациями Лады и плакатами фильмов с участием Ноля и Грушинского.

Гвоздем нашего пребывания в Бандунге была экскурсия на Тангубанпраху, настоящий огнедышащий вулкан. Нас сопровождал чрезвычайно многочисленный военный конвой, который охранял нас, когда мы удовлетворяли наше туристское любопытство. Конвой занял все уголки в округе. Дело дошло до крупных стратегических операций, кровь, насколько мне известно, не была пролита, но красная фруктовая вода, привезенная для нас специальной военной машиной, лилась рекой.

Началась наша поездка с того, что, миновав город и красивые виллы на его окраинах, мы поднимались в гору по тропической местности. Джунгли здесь более всамделишные, чем на Цейлоне, деревья достигают импозантной высоты, а среди них растут папоротники, как в доисторические времена. Их побеги, похожие у нас дома на маленькую свернувшуюся гусеницу, здесь больше загнутого конца пастушеского посоха. Потом дорога сузилась, стала круто петлять и достигла тысячи восьмисот тридцати метров над уровнем моря.

Во время езды некоторые, принюхиваясь, чувствовали запах серы. Ад был действительно неподалеку. И вот мы на краю кратера. Заглянули в его глотку. Гора здесь открывала пасть, словно хотела показать все свои «гиги». Самого жерла я не видел, оно засыпано остывшими камнями. Лишь время от времени над изрезанным дном пропасти подымались вонючие испарения. На противоположном краю кратера из-под земли подымались целые тучи, закрывшие девственный лес полосами зловещего серого тумана.

Это было потрясающее зрелище, его масштабы не может верно передать ни один фотоаппарат. Дикое пространство нельзя, к сожалению, показать на снимке или даже описать словами. Видоискатель аппарата и глаз человека растерянно блуждали по выжженной

утробе горы, чтобы уловить ее величие и не ограничиться фразами с ничего не выражающими прилагательными — огромный, чудовищный, страшный или великолепный. Мы облегченно вздохнули и были счастливы, когда среди этого первобытного хаоса мелькнул след пребывания человека. Неподалеку от того места, где из-под земли подымались тучи серных паров, прежние посетители сложили из камней буквы. Вы мне не поверите, но у меня восемнадцать свидетелей, кроме того, я могу представить фото: на дне кратера яванского вулкана было написано: CSR — Чехословацкая Республика.

УТРО НАД АЗИЕЙ

Нижеследующее является небольшой вставкой обобщающего характера в духе Бандунгской конференции. Не кажется ли вам, что эта главка получила слишком торжественное и поэтическое название?

Но, читая эту книгу, вы, вероятно, уже заметили, что я избегаю лирики, и заподозрите, что в этом названии кроется какой-то подвох. Чтобы не разочаровывать вас, признаюсь сразу, что речь пойдет не об утренних ароматах и не о сообщениях о развитии недавно освобожденных стран, а главным образом об измышлениях некоторых мелких людишек на Западе, враждебно относящихся ко всему, что происходит на Востоке.

Уже давно появились на Западе люди, боящиеся Азии. Это, как мы уже говорили, страх мелких людишек. Этакий провинциальный вариант призрака, вымышленного немецким профессором Шпенглером, который принимал закат буржуазной культуры за всеобщий закат, а подъем освобождающегося Востока за общий подъем.

«Наши силы слабеют, — причитают подобные люди, — а у восточных народов уйма детей, они быстро осваивают нашу технику, того и гляди обгонят нас во всем. Мы обучаем их обращению с машинами, и скоро они не будут в нас нуждаться, сделают себе машины без нас или против нас...»

Это коварные жалобы, и я думаю, что об этом надо сказать прямо.

С чего начать? Хотя бы с обучения. Представьте себе учителя, который жалуется, что обучил своих учеников всему, что сам умел, и поэтому боится скоро оказаться ненужным, так как все будут все знать. Такого глупого учителя быть не может, скажете вы. А между тем такие находятся!

Или поговорим о машинах. Предположим, наши техники создадут гениальную машину для производства чулок, и кто-нибудь будет настаивать, чтобы возились только чулки, а не такие машины: на чулках, мол, можно больше заработать, а машина будет способствовать росту конкуренции... Допустима ли подобная слепота? Даже если бы мы отбросили все политические соображения и исходили только из самых низменных интересов, являющихся главным источником аргументов таких маленьких людей, то положение таково, что любую машину можно вскоре скопировать, и если мы не начнем ее продавать, очень скоро это начнет делать кто-нибудь другой. Тот же, кто использует свой приоритет в изобретении машины и выбросит ее на рынок первым, может рассчитывать на известное преимущество во времени и, кроме того, будет постоянно поставлять запасные части. Производство машин вызывает непрерывную потребность в их рационализации; можно рассчитывать, что там, где их много производят, возникнут и новые идеи, которые опять-таки улучшат возможности вывоза. Итак, вывозите машины! Тем, кто могут поставлять целые заводы, незачем тратить время на производство чулок!

А вот еще по поводу вырождения и подъема. Что отмирает? Китайская культура, например, значительно старше нашей, а разве она изживает себя? И здесь и там отмирают старый метод мышления, старые производственные отношения, старый тип подчинения людей.

На Востоке оковы были тяжелее, поэтому понадобился более сильный рывок, чтобы их сбросить, и он выглядел более бурно. Но и там и тут падают те же оковы, освобождение идет в том же, а не в противоположном направлении.

Мир становится меньше не потому, что для такого количества новых людей не хватает места, а потому, что совершенствуются средства сообщения и информации. Мы больше знаем друг о друге, и то, что оказалось полезным здесь, быстрее находит путь туда, и наоборот.

Земной шар не тесен, он мог бы прокормить гораздо больше людей, чем кормит сейчас. Причем сейчас он кормит их плохо, а мог бы через короткое время кормить замечательно.

Мир становится меньше потому, что объединяется. Но стал ли он поэтому тесен, сократилась ли возможность передвижения?

Я полагаю, что никогда на работу за границу не ездило столько чехов, сколько ездит сейчас. Жалеет ли кто-нибудь о том, что теперь никто не уезжает как бродяга, паяльщик, нищий, поденщик? Монтер, квалифицированный специалист, врач, ученый, художник — вот типичные современные путешествующие чехословаки. И никуда не ведет столько путей, как на Ближний и Дальний Восток. Станем же ценить большое и не всегда лично заслуженное счастье быть чаще учителями, чем учениками.

Я провел в Азии в общей сложности полгода, это немного. Первой азиатской страной, в которую я ездил, была Корея. В Чхонджине есть чехословацкая больница, там я видел наших врачей и наши аппараты. Окулист сидел за сложными приборами и определял диоптрии корейцев.

— Кое-что вам пришлось в ваших приборах изменить? — спросил я. — Ведь у корейцев не такие глаза, как у нас.

Врач рассмеялся. Глаза сидят в черепе всех людей одинаково. Жители Азии, так же как мы, видят то, что есть, и то, что могло бы быть, видят точно так же, как ты и я. Когда-то чешский дипломат Ечный озаглавил один из первых репортажей из нового Китая: «Косые глаза смотрят прямо!».

Да, это великое открытие нашей эпохи. Косых глаз, собственно говоря, не существует. Изгиб век, цвет кожи или волос, словом, поверхность тела могут быть

разными, но все существенное одинаково. Под кожей мы одинаковы — и физически и духовно, и цель у нас одна. При переливаниях крови нашу кровь можно свободно заменять, свободно можем мы обмениваться и мыслями.

Бояться этого? Я вижу в этом повод для хорошего настроения. Я объездил порядочный кусок света, пролетал над Сибирью — почти девственной страной, несмотря на огромный размах строительства. Видел Монголию — в ней потрясали расстояния. Чехословакия поместилась бы там двенадцать раз, а живет в Монголии только один миллион человек. Китай перенаселен? Но на квадратный километр в нем приходится все же меньше людей, чем в Чехословакии, а сколько еще детей можно разместить у нас!

Сейчас, после моего второго путешествия, когда я ознакомился с главными путями южной Азии, картина стала лишь более цельной, но не изменилась. Во всей южной Азии жизнь перестраивается: в одних странах этот процесс идет быстрее, в других — медленнее. Но и там, где он идет медленно, его нельзя не заметить. Вся Азия идет вперед. И в ней кроются не только огромные людские резервы, но и неиспользованные ресурсы почвы, естественных богатств и в первую очередь человеческих сил и талантов!

НАШИ НА ЯВЕ

Первым европейцем, с которым мы разговорились в Бандунге, был голландец лет пятидесяти, владелец магазина художественных изделий. Почему он здесь застрял?

— Мне здесь нравится, настоящий рай. Вы не находите? — Он говорил это любезно и, очевидно, уже не впервые.

Между тем в глубине магазина девушка из нашей компании рылась в старых картинах. По поводу пор-

трета какого-то рыцаря она заметила: «Настоящий Рембрандт!»

Торговец уловил знакомое слово и обернулся к ней с забавно тоскливым взглядом:

— Дорогая барышня, окажись это Рембрандт, здесь давно бы мой след простыл!

Это в раю-то!

В тот же день меня ожидало у привратника отеля письмо на чешском языке. Оно было напечатано на машинке, и только галочки и черточки были проставлены от руки. «Приветствую своих соотечественников», — писал господин Богачек и далее сообщал, что был на нашем спектакле; здесь у него производство конфет под маркой «Диана». «Если Вас интересует, как я готовлю здесь это снадобье, заходите ко мне в гости. Я работаю ежедневно до двух часов, то есть мы варим леденцы до двух часов, а потом до четырех заворачиваем их». К письму были приложены две бутылочки с жестяными колпачками, полные конфет, присланных на пробу. На наклейке был изображен кавалер в стиле рококо, кланявшийся декольтированной даме в белом парике — по-видимому, той самой Диане.

Итак, мы отправились в гости к земляку. Оказалось, что он живет на Яве уже много лет, эмигрировал сюда еще во время первой республики и привез самые необходимые машины. По-чешски говорит уже с трудом — ему не с кем разговаривать, так как с первой женой он разошелся уже давно, и она вместе с детьми вернулась на родину. Здесь он женился на маленькой яванской женщине, у них уже целый ряд отпрысков, рассказывает он, и тут же добавляет:

— В Праге у меня уже тютю... погодите, как это по-чешски... да, внучата...

Господин Богачек не разбогател. Судя по его словам, сначала ему жилось неплохо, но во время японской оккупации он все потерял. Приехал он сюда в двадцатых годах и привез ящики с оборудованием. Когда он высадился на берег в тогдашней Батавии, на нем был европейский костюм, и среди одетых в белое голландцев он казался себе «единственной черной вороной». Брюки, в которых он приехал, до сих пор целы, не носить же их при здешней жаре.

Он потребовал, чтобы жена вынула брюки из шкафа и принесла вместе с вешалкой, на которой они висели. Мы их пощупали, они действительно были темные, толстые, несношенные. Господин Богачек все время повторял:

— Что вы на это скажете? Видите: настоящие чесские! Черная ворона...

Черная ворона приехала, будучи совершенно неопытным цыпленком. Сжимая в кулаках ручки чемоданов — он ни за что не доверил бы их малайским носильщикам, — господин Богачек тащился по пристани и обращался ко всем белым. Он знал только один иностранный язык: «Пите, шпрехен зи дайч?»

Первый встречный, разговорившийся с ним, при виде его вспотевшей физиономии сразу дал ему совет. Где лучше всего наладить производство леденцов? Конечно, в Бандунге, там прохладнее.

Торговля шла хорошо. Через год он смог послать семье деньги на дорогу, и жена с детьми приехала. Господин Богачек пополнел. На фотографии мы видели бодрого усатого стокилограммового силача. Да и сейчас, став гораздо старше, похудевший и гладко выбритый, он все еще статен. Во время войны японцы отобрали у него машины, но он сам, по-кустарному, смонтировал себе новые и сейчас вместе с несколькими помощниками делает кисловатые леденцы.

— Еще два года, — говорит он, — и продам все китайцу, заберу детей и поеду домой.

— Куда домой? — для верности переспрашиваем мы.

— Но, господин доктор, — почти укоризненно смотрит на меня владелец фирмы «Диана», — раз я говорю домой... Зачем же я, по-вашему, храню эти старые черные брюки?

На Яве у нас довольно много земляков. Не забывайте, что Томаш Батя когда-то заинтересовался городом, якобы названным в его честь, и основал в Батавии, нынешней Джакарте, обувную фабрику. Она работает до сих пор и по-прежнему принадлежит семейству Батя.

По особой и довольно коварной случайности домик директора фабрики находится рядом с резиденцией

нашего посольства. Их садики отделяет только забор, но дипломатические отношения через него не были установлены. Разве настоящий батьовец способен с бесхитростностью такого господина Богачека воскликнуть:

— Эй, приятели, что нового дома? Мы тоскуем!

Но теплыми вечерами из открытых окон домика иногда доносятся звуки гармоники и песни: «Рощи зеленые, вы были моими...»

Были и сплыли. В Джакарте душно. Выдержать это можно, все можно выдержать, если человек знает, что это временно. Как говорится: отсюда и досюда. Товарищи из нашего посольства, торговые представители, инженеры, специалисты, которые сейчас, например, монтируют здесь большую фабрику резиновых изделий, все они довольны Индонезией. У них интересная работа, ощущение, что они делают нечто имеющее большие перспективы, идущее в ногу с прогрессом во всем мире, а в Азии особенно. Враждебное отношение к белым старого типа их не касается, они могут с чистой совестью смотреть в глаза местному населению. Они представители социалистического государства, не господина, а партнера, друга, они построят фабрику, научат местных рабочих обращаться с механизмами и уедут. Они любят Яву, но так же искренне радуются предстоящему возвращению на родину. Сколько они пробудут здесь? Самое большее два-три года... Это время пройдет быстро.

А остальные чехи на Яве?

Господин Богачек из Бандунга, конечно, не коммунист, он даже предприниматель. Но как трудно было бы ему жить без пары черных брюк, поджидающих его в шкафу. Действительно ли он продаст свое заведение китайцу и уедет домой? Не знаю. Возможно, будет колебаться до тех пор, пока его «Диану» не национализировать индонезийцы. Знаю только одно: эти черные брюки — его надежда, ниточка, все еще связывающая его с Чехией.

Работники фабрики Бати более толстокожие, чем господин Богачек. Нужно признать, что они стараются быть не такими жестокими предпринимателями, как когда-то голландцы. Во-первых, сейчас это просто невозможно, а во-вторых, становится все неприятнее

жить нежеланным чужестранцем среди людей, которые все равно не успокоятся, пока не избавятся от последних следов колониальной зависимости. Батьовцы являются здесь, конечно, представителями интересов иностранного капитала. Их основное предприятие, находящееся в Америке, непрерывно требует доходов. Батя строил фабрики не для туземцев. Он строил их для себя и никогда добровольно от них не откажется.

Из окна директорского дома доносятся звуки гармоники и голоса, поющие чешскую песню: «Колин, Колин, стоишь среди равнин...»

Все можно выдержать, если знать, что это временно. И не совсем чистую по отношению к индонезийцам совесть тоже можно выдержать, если впереди возвращение домой через два-три года.

Куда домой?

В шкафу у господина Богачека черные брюки. Он хочет вернуться, говорит об этом спокойно, как человек, всю жизнь рассчитывавший на это, как на нечто совершенно естественное. И для него не имеет значения, что нас послала сюда совершенно не та Чехословакия, которую он когда-то покинул.

У озлобленных батьовцев другая кожа, более жесткая, неподатливая. Не хотелось бы мне быть в их шкуре.

НА МИНУТКУ В ПАРИЖ

Мы наблюдали молодых художников за работой. Не первый и не последний раз в этом путешествии, но в Бандунге нам довелось посетить особенно большую школу изобразительных искусств. Она входила в состав политехнического института, где было четыре тысячи учащихся, приезжавших сюда главным образом на велосипедах, — мы с изумлением проходили мимо переполненных стоянок. Многочисленные здания и павильоны института соединялись беседками, их легкие крыши опирались на колонны из цемента и гальки.

На первом курсе упражнялись в реалистическом рисунке. Студенты и студентки расставили свои моль-

берты вокруг живой натурщицы, полностью одетой, что после всего рассказанного мною совершенно очевидно. В остальных ателье почти безгранично господствовало абстрактное искусство, там создавались композиции из красок, линий и пестрых геометрических фигур, проектировались декорации для несуществующего театра, в скульптурной мастерской конструировали дырявые тела, ограниченные волнистыми плоскостями а ля Генри Мур. На стенах висели плакаты Пикассо и Ганса Арпы.

По залам нас сопровождал голландский профессор, срок его пребывания на Яве в этом году истекал.

— Просто этим молодым людям Париж ближе, чем их собственное средневековье, — ответил он на наши несколько удивленные вопросы.

— Но ведь то, что вы называете средневековьем, — возражали мы, — существует сейчас. Почему молодых яванцев не учат в первую очередь видеть то, что происходит у них на родине? Не угрожает ли им опасность совершенно оторваться от своего народа? Ведь авангардизм в искусстве имеет смысл, только когда оно является авангардом собственного народа.

Подчеркнув, что он не намерен вести политическую дискуссию и будет касаться только вопросов ремесла, профессор не сдавался:

— В каком направлении должен я, по-вашему, вести своих учеников? Традиции их собственной страны, да и Востока вообще, мистические, полные давно установившихся религиозных символов, с тенденцией однообразной декоративности. Любое подражательное искусство, без которого в школе нельзя обойтись, будет по сравнению с ними казаться чуждым, западным. Нам не в чем оправдываться. В сущности школа обучает лишь технике современного искусства. А как ученики используют ее впоследствии, став самостоятельными художниками, — это их дело.

— Разве только их дело? — покачивали мы головой. — А разве это не дело их народа тоже? Простите, стоит сказать «народ», и вам мерещится политика. Поэтому скажем так: разве это не дело потребителей продукции их ремесла? Будут ли эти молодые люди знать спрос своих потребителей, если сейчас они поворачиваются спиной к зрителям и учатся у своего

учителя тому, что делают художники в Париже для совершенно другой и часто лишь воображаемой публики?

— Мы учим их рисовать, а не обслуживать потребителей,— пожал плечами профессор.

— Отлично,— согласились мы.— Линия во всем мире остается линией. Но рисунок, образованный из этих линий на Яве, мог бы быть не таким, как в другом месте. Быть может, мистическая или декоративная традиция Азии не так уж плоха, как вы утверждаете, и, быть может, найдутся в искусстве местные элементы, при изучении которых ученикам не грозил бы такой полный отрыв от собственного прошлого?

— А как поступаете вы, чехи? — ответил нам профессор вопросом на вопрос.— Вот, например, вы ввозите сюда машины для изготовления обуви. Интересуетесь вы тем, как делали здесь обувь раньше, или привозите точно такие машины, какими пользуетесь в далекой Чехословакии?

— Человеческие ноги в обеих странах одинаковые и машины могли бы быть одинаковыми. Различны потребности этих ног. Вы, конечно, не думаете, что на Яве могут кому-нибудь понадобиться чешские теплые комнатные туфли или зимние ботинки. Поэтому здесь будут подобными машинами изготавливать другие виды обуви. А в живописи дело обстоит с этими другими видами еще сложнее. Неужели же вы считаете, что яванские художники должны рисовать точно так же, как мы, потому что мы ввозим сюда бумагу и карандаши?

Профессор улыбнулся и выложил свой главный козырь:

— А почему бы здешним художникам не рисовать точно так же, как вашим, если они решат это делать? Я бы им не препятствовал. Разве они не свободны?

Ну да, свобода искусства в качестве последнего аргумента. Это мы уже не раз слышали. Почему бы человеку не делать того, что он случайно захочет?..

А разве человек обычно может делать то, что ему случайно захочется? И что представляет собой это пресловутое «случайное» желание, особенно в искусстве? Случается ли, что человеку вдруг захочется сделать статую из вина или картину из тумана? Та-

кая фантазия обычно у художника не возникает — даже если источником ее является самая поэтичная идея, — потому что одна из первых предпосылок его работы — знание материала, любовь к нему, знание требований, предъявляемых самим материалом. Это само по себе значительно ограничивает «свободу» решения. Кроме того, художник не только работает на определенном материале, но и сам из какого-то материала создан. И его происхождение, модифицируемое определенной средой, ограничивает «свободу» художника. Я познакомился как-то с одним человеком из австрийского города Граца, который вбил себе в голову, что в точности усвоит почерк типичного англичанина, его манеру одеваться и вести себя и вместе с тем останется тем, чем был, то есть австрийским школьным учителем. Более забавного героя для юмористического романа я не встречал.

Итак, художник (и в этом он верен правде, ибо свобода — есть осознанная необходимость) сохраняет верность материалу, из которого творит свои произведения, так же, как материалу, из которого он создан сам. Это только кажущееся ограничение, в действительности же именно в этом его сила. Но «границы творческой свободы» суживаются еще больше. Ведь художнику не безразлично, что делать, он ищет наилучший способ выражения определенных вещей. Он творит не для самого себя, а для кого-то, его творчество не монолог безумца. Ему нужны зрители, он нуждается в общении. И этим зрителям (пусть это всего два-три наиболее близких человека) он стремится быть понятным, учитывает меру их знаний, вкуса, сообразительности. Вокруг мишени много свободного пространства, бесконечное количество места, в которое человек может стрелять, но истинный художник упорно стремится попасть именно в маленький черный кружочек... А, собственно, почему?

Я побывал в ряде стран, мечту которых можно было бы вкратце выразить лозунгом: «Догнать и перегнать Европу». Мексика, Корея, теперь Индия и Индонезия — всюду наблюдается стремление развивать промышленность, по уровню производства и потребления, развлечений, гигиены приблизиться к самым передовым странам. Поэтому нас не удивляет, что

мечты художников устремляются в том же направлении. Но расстояние от мечты до ее осуществления очень велико. Нужны годы, чтобы создать в местных условиях реальный художественный пейзаж с Эйфелевой башней, обеспечить его такой экономической базой, какой является, например, канал Волго-Дон. А чтобы скопировать картину современного французского или советского художника, много времени не потребуется, при ловкости рук можно сделать это за сутки. Я видел такие произведения. Реже всего в Мексике, чаще в Корее или в Индии и Индонезии. Мог бы по секрету привести такие примеры из жизни Чехословакии.

Что это, метод, достойный художника, или наивные попытки «догнать мир» без учета того, насколько окружающие люди идут вперед или колеблются при постройке собственных эйфелевых башен или каналов Волго-Дон?

В ДОРОГЕ ВСЕ ВКУСНО

— Вы хотите как можно больше увидеть, — сказал наш гид Салим, — так вот я купил билеты не на скорый поезд, а на пассажирский. Мы будем ехать целых четырнадцать часов. Довольны?

Мы выехали из Джакарты в половине восьмого утра и прибыли на место темной ночью. И вы ошибаетесь, если думаете, что я не был доволен. Дорога к городу Джокьякарте — одно из лучших моих впечатлений на Яве.

У меня было что-то вроде отпуска. Театр вернулся из Бандунга в столицу, чтобы закончить там серию спектаклей, и мы с Салимом остались вдвоем. У нас на этот раз было действительно только одно занятие: смотреть. Так чего же мне было злиться на медленно двигавшийся поезд, ведь при длительных путешествиях по суше это все-таки самый приятный вид транспорта.

Человеку остается там только вытянуть ноги, и даже возможность вертеть большими пальцами не ограничена. Вы сидите, как на террасе, перед вами огромное окно, за которым беспрерывно меняющийся

пейзаж, и в то время как снаружи раскаленные тропики, внутри, в купе, просто холодно. Рамы в окнах двойные, открыть их нельзя, но вентиляцию и европейскую прохладу обеспечивает установка для кондиционирования воздуха. Сердце, чего еще тебе надо?

Пожалуйста, можно добавить еще кое-что. Путешественник может опустить ноги, встать и немного пройтись по поезду. Может наблюдать своих попутчиков, например, морщинистую яванскую старушку, которая едет в гости к внучатам и везет им классический подарок бедняков: нежно оберегаемого котенка.

Время от времени мы останавливаемся на вокзалах и вокзальчиках. Там можно снять пиджак и немного погулять по другую сторону окон — в тропиках. Перед ступеньками вагона толпятся люди, которые хотят сесть в поезд. Одним действительно надо ехать, другие пробиваются туда по коммерческим соображениям: они живут продажей пассажирам всякой всячины. Содержимое их корзинок — выставка народного хозяйства в миниатюре: здесь наглядно и соблазнительно разложено почти все, что рождает яванская земля.

Вот, например, фрукты. О золотисто-желтых свежих и черно-фиолетовых сушеных бананах, так же как об ананасах и апельсинах, говорить не стоит, они всем известны. А пробовали вы когда-нибудь плод, который называется сала? Он имеет форму луковицы, элегантно обтянутой чем-то вроде чешуйчатой змеиной кожи; очистив ее, вы обнаружите приятно упругую миндалевидную мякоть с гладкой косточкой внутри. Или, например, мангис. Это небольшой коричневато-красный шар. Вы разрезаете его ножом по экватору и обнаруживаете нечто очень вкусное, кисловатое, мягкое, слоистое, по виду похожее на чеснок. Или рамбутан. Вы покупаете пучок мохнатых ягод, несколько напоминающих зеленые каштаны, страхи-ваете с них муравьев — живое доказательство зрелости плода, ногтями раскрываете ягоды. Внутри вы обнаруживаете плавающее в желе белое яичко и лакомитесь. Если вы предпочитаете нечто уже приготовленное, можете получить орешки кешу, поджаренные с солью и кореньями. Вы, конечно, даже не отважитесь прикоснуться к темно-коричневой клейкой,

напоминающей пудинг массе, именуемой додол. Поэтому рекомендую вам золотистую жареную куриную ножку, тут вы ничем не рискуете...

Я сам? Спасибо, я ем почти всегда с удовольствием, об этом нетрудно догадаться, судя по тому, как я пишу о еде. Да и кому она покажется в поезде невкусной? Вы посмотрите хотя бы на живую домашнюю птицу, путешествовавшую с нами. На многих перронах среди самой отчаянной давки стояли закрытые корзины, ожидая, что кто-то куда-то их погрузит и отвезет на базар. Во все щелочки между прутьями корзин высывались куры, очевидно не подозревавшие, как легко они могут уже здесь лишиться голов. Страшно близко от их гребешков постукивали туфельки женщин и тяжелые ботинки солдат. И в этом ужасном положении, по пути на сковородку, лежащие куры сосредоточили все свое внимание на том, чтобы поскорее сорвать пучок травы, растущей в щелях между камнями.

Не ведет ли себя человек на вокзалах — и вообще на своем жизненном пути — точно так же?

Из окна вагона открывается прекрасный вид: серебристые рисовые поля на равнине, где уходят в бесконечность четырехугольники насыпей, и горы, где поля полумесяцами разных форм и размеров прорежают склоны. Горы похожи на школьную модель горного хребта, на разрезах которого преподаватель географии демонстрирует геологические напластования. Причем все это настоящее, объемное, живое, с текущей водой и движущимися людьми. А краски какие! Синее небо, насыщенный зеленый цвет риса, бананов, сахарного тростника, кукурузы и фиолетовая земля. Крестьянская одежда большей частью цвета земли, но заостренные сверху шляпы бывают пестрыми, синими, желтыми. Часто видны матери, купающиеся с детьми, а в более глубоких местах голые подростки подпрыгивают на спинах буйволов, целиком погруженных в воду — видны только ноздри и рога.

Вдали тянутся к небу вершины сопок, у твоих ног, под грохочущими мостами, зияют пропасти и сверкают на солнце водопады. Дорога вьется по гололому-

ным тропинкам, и, говорят, иной раз здесь и вправду летят головы. В результате землетрясений и ливней почва на склонах гор оползает и сдвигает с мест рельсы. Из предосторожности поезда водят лишь днем, на опасных участках железнодорожники внимательно всматриваются в пути, и все-таки уже не раз поезд срывался вместе с грузом в пропасть.

Что ж, мы позволим страху испортить нам удовольствие от путешествия?

Ни в коем случае! Куры высовывают головы из корзин, а настоящий турист не отходит от окна. Его глаза не могут досыта наглядеться на прекрасный яванский пейзаж, а его пальцы машинально очищают очередное крутое яйцо.

Всем нам суждено когда-нибудь умереть; почему вы думаете, что наш турист не знает этого? Но приговор, не приуроченный к точному сроку, кроется где-то в тумане. А туманности от нас бесконечно далеки.

Иначе обстояло бы дело, будь человеку точно назначен момент свидания со смертью. Тогда бы у него, пожалуй, пропал вкус к ландшафтам и крутым яйцам. Если мексиканский торреадор, например, знает, что ровно в четыре часа против него выпустят быка, он выпивает утром только чашечку черного кофе, не обедает и на арену выходит натошак. Поступает ли он так из страха? Отчасти, но в первую очередь это подсказывает опыт: говорят, многим спасло жизнь то, что в момент ранения у них был пустой кишечник.

Может быть, стоило бы на случай железнодорожной катастрофы тоже ехать с пустым желудком? Этого пока никто не проверил, и нет надежды на то, что это будет когда-нибудь установлено. Железные дороги функционируют уже свыше ста лет, в катастрофах недостатка нет, но появления пассажира, который согласился бы для эксперимента не есть, все еще ожидают.

ТАНЦЫ БЕЗ АДРЕСАТА

На Яве прекрасный музей, все пояснения написаны там на индонезийском языке и, следовательно, недоступны для иностранцев. Только надпись «Не трогать руками!» сделана повсюду по-английски. Если вам

удовно, можете видеть в этой мелочи выражение современного отношения Азии к Западу. Очевидно, далеко не просто завоевать доверие местного населения и убедить его, что теперь из Европы приезжает все больше дружелюбных, не ворующих белых людей.

В музее масса сокровищ. На лужайке, во дворе и на окружающей его галерее множество древних статуй, главным образом относящихся к индуистской эпохе на Яве, на втором этаже, в специальном бронированном помещении со строго охраняемым турникетом отделение золотых украшений. Залы первого этажа с богатым этнографическим материалом отражают особое положение Индонезии между обаятельной эротикой Индии и строгими идолами Полинезии. Столкнулись мы здесь и с объектом моих специальных интересов — вы ведь знаете, что я всюду разыскиваю маски. Должен ли я пересиливать себя и длинно рассказывать о других вещах, чтобы в конце концов иметь право обронить два слова о своем пристрастии? Перейду прямо к нему.

Маски на Яве замечательные. Я недавно хвалил цейлонские и вот уже немного изменяю им. По сравнению со здешними цейлонские маски грубы, даже вульгарны. Вам вдруг начинает казаться, что обилие очковых змей на них чрезмерно, что количество нагроможденных ужасов не всегда создает новое усиленное качество. Попытки создания бытовых масок тоже страдают от отсутствия единства стиля, резчики скатываются в натурализм, юмор стоит на уровне ярмарочного балагана, он не останавливается на той нижней грани хорошего вкуса, которую не должны переступать целостные художественные системы.

Яванские маски на первый взгляд однообразнее цейлонских, так как созданы в одном, определенном стиле. Но как только привыкнешь к этому камерному стилю, находишь в его пределах богатство выражений. Размеры масок здесь почти стандартны и соответствуют размерам человеческого лица, изготовлены они из легкого дерева и расписаны в одной манере. Они всегда улыбаются, некоторые тонко, даже загадочно, показывая при этом золотые зубки, другие смеются грубее, скаля волчьи клыки. Глаза у них

узенькие, лисьи, что, по-видимому, считается красивым, или же круглые, большие, выпуклые, с красными зрачками; встречаются и одноглазые чудовища. Носы героинь и героев резко очерчены, с особенным, кокетливо вздернутым кончиком — форма эта совершенно не реалистическая, я ни разу не видел на острове человека с подобным носом. Носы демонов и великанов обладают соответственными габаритами, но и они не лишены острого кончика, кроме одного типа масок с шишковидным или совсем тупым носом. Рисунок бровей, морщин, бород дополняется мелким орнаментом.

Маски мы видели не только в музее, но и во время танца, что гораздо важнее. При этом мы установили, каким странным способом они держатся перед лицами: танцовщик держит их зубами за маленький кожаный язычок, прикрепленный к оборотной стороне маски, под носом.

Из этого одного вы можете сделать вывод, что маски предназначены для танцевальной пантомимы, так как говорить, придерживая зубами такой язычок, невозможно. Сопроводительный текст декламирует кто-нибудь другой, в последнее время для этого используют громкоговоритель.

Раз мы уже коснулись нового интересного вида искусства — балета, займемся им подробнее. Я видел много танцев в масках и без них — в Джакарте и в Бандунге, но их истинной столицей оказалась Джокьякарта. Считаю нужным начать с того, что это были очень красивые танцы, потому что иногда при попытке описать танец созданная им очаровательная картина распадается на отдельные негармоничные подробности.

На Яве танцуют и женщины, и мужчины; впрочем, мы видели женщину, которая, надев маску, изображала мужчину. И никому не мешало, что роль этого мужчины — короля великанов — исполняла очень хрупкая девушка. К тому же это был злой великан: легенда наградила его сорока женами, но ему и этого было мало. Он задумал грубым насилием заполучить еще одну — красавицу Ратну, но ее вовремя освободил ее земляк, рыцарь, который затем, как полагается в «счастливом конце», сам на ней женился.

Между прочим, великаны играют в местных легендах большую роль. Они отличаются друг от друга забавными кличками; так, одного звали Кала Маритья, то есть «Перец», другого — Кала Нунгир, то есть «Тот, который ходит на голове».

Некоторые танцы, выполняемые соло, были просто монологами — отрывками из больших пантомим, но другие назывались танцами соло потому, что происходили из знаменитого своими танцами города Соло. Один из них изображает трагедию местной Джульетты, которая горячо любила своего Ромео, увлекавшегося петушиными боями, тогда как безжалостные родители обещали ее руку старому богачу. Сам богач не танцует, он только старчески покашливает и похотливо воркует в микрофон. Что же удивляться отчаянию Джульетты? Она обнажает кинжал, и кризис завершается ударом криса.

В пантомимах повествовалось о весьма драматических событиях, и все-таки они показались нам несколько растянутыми. Менее утомительным зрелищем были танцы соседнего острова Бали, в которых первоначальный эротический характер не маскируется таким количеством добродетельных штампов. В силу странного обычая эти танцы в противовес их содержанию исполняют невинные восьмилетние девочки. Учителя обернули их тела вплоть до обнаженных плечиков парчовыми свивальниками, вплели в их волосы цветы, подкрасили губы и ресницы, научили этих детей поводить глазами, бросать электризующие взгляды и в то же время внушили им, чтобы они ни на кого в частности не смотрели. Движения, которые они проделывают ягодицами, тоже не направлены по чьему-либо адресу.

В противоположность им яванские танцовщицы — взрослые, по-женски обаятельные; но строгие правила запрещают им как бы то ни было заигрывать боками или глазами. Во время танца туловище остается совершенно неподвижным, узкая юбка допускает лишь весьма скромные шаги, взгляд не останавливается на зрителях. При обучении танцам придается большое значение тому, чтобы глаза неотрывно следили за движением рук или были с полным безразличием устремлены на «точку, находящуюся на расстоянии,

второе большем, чем расстояние от глаз до пола». Нормальной темпераментной девушке очень трудно научиться этому, и я не знаю, имеет ли это смысл: лицо танцовщицы приобретает невозмутимое, отсутствующее выражение, нечто вроде спокойствия жвачного животного.

Мы были как-то раз свидетелями любопытной интермедии. На официальном приеме во время танца на подмостки пробралась кошка, обыкновенная домашняя кошка... Ее совершенно не беспокоило внимание зрителей, тотчас же сосредоточившееся на ней. Переступая своими мягкими лапками, она дважды прошла вокруг ног балерин, и, должен признать, что погруженностью в самое себя и полным отсутствием интереса к чему бы то ни было человеческому она далеко превзошла самое совершенное изображение такого безразличия у яванских танцовщиц.

Если все неподвижно — глаза, туловище, бедра, плотно обтянутые юбкой, если все сохраняет предписанную позу, то уместно спросить, что, собственно, танцует? Руки, друзья! Руки обнажены и активны, они находятся в непрерывном движении, гармоничном и бесстрастном, точно предписанном, но все-таки живом. Они описывают в воздухе живописные кривые, сталкиваются и опускаются, играют двумя лентами, являющимися важной частью костюма, без конца подымают их и снова сбрасывают с колен. Большой оранжевый шарф сворачивают в клубок, подобный снежному кому, потом забрасывают за спину... Что это значит? Не знаю. Со сложным сюжетом пантомимы, который вам излагают печатная программа или конференсье, эти движения не имеют явной связи. Неподготовленный зритель мог бы подумать, что влюбленная танцовщица легкомысленно бросает на ветер нечто не имеющее для нее никакой ценности — например, свою хорошую репутацию — и по этому поводу еще с отсутствующей улыбкой кивает головой и пожимает плечами. Но он наверняка ошибется.

Наш обычный подход к вещам здесь просто неприемлем, он слишком реалистичен, рационалистичен, направлен на практические выводы, и потому мы нетерпеливы, насмешливы, быстро утомляемся. Время

идея течет по своим законам, реальность яванских арелии сказочная, публика готова до бесконечности оставаться публикой. Оригинальность, новаторство, выдумка проявляется очень незаметно. Мастерство актеров оценивается по другим признакам. Зрителя интересует в первую очередь самый факт представления. Причем для него не так уж важно что представляют (показывают общеизвестные легенды), важно как выполняется то или иное традиционное действие.

Самое главное, что все происходящее необычно, торжественно, что оно поднимает человека над его будничной жизнью — работой, едой, отдыхом. Ритуал представления дает ему блаженное чувство принадлежности к некоей высшей, более совершенной жизни. Он в большей мере чувствует себя человеком.

И самое лучшее, что можете сделать вы, случайные зрители из Европы, это поступить со своими мудрствованиями так, как эта девушка с шарфом: свернуть их в клубок и выбросить на ветер, как ничего не стоящую вещь. Для вас должно быть достаточно того, что вы смотрите на яванских танцовщиц. Они обаятельны, неприкосновенно возвышенны при исполнении своего обряда, живут жизнью «в себе», как цветы, такие же таинственные, такие же далекие. Разве цветы скучны потому, что расцветают по своим, не всегда ясным для нас законам?

ГАМЕЛАН, ВАЯНГ, ДАЛАНГ

Пора поговорить о гамелане. Ибо весьма возможно, что дурманящую атмосферу, когда исполняются яванские танцы, создает не столько обаяние женщин, сколько музыкальное сопровождение.

Но описать звуки оркестра гамелана еще труднее, чем описывать движения танцовщиц. Может быть, мы дождемся дня, когда вместо печатного описания путешествия выпустят магнитофонную пленку и покажут на карманном экране стереоскопический фильм, который будет рассказывать, петь, играть, а, кроме того, может быть, и благоухать. Тогда автору достаточно будет произнести слово «гамелан», и раздадут-

ся те невероятно сложные, гулкие, гудящие, пульсирующие, вибрирующие, барабанные звуки, которыми этот оркестр потрясает своих слушателей.

Если бы я должен был для обозначения звука гамелана выбрать одно слово из шкалы «красивое — безобразное», я оказался бы бессильным. Я сказал бы, что это нечто неземное, а вы уж сами определите, что это такое. Впрочем, помогу вам еще немного. Говоря о неземных звуках, я не имею в виду ничего религиозного. Я хочу лишь сказать, что гамелан не передвигается по земле ритмичными шагами, к которым мы привыкли в западной музыке, и вообще не напоминает ни один из естественных или искусственных земных звуков, какие мне приходилось слышать.

Но если вы будете настаивать, чтобы я сравнивал ни с чем не сравнимые вещи, я попросил бы вас вспомнить вводные такты поэмы Сметаны «Из чешских полей и лесов», этот медвяно-пьянящий шум, этот еще не сформировавшийся сырой материал, впоследствии перерастающий в основную мелодию танца, которую ведут духовые инструменты. А теперь вообразите, что вам пришлось бы целую ночь слушать эти несколько аморфные такты, что их основные звуки никак не формировались бы в мелодию, а оставались бы заколдованными, замкнутыми в самих себе, что они продолжали бы звучать со все той же настойчивостью, и внутри этой туманной первичной материи подымались и падали бы одинокие возгласы ударных инструментов, захлебывающийся звук струны или женского голоса.

Гамелан может свести человека с ума. Если бы европейский музыкант попытался в течение нескольких часов следить за ним своим привычным к анализу ухом, у него бы голова разлетелась на части. Поэтому лучше всего — я советую это, чтобы вы сохранили здоровье и получили особое наслаждение, — отдался временно на волю индонезийских волн, воспринимать их как звуковой наркоз, которым гамелан, собственно, и стремится быть. Он вознесет вас без всяких неприятных последствий в сферы, где дочери простых жителей земли превращаются в цветы и бабочек. А в театре теней — ваянге — он поможет вам превратить

менее причудливые, малопривлекательные фигурки, вырезанные из буйволово́й кожи, в живых рыцарей и великих героев.

Почему яванская музыка столь необычна? И вообще почему при восприятии непривычных форм искусства у нас возникает ощущение, что они неестественные, надуманные, нарочитые? Почему яванцы, китайцы и другие народы, сталкиваясь с нашим искусством, воспринимают его как экзотику? Почему наши собственные дети, впервые услышав в Национальном театре такую почтенную старину, как колоратура, не могут удержаться от смеха? Почему некоторых людей оскорбляют произведения, которые они не сразу могут понять? Почему столько ругали «мазню» Пикассо (а раньше Мане, Рембрандта) или «визг» Берга (а раньше Сметаны, Бетховена)?

На эти вопросы можно дать много ответов, но ниже следующие два, как мне кажется, вскрывают суть проблемы. Владислав Ванчура любил говорить, что *каждое искусство начинается с деформации*. А Бертольд Брехт писал, что каждая хорошая сценическая постановка начинается с *Verfremdung* (отчуждения), с того, что *умышленно отличает постановку от реальной жизни*, то есть привлекает зрителя, не имитируя жизнь, не показывая ее «как настоящую», а намекая на нее, показывая знакомое как нечто чуждое.

Восприятие деформированных, намеренно «отчужденных» вещей нелегко дается потребителю, они не поглощаются как сладенький сироп, не навязываются.

Тому, что это действительно так, что высказывания о деформации, о намеренном отчуждении в искусстве не просто вымысел передовых европейских интеллигентов, мы находим много подтверждений на Яве. Мы говорили о «насильственной стилизации», которой требует от девушек здешний танец. Здешнее пение производит не более «естественное» впечатление. А в том, что в здешнем театре весьма мало «реализма», мы скоро убедимся. Разрешите только сначала дополнить мой рассказ о гамелане.

Этот оркестр состоит из большого количества инструментов. Мы видели восемнадцать оркестрантов,

говорят, что на острове Бали их бывает еще больше. Преобладают ударные инструменты: комплекты металлических котлов различных размеров, гонги, литавры, тарелки и кожаные барабаны. Кроме того, туда входят ксилофоны и инструменты, напоминающие виброфон, затем флейта сулинг и струнный инструмент ребаб. В оркестре участвует и певица. Сидящие на полу музыканты одеты в национальные юбки из батика, на головах у них круглые вязаные платки «блангкон», а не современные шапочки «конгресски».

Во время спектаклей музыканты следят за ходом действия на экране и подчиняются знакам дирижера-барабанщика, который согласовывает ритм с указаниями даланга. И тут мы переходим к главному действующему лицу всего представления.

Даланг — художественный руководитель, рассказчик, единственный актер и кукольник. Слово «даланг» значит «распространять мудрость», следовательно, он скорее поучает, чем заботится о том, чтобы вы хохотали до упаду. Даланг распространяет мудрость, инсценируя, например, древние народные эпосы «Махабхарата» и «Рамаяна» (об их значении для Индии и Цейлона мы уже говорили), внушая установленные ими законы морали, чести, мужества, добродетели. Классический материал он перемежает с импровизацией, намеками на актуальные события, с настоящими анахронизмами. Так, например, мы слышали, как в рассказ о приключениях мифического героя Арджуны вдруг ворвалась песенка о маленьком автомобиле. Кроме того, даланг вставляет в древний сюжет комические интермедии, в которых шуты высмеивают всевозможные неполадки и призывают к их устранению.

Когда составляют оркестр, никого не смущает большое количество оркестрантов и то, что иной из них лишь время от времени ударяет палочкой по гонгу. Но у даланга уйма работы, он всю ночь разрывается. Сидит он перед экраном босой, скрестив ноги, руководит оркестром, даже не оборачиваясь к нему, и при этом говорит за всех кукол, имитируя различные голоса, напевает, подготавливает кукол, меняет, подымает их, прижимает к экрану, виртуозно передвигает, заставляет здороваться, разговаривать, сражаться. Сражения он показывает с особенным вооду-

шевлением, убитые у него падают, а стержни тех кукол, которые пока только наблюдают спектакль, он итыкает в один из банановых стволов, образующих нижний край сцены, причем на верхнем стволе размещает господ, а на нижнем — слуг. Но это еще не все. Даланг обеспечивает и звуковые эффекты. Пальцами правой ноги он держит палочку и усердно бьет ею по стоящему слева ящику, в который после спектакля складывает кукол. Во-первых, он таким образом подчеркивает все, что считает важным, во-вторых, подает музыкантам знак к перемене ритма и, в-третьих, усиливает шум ударов при сражениях. Просто поразительно, какие взрывы он умудряется таким образом вызвать. В нашем представлении тени обычно связаны с тишиной, но каждое движение яванских кукол сопровождается треском, заглушающим даже гулкие звуки гамелана.

Как выглядят куклы? Спектакль идет на совершенно пустой сцене, и потому все внимание, так же как в пекинской опере, сосредоточивается на любовном украшении внешности актера. Ваянги оформляются в первую очередь так, чтобы они отбрасывали интересные тени. Мы уже раньше упоминали, что кукол вырезают из твердой буйволовой кожи, контуры их так тонки и ажурны, что походят на замысловатые кружева. Зрители сидят по обе стороны экрана: одни видят тень, другие — самую куклу, поэтому очень важно, насколько искусно вырезана кукла.

Руки кукол соединяются шарнирами в плечах и локтях, их движениями управляют при помощи двух палочек. Палочка соединяет кисть куклы с пальцами даланга, но бывают моменты, когда она приобретает самостоятельность, превращается в саблю. Даланг выпускает ее, она словно по волшебству взвивается и обрушивается на врага куклы. Слово *волшебство* здесь вполне уместно, мне приходится применять его всюду, где ловкость и искусство даланга превышают мои изобразительные возможности.

Представим себе поединок двух рыцарей. Даланг ведет каждой рукой по кукле, кроме того, пальцами той же руки он управляет палочками, связанными с руками куклы. Поединок длится долго, сменяется множеством приемов и уловок, сыплются пинки и тумак,

ставятся подножки, одни герои прибегают к оружию, другие пускают в ход зубы. Я видел великана, который силился перекусить героя пополам, подымал его, тряс, швырял на землю. Видел куклу, пронзенную крисом. Она упала, каталась по земле и потом на глазах у публики умирала.

При этом ничто не отягощено натуралистической логикой, все происходит в нереальном, сказочном мире. Маленькие побеждают больших, безоружные играючи одолевают вооруженных, один из героических братьев вынужден ползать по земле, тогда как другой, такой же бескрылый, умеет летать. Арджуна вызывает восторг зрителей, своим прославленно мягким, спокойным ударом повергая в прах разъяренного великана... А благодарная публика готова сидеть в зале до утра, приходить смотреть продолжение спектакля завтра, послезавтра, несколько ночей подряд. Причем путь в театр может быть очень длинным. Будущим зрителям приходится недоедать, недосыпать, а иной раз и порядком мокнуть.

Такого героизма наши зрители не проявят, даже если бы в конце этого пути маячили билеты на международный матч с Канадой. А уж если бы речь шла о театре, да к тому же о кукольном...

Счастливая Ява!

ПУГАЮЩЕ СМЕШНЫЕ БОЖЕСТВА

Являются ли куклы ваянга карикатурами? На реалистический рисунок они, во всяком случае, не походят. Тени мы видим всегда в профиль. У всех героев и героинь — даже у прославленных своей красотой, силой и мудростью — скошенный лоб, длинный нос и вообще лицо срезано под таким углом, который, как нас учили в школе, не свидетельствует о высоком интеллекте. Их фигуры, по нашим представлениям, тоже некрасивы. Тонкие шеи, неестественно вытянутые плечи, худые руки с узлами браслетов; все это напоминает божественную Бетти — партнершу моряка Пепика из старинных чешских комедий.

Я не отваживаюсь исчерпывающе объяснить, что все это значит. Выскажу лишь несколько замечаний

по этому поводу, и не сердитесь, если даже они окажутся непростыми.

Я полагаю, что куклы театра ваянг, так же как маски танцоров, — это пример сознательной деформации, брехтовской *Verfremdung*. Художники всех народов бывали помощниками шаманов, священников, пророков, проповедников, обличителей и реформаторов. Для помощи в пропаганде их идей художники испробовали различные методы воздействия на общество. Они стремились нащупать слабости даже самых черствых людей. Чтобы воздействовать на чувства этих людей, надо было потрясти их, а для этого проникнуть глубже поверхностных, ленивых мыслей. Художник, чтобы преодолеть рутину повседневных привычек своих зрителей, прорваться сквозь слой жира, покрывающего их нервы, установить контакт с тем, что действительно движет человеческими поступками, иногда прибегает к шоку. К потрясению, которое вызывает, например, столкновение с поражающими, пусть даже страшными или причудливыми формами.

Не казалось ли вам странным, что в Индии или в Тибете, в Мексике или в Африке, да и еще во многих местах выступают в масках, порой даже карикатурных? Почему художники не постарались сделать лица всех идолов такими же приветливыми и милыми, как у Амура или Венеры, как у младенца Христа и Мадонны? Почему они не стремились к внушительной монументальности Аполлона или южноиндийского Будды?

В первую очередь художники не задавались целью воплощать только таких небожителей и такие скрытые силы природы, с которыми можно договориться по-хорошему. Бог не всегда кроткий и вознаграждающий покровитель добродетельных семейств. Так, например, в библейской Книге Иова приводится образ ужасного бегемота как выражение божественной красоты; человек не может постигнуть ее, но должен покорно склониться перед нею. И в эпоху Возрождения боги Микеланджело излучают не спокойную красоту и утешение, а мечут молнии и предвещают человеку мрачную участь. Уродливая богиня земли в Мексике рождает жизнь, ненасытно пожирая ее. Жаждут крови вавилонский Ваал и христианский Апокалипсис; тыся-

чи дьяволов украшали себя черепами — от богини Кали до гитлеровских молодчиков, возрождавших нордические мифы.

Все это было бы легко понять, если бы художники прибегали только к страшным маскам: речь шла бы о простом запугивании. Но гораздо труднее понять, как затесались среди этих смертельно серьезных вещей двусмысленный гротеск и подозрительное коварство.

Говорят, что от страшного до смешного один шаг, так как страх переходит иногда в освобождающий смех. Например, Вашек в «Проданной невесте» прекращает панику, сорвав с головы маску медведя, и люди, в ужасе бежавшие со сцены, останавливаются и хохочут. Но разве до этого смеха был только один шаг? Разве не преодолевались при этом довольно серьезные препятствия? «Спасайтесь! Медведь!» — кричал кто-то. Разум столкнулся с хищником, с чем-то непостижимо страшным и спасовал. Было такое мгновение, когда казалось, будто он может свернуть с привычного пути. Но потом обнаружилось, что паника была ложной... тут же открылась отдушина смеха, и параставшее напряжение приятно разрядилось.

Вашек хотел, чтобы его маска была *как живая*, он стремился вызвать представление о настоящем медведе; игрой она стала в тот момент, когда выяснилась подделка.

У масок богов это далеко не так просто. Их гротескность не в том, что они были сначала страшными, смешными они становятся не после того, как их наденет обыкновенный смертный. Впечатление такое, что они с самого начала задуманы немножко смешными. Они стоят *на грани* между страшным и смешным, как раз там, где пролегает нечеткая граница между тем и другим. Художник создал маски так, словно хотел использовать неуверенность, неустойчивость, тревогу, при которых человек теряет контроль над собой.

В просто страшном человек разбирается (он даже любит легкую щекотку страха, об этом свидетельствует популярность страшных рассказов, фильмов и т. д.), просто смешным он наслаждается еще больше. Но он не любит промежуточных состояний и, когда не знает, что ему думать, теряется. Легко сказать

ужасу «Нет!» и веселью «Да!». Но что сказать чему-то находящемуся между ними, когда ответ не приходит сам собой, когда от неуверенности робеет самый искусный говорун, которого вообще ничем не смутить?

Робость. Именно такой шок стремились вызвать творцы гротескных масок. Не доводить до того, чтобы от страха захватило дух — такой страх быстро испарился бы или под влиянием привычки утратил свою действенность. В жизни наказание не всегда следует быстро, очевидно и автоматически за преступлением, и отлично известно, что совершающие преступление не так уж боятся бога (или правосудия вообще). Священники всегда знали, что гораздо лучше пробуждать совесть. Нет необходимости заставлять людей цепенеть от страха, достаточно вселить в них робость.

Самая натуральная маска медведя не кусает, что ж обращать на нее внимание? Но поместите в храм божество с таинственно гротескной, пугающе смешной маской, и, быть может, циник встревожится. Маска неподвижна, но влияние ее длительно. Она как бы говорит: «Неужели ты все знаешь? Действительно все? Обо мне, о себе?»

От такого колдовства не застрахованы даже цивилизованные люди нашего времени. Франц Кафка умудряется, например, держать своих читателей на протяжении всего романа именно в таком тревожном состоянии неуверенности. Он создал некий таинственный суд, недоступную крепость и снабдил их всеми свойствами пугающе смешных масок божества. Его рисунок, полный неприятных, отвратительных подробностей, в то же время так навязчив, что читателю не удастся освободиться от его гнета. Читатель не может отделаться заранее готовым ответом ни от «Процесса», ни от «Замка», а это, вероятно, главное, к чему стремится автор: нарушить рутину общественного благополучия, изгнать равнодушие из обжитых берлог мещанина-хищника, поставить его лицом к лицу со взбудораженной стихией.

Таким образом, я прихожу к выводу, что творцы масок, по-видимому, намеренно придавали им пугающе смешную гротескную двойственность. Они награждали бога чертами зверя и смешивали особенное с

обыденным, благородное с пошлым, притягивающее с отталкивающим. Примитивные художники, так же как рафинированные, чувствовали, что таким образом можно создать благоприятную атмосферу для атаки на человеческое безразличие.

Для чего же прибегают к такому приему? Художникам надо иногда встряхнуть человека. Они хотят поколебать почву под его ногами, чтобы он не чувствовал себя таким отвратительно самоуверенным. Чтобы не воспринимал все как очевидное, заранее данное, гладкое. Чтобы призадумался. Лучше вел себя. Изменился.

Свою атаку художники часто вели с позиций религии, но это не значит, что ее нельзя предпринимать с других позиций. Думающий, активный человек нужен в первую очередь тем, кто стремится к изменению общественного порядка.

Художники вели наступление на самовлюбленного мещанина самыми разными средствами. Гоголь прибегал иногда к мистификации, Салтыков-Щедрин к гротеску, Маяковский к оскорблению, Гашек к розыгрышу.

Мне кажется, что пугающе смешные маски богов принадлежат к разряду древнейших средств этого рода.

О ВЕЩАХ, СИМВОЛИЗИРУЮЩИХ МИР

Должен ли театр, стремящийся воздействовать на простых людей, показывать на сцене тех же простых людей? Может, но не должен. Тому, кто захочет наглядной иллюстрации этой истины, достаточно будет указать на яванский ваянг. Там выступают сплошь рыцари, полубоги, великаны, даже слуги-шуты не являются простыми смертными. И все-таки ясно, что перед вами народный театр, который говорит на понятном современной публике языке и в будущем сможет говорить на нем о многих, еще более новых вещах.

Первый даланг, с которым мы встретились, был маленький человек по имени Гитосевоко. Его ваян-

говый ансамбль — домашний театр президента. В Индонезии все знают, что «Бунг Карно», как фамильярно называют высшего представителя государственной власти — Сукарно, может просидеть целую ночь перед экраном своего кукольника. Даланг интересными приемами показывает древние сказания, преподносит их так, чтобы заинтересовать современных зрителей, включает в представление то, что говорит улица, о чем она мечтает, что ей нравится, над чем она смеется. История переплетается у него с историйками, религиозные события со сплетнями, популярными песенками, народной философией.

Если бы президент Сукарно просто искал развлечений, он мог бы смотреть новейшие заграничные фильмы; многие на его месте так бы и поступали. Но он любит слушать старого даланга, который преподает ему важнейшую для политика мудрость: знание собственных избирателей.

Антонин Запотоцкий любил слушать новые анекдоты. Ему хотелось посмеяться? Наверное. Но в первую очередь он хотел знать, что делается внизу, в Праге.

Театр теней ваянг стал важной частью яванской культуры. Его окружили символикой, сделали зрелищем, выходящим далеко за пределы простого развлечения. Наш театр тоже иногда торжественно возводят в ранг «сцены, символизирующей мир». И он играет роль, связанную с национальной историей, с чувствами не только отдельных зрителей, но и народа в целом.

Тенденция приписывать театру высокую миссию является всеобщей. В Мексике я убедился, что даже кровавому бою быков можно приписать задачи, подобные тем, которые выполняла древнегреческая драма. Всегда, мол, выполняется трагический ритуал, отображающий судьбу человека во всем мире. Утверждают, что хороший спектакль, где бы его ни ставили — на арене, в амфитеатре или на современной сцене, помогает спланивать людей, объединять отдельные личности в общество. Он очищает души людей, как хорошая ванна.

На Яве мы привыкли к тому, что мир отображается не на песке арены, а в первую очередь на белом полотне экрана. И тогда лампа перед ним, без которой не было бы театра теней, превращается в солнце. Вправо и влево от плоскости, на которой предстанут действующие лица драмы, располагается толпа кукол-зрителей. Это немые свидетели, но их присутствие придает событиям значимость: они символизируют человечество. И кем может быть тогда даланг — рассказчик, вдохновитель теней, вдыхающий в них видимость жизни, *spiritus rector* всего спектакля, — как не самим богом? Ведь в его руках все развитие действия, он всемогущий вершитель всех судеб, интриг, всех дьявольских козней (вежливо именуемых искушениями), он награждает и карает, все решает и дает отпущение грехов.

Разрешите мне здесь несколько отклониться в сторону. Образ бога, управляющего людьми, как марионетками, возникает и в умах европейцев. А так как у нас марионетками обычно управляли сверху при помощи ниток, это способствовало созданию совершенно определенных представлений. Наш боженька скрывается где-то над актерами, сам не появляется, остается невидимым, но дергает ниточки.

На Яве возникает другое представление. Кукольник здесь виден, он физически присутствует на представлении, выступает как рассказчик, лишь время от времени отвлекая внимание зрителей к маленьким куклам, действиями которых он подкрепляет свои слова. Куклами бог-даланг управляет снизу, с земли. Может быть, человек, склонный сравнивать разные религии, найдет в этом различии театров объяснение различиям между древними народными верованиями на Яве и у нас?

До сих пор мы говорили о театре ваянг так, будто есть только один его вид. Слово «ваянг», правда, значит «тень», но из этого не следует, что не может быть других ваянгов, кроме театра теней. На Яве этим словом называют много типов театра, в том числе и театр живых актеров на сцене, имеющей три измерения. Связь с первоначальным названием объясняется тем,

что все эти виды зрелищ возникли из магических церемоний. Когда в семье происходили важные события, вызывали тени предков. Основываясь на древнем опыте всего рода, они должны были давать советы потомкам.

Наряду с настоящим театром теней с плоскими кожаными фигурками — ваянг кулит — мы видели прекрасную игру деревянных кукол ваянг голек. Живые актеры создают театр ваянг оранг с классическим репертуаром, напоминающим репертуар кукол. Ставят на Яве и произведения современной мировой драматургии. Мы видели, например, героиню «Норы» Ибсена, именуемую здесь Ратаной и одетую в сари из батика. Надеемся, что это поможет ей сыграть в борьбе за равноправие яванских женщин такую же роль, какую она сыграла когда-то в европейской одежде.

Специалист рассказал бы вам о существовании более чем пяти видов театра ваянг, но нам достаточно посмотреть объемных кукол, родственных нашим «яванкам», с которыми мы сейчас путешествуем. Это настоящие куклы с деревянными головками, одетые в платье, сшитое из материи, и управляемые снизу при помощи палочек. Черты лица этих кукол ничуть не интеллектуальнее, чем в театре теней. Между лицами женских и мужских героев почти нет разницы: носы выдаются далеко вперед, лбы отступают сильно назад, в общем они напоминают головки белых мышек. Между прочим, не заметили ли вы, что головы Гурвинека и Шпейбла, любимцев нашей детворы, тоже имеют особую форму и из-за наклона лба, огромных ушей, носов и глаз скорее напоминают зверюшек, чем людей?

Спектакли объемных кукол мы видели дважды, сначала в Бандунге, а затем в Джокьякарте. Во второй раз они нам понравились гораздо больше — были более человечными. Не благодаря некоторым натуралистическим деталям, например, настоящим волосам, а потому, что гораздо лучше двигались. В Бандунге чувствовалось, что артисты первоначально задавались целью преподавать курс мифологии, иллюстрированный куклами. Против нас сидели, без всякого намека на сцену, возглавляемые далангом музыканты. Перед далангом стоял ящичек, обтянутый оранжевым сукном; свободно, непринужденно беседуя, даланг на-

девал кукол на руку, расправлял их мантии и затем демонстрировал диалог или поединок, подняв кукол приблизительно на высоту своей груди.

Даланг Видипраитно, которого мы видели в Джокьякарте, умел в такой же обстановке создать гораздо больше эффектов. Его герои явно дышали, их плечи приподымались, а по тому, как ускорялось их дыхание, можно было судить о волнении, которое их охватывало при виде прелестной героини. Поединок был потрясающим, сыпались зуботычины, чертовски элегантные пинки и грубые тумак, фехтовали мечами и копьями, одна кукла даже стреляла из лука, другая начисто снесла сопернику голову. Ярость бойцов никак не остывала, они истязали даже трупы своих врагов и безжалостно подметали ими сцену. Получившие самый обыкновенный удар по голове, отряхнувшись, продолжали бой. Получившие более сильный удар падали, затем осторожно приподымались, опираясь руками, поднимали голову и, отдуваясь, тупо смотрели на публику.

Победитель после сражения оправлял одежду, подтыкал за пояс падавшую юбку, утирал ее кончиком лица и, заливчато заломив сползшую шапку, принимал прежний вид. Придворные дамы расправляли шлейф так же естественно — или так же искусственно, — как настоящие танцовщицы.

И всего этого, как по волшебству, добивался даланг одними руками. Более того... Так как здесь нет подмостков, то и не на что падать. Поэтому падающие куклы спотыкаются о воображаемую черту в воздухе, а носы разбивают не о пол, а о звуковой эффект: о сильный удар ноги даланга по ящику. И все-таки я никогда не видел более реалистического падения.

ИНТЕРМЕДИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ МИКРОФОНУ

Ваянг голек, театр объемных кукол, живет, реалистичнее, человечнее, и все-таки у него ряд недостатков по сравнению с театром теней. Во-первых, картина, возникающая на экране, лучше просматривается

издали, благодаря своей четкости она доступна большому количеству зрителей. А богоподобному далангу легче отвлекать их внимание кверху, к происходящим на экране событиям. Правда, плоские фигурки менее подвижны, головы их скованы, но им помогает волшебство тени, наделяющее их таинственной жизнью. Ничто здесь не находится в состоянии покоя, экран при движении кукол или колебаниях воздуха вздувается, тени получают нервные, порой развевающиеся, порой искаженные. Летящий демон удаляется от лампы; сначала его очертания размыты, но они тут же съеживаются, и контуры становятся ясными... Это лишь один из приемов театра теней. Добавьте к этому настойчивое треньканье гамелана, окружающую вас теплую ночь, шелест листвы тропических деревьев и блеск глаз смотрящих детей... Должен сказать вам, что такой спектакль — большое переживание.

И все-таки даже на Яве нельзя как следует насладиться старинным театром. Я думаю, например, насколько волшебнее были бы тени, если резкий и неподвижный источник света — электрическую лампу — заменить древним колеблющимся пламенем светильника.

Вмешательство техники не всегда благотельно, мы говорили об этом уже по поводу спектакля индийских кукольников. Но сейчас я хочу привести особенно важное возражение, которое относится и к нам. С запада на восток, вплоть до самых, казалось бы, нетронутых видов народного творчества, распространяется поверие, будто музыка, чтобы быть красивой, должна пройти через микрофон. В захолустных деревушках Цейлона мы страдали от рева громкоговорителей, а на Яве нам пришлось в маленьком закрытом помещении слушать мощный гамелановый оркестр через усилитель.

Разве человеческий слух ухудшился вследствие какой-нибудь болезни? Неужели граммофон, радио, кино ухудшили его настолько, что мы уже не воспринимаем неискаженный звук живого инструмента даже в тех случаях, когда сидим непосредственно перед ним? Здоровый человек, который отказывается от натурального кофе и пьет суррогат, показался бы нам

подозрительным. Но все мы идем на то, чтобы певица джаза, стоящая в каком-нибудь метре от нас, гудела в микрофон. Быть может, для нас важен эффект интимного шепота, слышимого дыхания? Вовсе нет. Просто нам хочется, слушая, мнить себя участниками фильма. Мнить... К мнимой цивилизации наших увеселительных заведений не подходят волнующие, ничем не прикрытые свойства духовых инструментов, не говоря уж о бархатистой нежности виолончели. Все это записывают в микрофон, пропускают через хрипящую мясорубку. Скоро наш извращенный организм разучится отличать свежую красоту от консервированной.

Не думайте, я не сторонник только старых методов, но меня раздражают консервы, плохие суррогаты. Репродукционные аппараты еще очень несовершенны; я от всей души желаю техникам, чтобы они при помощи стереозвука и других нововведений как можно скорее усовершенствовали их. Но и после этого надо будет пользоваться ими только там, где это неизбежно. А оркестры, находящиеся от нас на расстоянии одной ступеньки, конференсье, актеров, кукольников, народных певцов, декламаторов не следует снабжать излишними техническим приборами.

В тропиках дело с этим обстоит еще хуже, чем у нас: там сильно колеблется напряжение в сети, аппаратура от сырости портится. Об этом мы уже говорили. И все-таки даже там деревенские музыканты и кукольники воображают, что без микрофона они окажутся в доисторических временах. Двадцатый век они догоняют, покупая громкоговоритель и включая сильнейшие электрические лампы.

В конце концов всякий шум стал для нас невыносимым. Не только из-за физической боли в ушах и тщетной жажды насладиться чистыми звуками. Наша совесть была чуточку нечиста из-за причастности к импорту микрофоновой псевдоцивилизации. Машины? Тысячу раз да! Но для работы. А для развлечений, поскольку это возможно, ради бога живой голос, живой инструмент, непосредственное тепло, идущее от человека к человеку. Без суррогата, без мясорубки, без мнимостей.

И вот здесь сразу, без всякого перехода, я кончаю заметки о куклах, танцах и музыке на Яве, так как мои товарищи отказались читать их. «Выезжая с тобой, — заявили они, — мы мирились с тем, что ты скорее коллекционер масок, чем автор путевых записок. Рядового читателя ты привлек к этой книге обещанием веселых приключений. Так расскажи же что-нибудь веселое. Посмотри, как умеют некоторые писатели преподносить экзотику. В крайнем случае рассказывают что-нибудь милое о животных и детях. На Яве много прелестных ящериц, знаешь ты что-нибудь о них?»

Ящерицы титияк. Как их не знать! Они сидят во всех комнатах на стенах, неподалеку от лампы, почти прозрачные, словно безжизненные, и вдруг срываются с места, чтобы проглотить севшую неподалеку мушку. А то чуть-чуть нетерпеливо постучат хвостиком по стене или окну, как мы барабаним иногда пальцами по столу, напоминая официанту о давно заказанном шницеле.

Как-то меня пригласили в индонезийскую радиостудию. Там мне пришлось делать то, что все мы делаем стиснув зубы: отвечать без всякой подготовки, прямо перед микрофоном, на вопросы хорошо подготовившегося репортера. Когда я с грехом пополам разговаривал, прорвавшись сквозь дебри первых «оттого», «потому что», «значит», раздался резкий стук в окно студии. Это была всего лишь ящерица титияк, но она буквально сорвала мое выступление. Я так и не перестал заикаться, и тут уже в моем рассказе нет ничего веселого.

Однажды наше посольство прислало нам красиво отпечатанное приглашение, а так как посольству неудобно приглашать на пиво, оно звало на чай. Но пиво подавали, чем мы были очень довольны. Было жарко, и Карлик обнаружил на подоконнике огромного зеленого жука-богомол. «Богомол!» — воскликнул он и бросился к нему, как титияк на муху.

Зажав его пальцами, он восторженно показывал жука нашим девушкам — это был первый богомол за время нашего путешествия. А они, словно увидев не редкое насекомое, а хищную домашнюю мышь, визжали, притягивая к шее вырезы вечерних платьев,

не слушая заверений Карлика, что этот жук только раскачивается, как молящийся человек, и почти не кусает людей. Возникшая паника нарушила респектабельность дипломатического приема, и на этом веселый рассказ снова кончается.

Кстати о прелестных детях. Не помню уже где, кажется в Джакарте, я наблюдал стайку смуглых мальчишек, стороживших автомобили иностранцев, то есть вымогавших бакшиш у каждого, кто поставил свою машину на стоянке. Не заплатившие им рисковали при отъезде обнаружить, что камеры шин пусты. В остальном эти ребята были безобидными и улыбающимися. Они помнили всех своих клиентов и заучили по несколько слов на их языке. Наших земляков, например, они встречали громким: «Ну тебя!». А при расставании, подставляя ладонь, попрошайничали: «Отвяжись!».

ГИГАНТЫ НА ПУТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Коллекционеров географических названий, напоминающих Прагу, обрадует, что на Яве есть река Прого. У ее слияния с рекой Эло находится город Прояга, к которому стекаются паломники. Неподалеку оттуда высится фантастическое здание, ничего общего с Прагой уже не имеющее, но настолько интересное, что заслуживает подробного описания. Вспомните, как, рассказывая о дагобах цейлонских тиранов, я предупреждал вас о предстоящей встрече с еще ббльшими, невероятными каменными гигантами. Вот первый из них: Боробудур.

Боробудур — гигант, одно его название звучит ошеломляюще. Никто точно не знает, что оно означает. Есть несколько теорий. Пытаясь дать перевод, предлагают слова «монастырь», «храм», но они направляют нашу мысль по ложному пути. Это святилище совершенно иного типа: необитаемое, без интерьера, без крыши. Это искусственно созданная гора, прорезанная лабиринтом дорожек; по этим дорожкам строившие здание архитекторы хотели увести паломника из земного мира, полного заблуждений и страстей, куда-то ввысь, в мир идей, к спасению.

Чтобы пояснить все это известными нам понятиями, сравним Боробудур с крестным ходом, изображающим путь Христа. И там верующего ведут вверх, на гору. Гора эта изображает Голгофу под Иерусалимом, а паломник отождествляет себя с богом, который во имя спасения людей пошел на земные страдания, чтобы человек, идя по его стопам, стремился достигнуть небесного блаженства.

Но и такой аналогии, пожалуй, недостаточно. Современный ребенок мог бы спросить, что такое спасение, небесное блаженство, почему люди стремятся ввысь, а если уж они это делают, то почему прибегают для этого к религии, а не к ракете. Впрочем, у современного ребенка есть опыт, дающий возможность приблизить к его пониманию такие постройки. Разве он порой не идет в школу по совершенно определенному пути, надеясь, что это принесет ему удачу? Разве он никогда не верил, что, дотронувшись до угла определенного дома или не наступая на щели между камнями мостовой, он предотвратит двойку по арифметике?

Древняя магия сопутствует отдельным детям так же, как она сопровождала детству цивилизации. В этот период человек был гораздо больше, чем впоследствии, игрушкой судьбы, не поддающихся контролю сил. Мир казался труднодостижимым сплетением угроз и опасностей. И противопоставление ему простой логики или физической силы представлялось дерзостью. На все, что человек воспринимал как иррациональное и сверхъестественное, он пытался воздействовать тоже при помощи иррационального и сверхъестественного. Стремясь избавиться от страха, он часто полагался на «явные» случаи волшебства, на жертвоприношения, посты, заклинания, молитвы.

Магия, будь она черной или религиозной, простой или сложной, всегда одна и та же. Прыгать заранее установленным стилем по дороге в школу, избегая щелей между камнями мостовой, — магия очень примитивная, соответствующая детскому уровню развития. Путь, открывавшийся в Боробудуре перед паломниками, был в интеллектуальном отношении гораздо сложнее. Ум его строителей был более зрелым, по своей мощности подобным уму ученых, проектирую-

щих в наше время — тоже как средство устранения страданий людей — большие гидростанции.

Тысячелетие не такой большой срок, и вряд ли могли измениться клеточки мозга взрослых людей. Но несомненно менялись среда, средства производства, эпоха. А они могут направить творческие усилия людей по самым разным путям. Не всем мыслителям, архитекторам и мастерам, обладавшим золотыми руками, посчастливилось приложить свои силы в направлении, которое мы сейчас воспринимаем как прогрессивное. Многие из них заблуждались, шли окольными путями, ошибались, создавали вспомогательные системы, которые не могли вести к прогрессу... И иногда тщетность их усилий выявлялась лишь через много столетий.

Боробудур — грандиозное творение человеческого ума, отвергнутое и покинутое тотчас же после создания. Оказалось, что оно не соответствует поставленным задачам, его нельзя было использовать и для других целей. Оно было создано примерно в восьмом столетии как эксперимент буддийской, так называемой махаянской мистики и вскоре после окончания постройки опустело. Правители страны приняли другую религию, попытались найти другой, тоже мнимый выход и покинули Боробудур на произвол судьбы.

Однако пора уже описать это здание. Подножие его почти квадратное, длина каждой стороны сто двадцать метров, высота — сорок метров. Пирамидальная гора состоит из девяти слоев, террас. Шесть нижних параллельны фундаменту, три верхних — круглые. Четырехугольные террасы окаймлены украшенными рельефами балюстрадами. Рельефы нижней террасы находятся ниже уровня земли и потому не видны. Стены второй, третьей, четвертой и пятой террас украшены рельефами так, что паломник идет между ними как по коридору. Шестая терраса открытая, совершенно недекорированная. На трех последних голых террасах высятся семьдесят две увенчанные куполами дагобы, сложенные из ажурных каменных плиток так, что можно заглянуть внутрь; в каждой из них статуя одного из многих Будд этой религии. На вершине — главная дагоба с массивным сводом, завершенным шпилем.

Весь мрачный комплекс Боробудура, от фундамента до этого шпиля, является в сущности одной гигантской дагобой. Она лишь чрезвычайно сложно расчленена, в ней множество небольших ниш и шпилей, и потому нельзя с первого взгляда распознать замысел ее строителя.

Первое впечатление хаотично, неприятно, отталкивающе. A heap of stones — грудой камня назвал ее человек, хотевший отговорить меня от трудной поездки в Боробудур. Прибегая снова к отечественному сравнению, спрошу вас: были вы когда-нибудь в Куксе? Один из величайших скульптурных памятников Чехии тоже кажется на первый взгляд унылой грудой черного камня. Как можно было, спросите вы, нагромождать на сравнительно небольшой площади такое количество черного камня? Ведь отсюда совершенно изгнали природу и заменили ее искусственной системой каменных добродетелей и пороков...

Это сравнение приводит и к дальнейшим параллелям. Кукс тоже порождение абстрактной мысли. Мысли — в этом опасность всякой абстракции, — оторванной от реальности и превратившейся в чудовищную систему. Кто-то задумал здесь каменной символикой выразить нравственную систему мира. Скульптор, исходя из причудливой католической мистики, которая еще чувствуется в его почерке, пришел к мистике просветительской, масонской. Он мечтал об утопии, которая исцелила бы целиком общество той эпохи.

Кукс — это попытка графа начала восемнадцатого века создать модель справедливо организованного мира.

Боробудур был предпринят на девять столетий раньше попыткой буддийских вельмож создать магически воздействующую модель мира. Мира, напоминающего лабиринт, из которого ведет путь ввысь, к преодолению трудностей, к отрицанию жизни, к раю, к нирване.

Сейчас уже нет необходимости опровергать идеи, которые привели к созданию Кукса, и полемизировать с особым оттенком буддизма, нашедшим свое выражение в Боробудуре. Оба эксперимента не удались, экспериментаторы исчезли, модели мертвы.

Того, кто в наше время отправляется посмотреть на Кукс или Боробудур, занимает не мистика, а нечто другое. Его обычно интересует искусство, переставшее быть предметом культа, статуи как таковые. И лишь изредка кто-нибудь, как мы в последующих главах, задумывается над тем, что должно было выражать это произведение, кто его заказал, кто создал и оплатил.

ЗРЕЛИЩЕ ДЛЯ БОГОВ

Загадки Боробудура начинаются с фундамента. Первая из них — загадка нижней террасы с засыпанными рельефами. Археологи предполагали, что эта терраса была сначала на поверхности и исчезла под землей лишь впоследствии, когда возникла опасность обвала всего здания и решили укрепить его нижнюю часть. Но последние исследования показали, что это не соответствует действительности. По-видимому, художники сразу поместили всю эту красоту под землей.

Так ли это невероятно? В египетских пирамидах или цейлонских дагобах тоже были скрыты художественные ценности, не предназначенные для человеческого взора. И в христианских церквах бывают детали, отделанные чрезвычайно тщательно, но находящиеся в таких местах, где ни один глаз их не разглядит.

Нижние рельефы Боробудура были намеренно размещены под землей. На них изображены сцены, происходящие в аду и напоминающие о мирских событиях, которые нельзя было не отобразить в реалистической модели Вселенной; но для пути паломника они значения не имели.

Уже принимая решение отправиться в путь, паломник преодолевал в себе все будничное, банальное. Поэтому он, *минуя* засыпанные землей символы повседневности, вступал прямо на вторую террасу, украшенную сценами из жизни Будды. Он еще не покидал юдоли лжи и страданий, но был уже на правильном пути и шел по нему вдоль изображений того, кто от них освободился.

Мы могли бы таким образом продолжать подниматься с нашим паломником, но нас интересуют не пути мистиков, а более общие вопросы. Нас интересует, например, смирение художника. Его готовность служить, создавать прекрасные и требующие затраты больших сил произведения, которых, вероятно, никто не увидит и не оценит, лишь бы они заняли твердое место в определенном, великом целом.

Затем нас интересует приспособление методов художественного выражения к обстоятельствам. В противоположность изображениям крестного пути Христа на Голгофу в боробудурских рельефах нет жестоких сцен мучений и убийств. Драма разыгрывается здесь как совершенно точно установленный церемониал. В отличие от произведений тибетской махаянской мистики здесь полностью отсутствует и бурная эротика.

Боробудур — чрезвычайно произвольная, искусственная модель мира, она преподносит мир в таком же стерилизованном виде, как шахматная доска — поле битвы. Без криков раненых, без смрада вывалившихся внутренностей, без физического напряжения.

Нас интересует также то, что земную юдоль символизируют здесь ходы, идущие по квадрату, изломанные, неоднократно сворачивающие, необозримые, тогда как сфера нарастающей свободы, избавления, вечности отображена плоскостями закругляющимися, не ограниченными балюстрадами, равномерно расходящимися от центра во все стороны. В разделе «посюстороннего» человек не видит того, что творится за ближайшим углом, но он окружен конкретными многообразными картинками, подробными и выпуклыми. Мир «высшей свободы» тяготеет к абстракции, он строг, заполнен лишь однообразными куполами дагоб и однообразными, повторяющимися, однотипными классическими Буддами. Он холоден и скучен. Но оттуда открывается величественная панорама. На этой высоте между нами и мощным горным хребтом уже нет никаких препятствий. *Искусство* нам больше не мешает.

Неужели его смирение зашло настолько далеко, что оно хотело доказать свою собственную тщетность? Показать, что оно является лишь украшением

пути, а не его целью? Чем-то таким, что должно наскучить и потому стать невидимым, чтобы человек обратил свой взор к чему-то воистину существенному, важному?

И вдруг нам начинает казаться, что скука охватила нас уже при виде первых мирских рельефов. Их было так много! На пути к спасению паломник, войдя в здание внизу, огибал его, поднимался на следующую террасу, снова огибал здание, поднимался выше и так далее. Добираясь к верхней дагобе, он проходил несколько километров, успевал увидеть около восьми тысяч погонных метров рельефов, заполненных бесчисленными великанами, гномами, множество других видов украшений и, наконец, семьдесят две статуи сидящих Будд...

И в изобразительном отношении это путь от приятного зрелища к сухой, направленной на одну точку мысли. От многообразия к единообразию. От необозримого к поддающемуся обозрению, то есть к тому — вот она, мудрость языка! — что можно презреть, вообще не видеть.

Это конец искусства? Каждый сантиметр говорит здесь о безграничном усердии ремесленников и художников. Из специальных трудов вы можете узнать, что Боробудур — одна из вершин буддийского искусства. Перед нами произведения скульпторов, в совершенстве владевших своим ремеслом — они умели делать все. Они умели любовно улавливать обаятельный трепет зримой жизни. Но, если этого требовал заказ, готовы были показать и добровольную скуку застывшего величия. Волей-неволей скульпторы доказывали, что искусство, которое, подчиняясь догме, отворачивается от реальной жизни и хочет изобразить нечто «чисто духовное», становится неодоухотворенным.

В Боробудуре все явно подчинено центральной идее, поэтому мы считаем возможным допустить, что его идеологи-проектировщики заранее принимали в расчет скуку, что художники сознательно проникались ею, планировали ее.

Чем больше мы думаем об этом здании, тем меньше верим в совпадение многих случайностей. Мы уже говорили, что издали и на первый взгляд оно ка-

жется беспорядочным нагромождением камня. Почему его рафинированные архитекторы не учли этого эффекта? Неприветливая, ошетилившаяся груда не вызывает желания войти, путь к спасению не манит легкомысленных путешественников. Тому, кто хочет на него вступить, надо в буквальном смысле этого слова искать вход. Поиски спасения и стремление найти его — первые надежные точки опоры так называемых религиозных чудес. Там, где ищут спасения, труд священников легок.

По-видимому, строители Боробудура знали это. Они подготовили все к приходу ищущих, но не намеревались привлекать их ярмарочными трюками. И в своем интеллектуальном высокомерии зашли очень далеко. Они не стремились к тому, чтобы их создание нравилось как можно большему количеству людей. Не колеблясь, спрятали они часть рельефов под землю. Не побоялись спрятать *настоящий* вход в лабиринт. Поместили статуи семидесяти Будд в непроницаемые для взора каменные купола. Множеством деталей, рассеивающих внимание, замаскировали всю гармонию плана.

И все-таки они, вероятно, стремились к общей гармонии. Им удалось придать своей постройке большое очарование, недоступное, однако, взору рядового человека. С муравьиным усердием строили они все так, словно этим должен наслаждаться взор, уже оторвавшийся от земли, направленный вниз с небес.

Вид на Боробудур с самолета прекрасен. Вся нестройность этой громадины исчезает, хитросплетение путей сразу распутывается. Неужели это тот самый скучный лабиринт? Ведь все это ясно, точно, открыто. Все как на ладони...

Да. Оставшееся позади, за нами — ясно.

Не стремились ли строители продемонстрировать эту истину? Но тогда скажите, на кого они рассчитывали? Ведь не на самолеты же, не на аэрофотосъемку. Так не кажется ли вам, что верхушка духовенства создавала истинную красоту Боробудура в буквальном смысле слова как зрелище для богов?

ПОЧЕМУ? ПОТОМУ ЧТО ПОТОМУ КОНЧАЕТСЯ НА У!

Интеллектуальные развлечения мистиков предназначены не для широкого зрителя. Что было делать в Боробудуре нелетающим пешеходам, обычным людям?

Вы слышали о километрах рельефов, можете представить себе груды обработанного камня, тысячи и тысячи центнеров материала, который пришлось переместить. Эту возвышенную красоту, эту фантастическую головоломку, придуманную архитекторами, должен был кто-то построить. Чьи руки воздвигали ее? И чьи руки в это время сажали рис, чтобы кормить строителей?

Вокруг Боробудура, как вокруг всех таинственных пирамид мира, живет бедный люд. Он умеет обрабатывать почву своих полей и легкое дерево хижин. Но откуда взялась гигантская архитектура каменных храмов?

Мы ничего не знаем ни о ходе строительства, ни о строительных рабочих. Как обычно, в летописях упоминается только имя династии, при которой был возведен храм. Упоминается также, что после падения династии был забыт и храм. Пришли новые правители, новая вера. И, как это обычно бывает, новая эра хотела перещеголять богов и роскошь свергнутой династии. Всего в нескольких десятках километров от Боробудура в тени двух живописных вулканов возник новый и — подумайте только! — не менее великолепный комплекс строений, называемый ныне Лоро Джонгранг.

Центральный храм посвящен здесь индуистскому божеству Шиве. Сорокасемиметровый, увенчанный башнями храм до сих пор самое высокое и красивое строение на Яве. Если Боробудур гордится очаровательными рельефами со сценами из буддийских легенд, то святилище, посвященное Шиве, украшено еще более обаятельными эпизодами из индуистской «Рамаяны». А вокруг него стоит или стояло свыше двухсот небольших храмов или часовен...

Не бойтесь, я не буду описывать их так же подробно, как Боробудур. Достаточно сказать, что этот

новый храм был покинут после того, как принцы переменили религию. Индуистская магия примитивнее, доступнее сложных мудрствований буддистов, но и эта религия не укоренилась в народе, она соскользнула с него, как капля, обретенная из кропильницы.

От этих экспериментов остались лишь два каменных гиганта, два невероятно дорого стоивших бесполезных здания, которые народ должен был строить и оплачивать в течение столетия. И именно об этом народе история ничего не говорит. А нам так хотелось бы знать...

Кого спрашивать? Храмы эти стары, современники их создания давно умерли. Что, если бы мы попробовали искать ответа в древних сказаниях? Не кроется ли в них подчас зерно народной правды?

Неподалеку от статуи Шивы стоит статуя его подруги, кровавой богини Дурги. Местное население уже забыло, каким небожителям здесь поклонялись. Богиню называли Лоро Джонгранг — Стройная Дева, — ее именем назван и весь храм. Легенду о создании храма нам рассказал наш гид, послушайте ее.

Стройная Дева, дочь некоего короля великанов, не хотела выходить замуж. Назойливому претенденту она пообещала свою руку, если он в течение одной ночи построит храм с тысячью статуй. Жених, которому помогали гномы, выполнил это задание. Но гордая Дева подстроила перед самым рассветом исчезновение одной статуи. Постройка храма ни к чему не привела, и обманутый жених проклял принцессу. Она окаменела и заняла место исчезнувшей статуи. Вот и все.

Поможет ли нам эта сказка найти истину? Ведь интересующее нас невероятное событие объясняется в ней еще более невероятным: постройкой храма в течение одной ночи! Но присмотримся внимательнее.

Легенда гласит, что поводом к постройке был каприз гордой принцессы. Не осуждается ли таким образом с самого начала вся эта священная затея как нечто ненужное, преступно излишнее? Далее говорится, что работа была выполнена гномами, таинственными помощниками жениха. Не подразумевают ли под этим обращенных в рабство чужеземцев? Какое-нибудь покоренное низкорослое племя? Это не исключено.

Во всяком случае, расплачивался за эту постройку весь народ: полчища рабов ели рис, которого всегда было слишком мало. Для поставки продовольствия и, вероятно, выполнения других работ на длившемся десятилетиями бессмысленном строительстве из народа выжимали все соки. Это строительство должно было казаться кошмаром, ужасным сном. Кто бы не хотел, чтобы он как можно скорее прекратился?

И вот наступил день, когда все кончилось: началась новая эпоха. Уж не знаю почему — благодаря давлению снизу, вследствие вторжения иноземных войск либо междоусобиц среди правителей, но обстоятельства изменились. Богом Шивой перестали интересоваться. Народ забыл и кровавую богиню Дургу, не мог даже вспомнить ее имя и заменил его именем какой-то сказочной принцессы, справедливо проклятой и наказанной.

Бесспорно, старые божества забыты. Так почему же нам не предположить, что мудрый народ мог вместе с богами вычеркнуть из своей памяти и тяжелый бесполезный труд на строительстве храма? Не умнее ли было просто махнуть рукой на каприз господ, ныне мертвый и вдвойне бессмысленный?

А много лет спустя взгляд внука в изумлении останавливался на этом храме, и он, так же как мы теперь, настойчиво спрашивал: «Что это значит, дедушка? Кто это строил? И зачем? Зачем?..»

Дед улыбался и, погладив внука по головке, рассказывал сказку о том, что кошмар этой постройки длился всего одну ночь, причем все тяготы несли не смертные, а какие-то гномы.

Таков народ...

BHINNEKA TUNGGAL IKA

Для названия последней главы об Индонезии я заимствовал девиз, начертанный на ее государственном гербе. В переводе он означает: «Единство в многообразии». Девиз свидетельствует о стремлении слить пеструю мозаику островов в единое политическое целое, призывает различные народности и языки объединиться и создать сильное государство.

Точно так же я ищу волшебное слово, которое объединило бы камешки мозаики, разбросанные по страницам этой книги, чтобы из них возникла единая картина, хотя бы несколько напоминающая то, чего ожидают читатели путевых записок.

Но достигнуть подлинного единства одинаково трудно как в государственных, так и в художественных начинаниях. Все мы избегаем фраз и поверхностных обобщений, а без них особенно трудно объединить камешки мозаики.

Не стану утверждать, что я увидел на Яве все, не буду также притворяться, будто всегда понимал все, что видел. Смотрел я усердно, но человек всегда видит только то, что способен воспринять, как во времени, так и в других отношениях. Большей частью он выхватывает ту или иную деталь, какую-нибудь изюминку из сдобной булки, даже не помышляя о ней в целом.

Собственно, мы и не гнались за целой булкой, ведь мы не были научной экспедицией. Чешские актеры гастролировали на Яве — вот и все. Мы ставили спектакли, встречались с людьми, старались внушить им дружеские чувства к нашей стране. И яванцы были добры к нам, старались как можно лучше принять нас и не показать, что мы в сущности приехали не вовремя. Все наше пребывание было отодвинуто на второй план визитом, который был гораздо важнее. Внимание журналистов привлекал главным образом другой гость страны — индийский президент Раджендра Прасад. Его свита занимала много комнат в отелях и много правительственных машин, а иногда и всю ширину улицы.

Несколько лет назад, путешествуя по Флориде, я пережил гонки с ураганом. Ураган двигался с Багамских островов, запыхавшиеся газеты ежедневно публиковали на первых страницах карты, где отмечалось его приближение. Мы старались ехать быстрее и попасть в Техас раньше стрелки, показывавшей направление ветра. Но тщетно. Ураган настиг нас в Нью-Орлеане: утром невозможно было выйти из отеля, холл заполнился беженцами из соседних, менее прочных домов, запасы провизии в ночном баре были мгновенно съедены, повара и официанты дневного ресто-

рана не вышли на работу, никто не мог перейти улицу, она осталась на многие часы во власти более могучей силы...

Доктор Прасад такой приветливый пожилой господин, скажете вы, зачем же приводить столь непочтительное сравнение? Но я думаю, что именно такое сравнение понравилось бы ему. Индийский президент дважды предоставил нам возможность беседовать с ним, он пришел даже посмотреть наш спектакль, и у нас все время было ощущение, что он относится к почестям и церемониям так же, как мы.

Я уже говорил о положении, создавшемся в это время в Индонезии. Во время переездов нас охраняли солдаты. При помощи световых и звуковых сигналов они заранее освобождали путь, и мы, кукольники, пролетали по дорогам, как маленький ураган. Конвой, сопровождавший государственных деятелей, был, конечно, сильнее нашего, и когда эти две колонны встречались, меньшая из них должна была отступать на обочину шоссе. Но однажды нам пришлось ехать в одном направлении с ними. И тогда маленький ураган слился с большим и мчался по Яве посередине шоссе, под триумфальными арками, между бесконечными шпалерами школьников. Приветственно махавшие зрители не знали, что мы не имеем отношения к индийским гостям, и встречали нас предназначенными для них бурными овациями.

Нас это ничуть не огорчало, и мы тоже махали. Особенно усердствовал наш милый гид Салим, кстати самый смуглый пассажир нашей машины. «Они, по-видимому, принимают меня за заместителя президента, — говорил он, кивая публике. — Не следует их разочаровывать».

Пребывание в Индонезии кончается, пора сунуть вещи в чемодан и отправляться на новые места. И потому я не только не испек целой булки, но даже не собрал всех изюминок. Разве я рассказал об изготовлении замечательной ткани батик в Джокьякарте? Может быть, я описал особый музыкальный инструмент анклунг — раму из прутьев с подвешенными к ней кусками бамбука, длина и толщина которых так подобраны, что образуется гамма? Описал ли я волшебное тремоло, которое умудряются вызвать из

группы таких инструментов очаровательные школьницы? Говорил ли я о цитре кетьяпи, о здешней звуковой системе «пелог» (приблизительно до, ми, фа, соль, си бемоль, до) и о еще более сложной системе «слендро»? О народных комиках реок? О замечательном кушанье гадо-гадо?

Сумел ли я показать сотни коротких встреч с творцами всего этого — народом Явы? Обратил ли я ваше внимание на то, как балуют они своих детишек, как любят купаться, как безрассудно ведут машину, как умеют смеяться над собственными неудачами, какие у них красивые женщины? Достаточно ли я восхвалял их благословенный край? Рассказал ли, как мы под их пальмами праздновали николин день и парни из нашей труппы преподнесли мне по этому поводу красиво завернутую горсть щебня с пожеланием «еще многих развалин», вполне обоснованно упрекая меня в чрезмерном интересе к древним каменным памятникам?

Все это уже непоправимо — мы улетаем. И если кого-нибудь удивит, что он здесь слышал только похвалы Яве, привожу в свое оправдание слова, переведенные нам Салимом при прощании: «Министерство культуры, — сказал он, — просит передать: «Мы полюбили вас и показали вам все, что у нас было. Если у вас остались какие-нибудь плохие воспоминания — бросьте их сразу после старта в море и сохраните только хорошие...»

Ради ласково и грустно устремленных на нашу Иржину глаз Салима мы так и сделали.

IV. КАМБОДЖА И ИНДИЯ

ХЛЕБ ДИПЛОМАТОВ

На Яве наше искусство оказалось достаточно весомым, причем взвешивали нас там и в буквальном смысле слова, как вы сейчас узнаете.

В Камбоджу нам предстояло лететь через Таиланд. Но за три дня до вылета было получено сообщение, что давняя вражда между этими двумя государствами снова вспыхнула, граница закрывается, все полеты отменены, а другой связи нет. Чтобы мы могли выполнить наши обязательства по отношению к Камбодже, индонезийцы должны были отправить специальный самолет, который, не нарушая чужого воздушного

пространства, доставил бы нас прямо в Пном-Пень. Опыта такого беспосадочного полета не было, и потому требовалась чрезвычайная осторожность.

Начали с того, что всех нас — людей, декорации и весь реквизит — точно взвесили. В соответствии с полученным результатом выбрали тип самолета и оставили в нем только девятнадцать кресел. Остальное место заполнили декорациями, не поместившимися в багажном отделении. После этого мы рано утром стартовали, чтобы сделать большой перелет через Южно-Китайское море.

Индонезийская авиакомпания «Гаруда» названа именем орла, известного средства передвижения бога Вишну. Она побаловала нас всеми видами небесного комфорта, включая полотняные комнатные туфли, которые разрешалось потом оставить у себя. Вообще настроение было отличное. Ява была самым восточным пунктом нашего путешествия, мы возвращались в северное полушарие и одновременно делали первый шаг на запад, поближе к Чехословакии.

Стартовали мы при восходе солнца в сырую погоду, над аэродромом почти отвесно подымались столбы радуги. Как только мы взлетели, к ним присоединилось, скрытое до того горизонтом, ее нижнее полукружие, и мы увидели целиком идеальный круг гигантской радуги.

Зеленоватое море плещется об отмели, Ява исчезает, большие суда превращаются в игрушки, в щепочки. Вулкан Кракатау где-то далеко слева и не виден в утреннем потоке света. Зато вскоре показываются бесконечные кудрявые джунгли — Суматра. Лишь с этой высоты можно по-настоящему оценить огромные размеры некоторых деревьев, выступающих над остальными, но в общем глаз не проникает сквозь море зелени. И опять — в который раз во время путешествия — щемит сердце: вот еще один лес, куда никогда не ступит твоя нога!

Потом показываются острова Банка и Биллитон, и в голове мелькает смутное воспоминание о школьных уроках географии — олово, не так ли? — затем прыжок через экватор, и все правой и правой, вдоль Малаккского пролива, мимо Сингапура и Сиамского залива.

Пилот просит извинить за то, что приходится лететь на очень большой высоте: море внизу *raf*. Под нами разыгралась порядочная буря, гребни волн, вероятно, кажутся судам гигантскими; но для небожителей, летящих на крыльях Гаруды, это лишь белые морщинки, медленно, лениво и почти незаметно передвигающиеся по серой равнине.

И еще раз, когда солнце стоит уже высоко, показывается замкнутый и трогательно маленький круг радуги; но на этот раз в пропасти под нами.

К полудню мы добрались до Камбоджи. Первое, что мы заметили, были величественные, окрашенные в шоколадный цвет широкие полосы рек. А затем пальмы, которые сверху, издали были похожи на наши обыкновенные деревья. Но как только мы снизились и очутились поближе к земле, все оказалось новым. Неспкойный, горячий и густой воздух подбрасывал самолет.

Мы прибыли раньше, чем предполагалось, нас никто не встречал, и нам пришлось кружить в поднебесье, пока не подготовились к нашей встрече. Недавно самолет, на котором летел глава некоего государства, прибыл на целый час раньше срока; так как гостя должен был встречать сам король, а пунктуальность — вежливость королей, пилот весь этот час кружил над аэродромом, выжидая, пока этикет позволит приземлиться и король сможет оказаться пунктуальным.

Кружение в течение целого часа после длинного пути, в раскаленном воздухе, прямо над целью — один из примеров тех требований, которые предъявляет дипломатия к путешественнику. Таких примеров можно привести много. В одной из стран нам надо было возложить цветы к Статуе Независимости. Садоводы доставили венок почти к самому месту, и он стоял там на белой железной подставке. Под звуки гимна выступили двое парадно одетых членов нашей труппы и по знаку церемониймейстера взяли обеими руками подставку, чтобы возложить венок к подножию памятника. И тут они с ужасом увидели, что железо свежеевыкрашено, так что их руки и рукава покрываются пятнами белого лака...

И все-таки ни один из них глазом не моргнул, песнок был положен на предназначенное место, наши товарищи вытянулись, опустив руки по швам, и стояли в почетном карауле, пока вокруг, подобно молниям над Татрами, сверкали блицы фотоаппаратов.

Однажды в Мексике я был свидетелем более неприятного случая. Важный гость правительства сел перед дворцом в открытый автомобиль, чтобы ехать по убранному цветами городу. Слуга подскочил и, захлопывая дверцу, нечаянно прищемил гостю мизинец.

Никто этого не заметил, так как пострадавший не вскрикнул, а вереница автомобилей как раз двинулась. Началась долгая поездка вдоль выстроившихся шпалерами приветствовавших гостя людей; а у него хватило выдержки приветливо улыбаться, хотя из-под платка, незаметно обернутого вокруг раздавленного пальца, капала кровь и возможность врачебной помощи была бесконечно далека.

Люди думают, что хлеб дипломата вовсе не хлеб, а роскошный бутерброд. Но у него твердая корка, как у каждого хлеба.

У СКАЗОЧНОГО КОРОЛЯ

Люди не рождаются дипломатами, это дело воспитания. Меня, например, к этой профессии готовил отец, объяснявший мне еще в том возрасте, когда меня водили за ручку, что буквы «CD» (*Corps diplomatiques*) на некоторых автомобилях означают «Команда дармоедов».

Умение вести за столом остроумную беседу — одна из основ всякой дипломатии — мне преподносилось в виде бабушкиной поговорки: «Когда я ем, я глух и нем». У нас дома полагалось есть молча, много и быстро, так как ясно было, что «как человек ест, так он и работает».

Но молчание иногда нарушалось. Отец был большим поклонником оперетты и шантанов. И как некоторые люди поют детям колыбельные песенки, так наш отец любил выступать с куплетами о консуле, приехавшем в Сиа́м. Король сиамский полюбил дипломата и в знак своей благосклонности привел к нему очаровательную танцовщицу:

Она звалась Чикапикапала
И всех лучше танцевала
Из всего балета.
Ты меня обрадуй
И возьми в награду
Бая-бая-дерку
Баядерку эту...

Право не знаю, принял ли консул подарок и как он им распорядился. Помню только, что в рефрене каждого куплета повторялось, что Чикапикапала была действительно хороша и это подтверждала вся Индия.

Что ж удивляться, если ребенок, душу которого насыщали такой поэзией, не устоял перед соблазнами дипломатической карьеры и мечтой увидеть Индию?

Когда мы приехали в Камбоджу, восточная Индия оказалась прямо перед нами. К тому же мы были гостями правительства, премьера была назначена в королевском дворце для семей их величеств, и нам обещали, что в награду за свой труд мы увидим придворных танцовщиц — знаменитый камбоджийский балет.

Все это нас волновало и несколько не походило на то, что было в других местах. Так, например, до сих пор нам было достаточно знания английского языка, а здесь, на территории бывшего французского Индокитая, нужно было переключаться на французский язык, по которому у меня в гимназии была всегда тройка. Мы с ужасом убедились в этом, как только приземлились на аэродроме. Таможенник открыл мой заграничный паспорт, прочел по складам под фотографией «по-д-пис» (подпись) и расхохотался. Мы только спустя некоторое время поняли в чем дело: это слово звучит так же, как по-французски «ночной горшок».

Люди тоже выглядели здесь несколько иначе, а главное, по-другому одевались. Многие женщины носили черные или белые шелковые брюки и походили на героинь «Тихого американца» Грина. Девушки, встречавшие нас на аэродроме, были в юбках из красновато-коричневой переливающейся ткани, один конец которой был протянут между коленями, повернут назад, как хвостик, и укреплен под поясом, так что эта юбка в сущности превращалась в брюки.

Изменились и требования к нашему костюму. Чехословацкий посол хотел в первый же день представить нас королю, и тут возник сложный вопрос: как раздобыть подходящую одежду? Помог мне приятель из нашего представительства, и я вошел в ворота дворца весь в белом, в одежде из чистого шелка; лишь галстук, носовой платок в кармашке и обувь полагались черные.

С этого только начинались чудеса аудиенции. Чтобы разобраться в них, вы должны сначала отдать себе отчет в значении Камбоджи как нейтрального государства, граничащего с Таиландом, то есть с членом проамериканского пакта СЕАТО. Другие соседи Камбоджи — Лаос и Южный Вьетнам — страны, не отличающиеся внутренним равновесием. Король Камбоджи и, главным образом, его сын, премьер-министр Нородом Сианук¹, правят страной, занимающей ключевую позицию на территории, где французы борются за одну из последних экономических баз своей бывлой империи, а американцы — тихие и менее тихие — хотят создать базы совершенно другого рода. К тому же это страна с многочисленным китайским меньшинством, находящаяся неподалеку от Китайской Народной Республики и Демократической Республики Вьетнам.

Затем вам надо представить себе дворец из экзотической сказки, но не музей, а современную резиденцию восточного суверена. Вы входите с нами за стены, окружающие не одно, а целый комплекс дворцовых зданий. Здесь преобладает желтый цвет. Вы увидите статую Будды из чистого золота весом в восемьдесят килограммов. Пройдете через зал, выложенный более чем шестью тысячами серебряных плиток. Каждая из них весит триста шестьдесят граммов. Тот, кого зачаровывают такие вещи, может подсчитать стоимость пола, по которому шагает.

Крыши тоже золотистые, сложно громоздящиеся одна над другой. На их гранях горят огоньки шпилей, фронтоны тоже заканчиваются изогнутыми шпилями,

¹ В апреле 1960 года король Камбоджи Нородом Сурамарит умер. С того времени трон остается вакантным. Главой государства и главой правительства ныне является принц Нородом Сианук. — *Прим. перев.*

стройными и изящными, как нос гондолы. По грациозности у них что-то общее с музыкальными инструментами. И вообще вся игривая, напоминающая пагоды архитектура чем-то родственна музыке, колоколам, звоночкам. А ко всему этому еще краски: медовое золото крыш, фронтоны цвета красного вина, трепетная зелень пальм, синева неба и палящее солнце...

Дворец этот еще не стар, он построен в конце прошлого столетия, под его потолками праздничные керосиновые люстры наших бабушек. Здесь много не красивого и не редкого, а лишь курьезного. И все-таки вы не можете не поддаться очарованию. Обратил ли кто-нибудь внимание в королевской сокровищнице на то, что на золотом лифе королевы наряду с настоящими жемчужинами красуются застёжки фирмы *Waldes-Kohinoor*? Но зрителю, замороженному поэтичным образом Джульетты, ведь не мешает, что театральный портной покупал материал на ее ночную рубашку всего по тридцати крон за метр.

Приемный зал высок, параден, под его куполом летают птицы. Между колоннами золотые статуи. Посреди зала стоят носилки для коронационной церемонии и специальный трон для королевы, имеющий вид огромного цветка лотоса на колесиках. Стоит здесь и обтянутая розовой тканью с металлическими нитями кушетка, на которой возлежит король в торжественных случаях; она же послужит для него смертным одром. Над всем этим высятся девять стилизованных подсолнухов — постепенно уменьшающихся круглых сводов, какими здесь заканчиваются дагобы. Нам объясняли, что они символизируют Солнце, Луну и семь планет, охраняющих голову короля, которого почитали как центр Вселенной, воплощение божества.

И вот этот король должен сейчас войти. Мы ожидаем его, перешептываясь, хотя никто не запрещал нам разговаривать громко. Сопровождавший нас статс-секретарь вдруг умолк посередине фразы, согнулся пополам и почти опустился на корточки, склонив голову до самых колен и молитвенно сложив руки.

Вошел господин лет шестидесяти, лысый, в очках с золотой оправой, в хорошо сшитом двубортном ко-

стюме в тоненькую полоску — то что в Америке называют *buisness suit*.

Его величество остановился подле трона. Секретарь, не разгибаясь, приблизился к нему и шепотом доложил, кого привел. Мы поклонились так, как это принято у нас, и король пожал нам руки. Затем пригласил нас сесть на приготовленные стулья, а сам первым сел посередине. Секретарь воспользовался своим стулом только символически — не разгибаясь, со сложенными руками присел на его краешек.

Его величество начал беседу несколькими любезными французскими фразами о том, как Камбоджа ценит наш приезд. Говоря о себе в первом лице множественного числа, он расспрашивал о нашем путешествии, о том, как нам здесь нравится и хорошо ли нас устроили.

Затем приблизился согнувшийся лакей, балансируя большим подносом с бокалами шампанского. Пока он шел, я так боялся, как бы он ничего не пролил, что не мог участвовать в беседе. Но он проделал все акробатически: подал каждому из нас бокал, не разлив ни капли. Я облегченно вздохнул лишь после того, как он пятясь удалился.

Потом мы выпили с королем за успех премьеры.

ПЛАЧ, СМЕХ И ВЛЮБЛЕННЫЕ

Премьера прошла не очень удачно. Как на зло, здесь случились все неприятности, какие только могут быть на подобном спектакле. В том месте, где была особенно нужна музыка, вышел из строя магнитофон, а в момент, когда актерам все-таки удалось создать предфинальное напряжение, полностью погас свет.

Все это начинало походить на кошмар. Нервы товарищей на сцене не выдерживали, но они были хотя бы среди своих, могли выругаться по-чешски, могли вертеть выключатели и предохранители, пробуя — а вдруг произойдет чудо и появится ток. Но мы внизу, в парадном зале, заполненном величествами и высочествами, должны были хранить видимость спокойствия, улыбаться и объяснять неполадки в работе электро-

оборудования так, чтобы вина за них не слишком падала на нас, и в то же время не говорить о недостатках местной электросети.

А между тем все мы так много ожидали от этого спектакля. Ни разу у нас не было такого хорошего зала. Среди зданий сказочного дворца на лужайке с цветочными клумбами стоял колонный зал, с трех сторон открытый ночному ветерку, таинственно колышавшему бархатный занавес сцены. Время от времени туда залетала птица, но, спугнутая веселым шумом голосов, тотчас вылетала. В креслах, разместившись в строгом соответствии с табелем о рангах, сидели королевские семьи и придворные. Их дети, как дети во всем мире, ждали с широко открытыми глазами...

После спектакля все уверяли нас, что ничего страшного не произошло — они даже не заметили неполадок. Была ли это вежливость или мы вследствие излишней добросовестности преувеличивали свою вину? Король приколот нам на грудь ордена, разносили закуски, произносили речи, и улыбки сияли гораздо постояннее, чем проклятое электричество, но нашей радости как не бывало.

Какой толк, что на следующий день спектакль в большом зале для дипломатического корпуса и многочисленной публики прошел прямо-таки образцово? Нужно быть работником театра, чтобы понять это... Лучше об этом не говорить.

Пном-Пень — столица Камбоджи — расположен на берегу большой реки Меконг. Как раз здесь в нее впадают и из нее вытекают воды озера Тонле-Сап. Вы не ослышались, я именно это хотел сказать: в течение месяцев уровень Меконга выше уровня Тонле-Сапа, и вода течет из реки в озеро. В определенное время года обстоятельства меняются, и тогда вода течет из озера в реку. Эти перемены связаны с периодом дождей, их можно точно предсказать, и они сопровождаются большими торжествами. Сам король приходит, чтобы приказать воде изменить направление, ибо в настоящей монархии даже воде не позволено течь, куда ей вздумается.

Власть короля в нашу эпоху уже не та, что раньше. Во время нашего посещения на большой площади неподалеку от дворца заседал Национальный Конгресс. На следующий день премьер-министр Нородом Сианук, изящный и неожиданно молодой человек, увлеченно рассказывал нам, как хорошо проявил себя этот новый совещательный орган его правительства. Заседание депутатов окончилось лишь в полночь, сам премьер-министр, как с улыбкой подчеркнул он, целых десять часов отвечал на вопросы. Ему нравилось, что люди отваживались критиковать некоторых должностных лиц, выступать против них во всеоружии точных цитат из законов и параграфов. Принц рассказывает, и вы чувствуете, что он хотел бы всеми средствами заставить свою страну совершить прыжок от феодального строя недавней колонии к демократии новейшего типа.

Охотно говорит он и о принципе нейтралитета в международных вопросах, и о проблемах производства и трудовой дисциплины в стране. Так, например, чтобы преодолеть кастовые предрассудки некоторых соотечественников по отношению к физическому труду, он сам принимает участие в добровольных строительных бригадах. Заставляет чиновников ежегодно отрабатывать по тридцати дней на строительстве гидросооружений.

Свой эксперимент он проводит в чрезвычайно сложных условиях. Мы уже упоминали о территориальном положении Камбоджи, здесь еще не забыта кровавая борьба, которую совсем недавно вела Франция за власть в Индокитае. В мнимой спокойной Камбодже стрельба, собственно, никогда не прекращалась, непрерывно бурлящее окружение все время угрожает ей бомбами террористов и интригами провокаторов.

Страна страдает от всех последствий колониальной эксплуатации, продолжавшейся сто лет. Франция брала и ничего не давала взамен. Вряд ли кто-нибудь умел бы здесь читать и писать, если бы о воспитании детей не заботились буддийские монахи. Нам рассказывали, что за все время существования колониального режима прославленные французские университеты подготовили для миллионов камбоджийцев всего двух врачей. Неограниченно хозяйничают местные знахари,

суеверия и чудеса. На соответственном уровне здравоохранение и детская смертность. Если вы прибавите к этому множество других проблем: курение опиума, коррупцию среди местной администрации, непропорционально высокие военные расходы, французские плантации, остающиеся до сих пор инородным телом в сердце страны, — то поймете, что задача новатора не может быть здесь легкой. Причем, как повсюду, ограниченность реформ не предопределяет легкости их проведения.

Население пестрое, раздробленное на касты и народности. На территории, значительно большей, чем наша, живет неполных пять миллионов человек. Это главным образом камбоджийцы, потомки древних кхмеров. Есть и значительные национальные меньшинства: китайское, вьетнамское, тайландское, малайское. У них разные языки, письменность, одежда. Но и внутри этих меньшинств нет единства. Мы зашли как-то в китайскую лавчонку, где висел портрет Мао Цзэ-дуна. А в соседней видели портрет Чан Кай-ши.

Кстати, по поводу китайцев, являющихся на всем юге Азии значительной экономической силой. Они трудолюбивы, скромны, изобретательны. Поддерживают связь с китайцами в других странах, торгуют с ними, несмотря на таможенные барьеры, умело манипулируют головоломной разницей в стоимости валюты.

Поразительным контрастом скромному образу жизни этих людей является та помпа, с которой они обставляют смерть. Мы видели подряд похороны двух китайских торговцев. Процессия открывалась бесчисленным количеством рикш, которые везли на трехколесных велосипедах шесты с флагами, исписанными так же, как ленты погребальных венков у нас. За ними кули тащили на носилках целые свиные туши — прекрасно зажаренные, с золотистой корочкой, — дар для погребального пиршества священников-бонз. Затем выступал отряд музыкантов в национальных костюмах, с большими шляпами на спине. Они били в гонги и барабаны, свистели, извлекали из струн воющие звуки. Далее следовали длинные колонны юношей в белой одежде, с повязками на головах, все они тянули за одну веревку две увитые цветами ко-

лесницы; на одной из них — с головой дракона спереди и чешуйчатым хвостом сзади — стоял гроб. За гробом звучали вопли членов семьи умершего, одетых в балахоны с опущенными на лицо капюшонами.

Между прочим, цвет траура у китайцев белый, у мексиканских индейцев желтый, в некоторых странах синий или красный. Различие, конечно, странное, но в сущности чисто внешнее. Под ним скрывается нечто гораздо более поражающее своим единообразием: рыдания. Попробуйте записать на пленку магнитофона рыдания матери в любой части света и попытайтесь по их звуку догадаться, к какому народу принадлежал сын, которого она оплакивает. К счастью для будущности человечества, то же относится к смеху. И он у всех один и тот же.

Но вернемся к Пном-Пеню. Национальных меньшинств здесь много, и у каждого свои обычаи. Однако в восточной пестроте столицы сильнее всего чувствуется влияние белых. Их не так уж много, но их одежда, автомобили и всевозможные технические побрякушки бросаются в глаза. Этому способствуют фильмы, иллюстрированные журналы, рекламы мод, косметики, напитков, сигарет и холодильников. Это неумолчный призыв к изменению образа жизни, обращенный к каждому, у кого есть на это деньги.

Нет недостатка и в ночных увеселительных заведениях, где играет джаз. Они выросли, как грибы после дождя, их построили из рифленой жести, снабдили необходимым оборудованием, в них царит желанный полумрак. Там, так же как во всем мире, кружатся с юношами красивые девушки, некоторые в юбках с разрезом от колен до самых бедер. Для нас был новинкой популярный здесь танец ламтон, при котором танцующие не обнимают друг друга. Юноша и девушка ритмично ходят один вокруг другого, жесты их рук нежны и волнисты.

Атмосфера этих танцев несколько помогла нам ориентироваться в сложной смеси языков и различных образов жизни. Возвращаясь в отель, мы с улыбкой остановились среди романтических пагод кладбища бонз и осветили огоньком зажигалки доску с надписью на четырех языках страны. Азиатскими и европейскими буквами на ней было написано:

*«Ces lieux saints ne sont pas réservés
au rendez-vous des amoureux» —
«Эти священные места не предназначены
для свиданий влюбленных».*

Видимо, содержание слова «влюбленные» везде одинаково, хотя пишется оно по-камбоджийски, по-французски, по-вьетнамски и по-китайски различно.

КОНЕЦ ДОН ЖУАНА

Путешествие по новой стране всегда волнующее переживание. Сначала вы глаз не можете оторвать от всего невиданного. Затем — становясь более зрелым и мудрым — убеждаетесь, что нового не так уж много и загадка не в разнообразии. Человек, отправившийся когда-то путешествовать по свету, чтобы многое найти, счастливо возвращается домой с немногим. Немецкий сатирик Тухольский рассказывает о деревенской тетушке, у которой были сильно преувеличенные представления о вариантах любви в столпотворении больших городов. Он успокаивал ее песенкой с рефреном: «Оставь, что еще может быть?»

Хороший тон требует, чтобы авторы путевых записок умели в заключение успокаивать читателей подобным рефреном. Заходит, например, речь о бесконечном разнообразии национальных костюмов, и кое-кто использует это для обоснования своего страха перед различиями между человеческими племенами. Но опытный собеседник ответит ему: так ли уж различны эти костюмы? Что еще может быть? Человек заворачивает обе ноги вместе, и появляется юбка. Или заворачивает каждую отдельно, и получаются штаны. Третье вряд ли возможно. Не интереснее ли подумать о происхождении одежды вообще? Почему даже в жарких странах все люди что-нибудь надевают и сколь различно они это мотивируют?

Или пирамиды. Читатели постоянно спрашивают, не удивляет ли меня, что пирамиды воздвигали в Египте, в Мексике и Южной Азии. Тут есть наверняка какая-то связь, товарищ, — таинственный материк Атлантида и так далее.

Во-первых, я заметил, что таинственный и крайне проблематичный материк Атлантида занимает мысли людей гораздо больше, чем, например, такая совершенно реальная страна, как Афганистан. Это само по себе нехорошо. Во-вторых, во время своих путешествий я убедился, что большие или меньшие пирамиды можно увидеть во всем мире, это основной элемент строительства, совершенно независимо открытый в сотне мест земного шара: просто могильный курган, искусственная гора. Такая гора обычно что-нибудь прикрывает, например, в Египте или на Цейлоне, или что-нибудь возносит ввысь, как в Америке и Боробудуре. Дело в содержимом или в поверхности, третье опять-таки не дано. Но не загадочно ли в пирамидах нечто совсем другое? Например, почему люди соглашались затрачивать на их постройку столько труда?

Моим первым путешествием в совершенно новый для меня мир была когда-то поездка в индейскую деревню. Признаюсь, что больше всего ошеломили меня в этих мексиканских деревеньках церкви в стиле барокко. Приехавшая с нами жена моего приятеля, испанка, смеялась надо мной. Это, мол, лишь неуклюжие копии храмов ее родины, для Мексики они совсем нетипичны, типично для Мексики другое.

Была ли она права? Что бы она говорила, если бы знала не только Испанию, но хотя бы Корею или Камбоджу? Я попал в эти страны позже и часто убеждался, что «типично мексиканское» можно найти и в Азии, причем в более выраженной форме. Я разучился спрашивать: «Как это сюда попало?» И скорее спрашиваю: «Что сделали люди со своими дарованиями, ведь они во всем мире одинаковы?» Или в крайнем случае: «Почему люди, заимствуя что-либо у соседей, изменяли это так, а не иначе?»

Чем больше едешь, тем яснее становится не различие, а единство явлений. Что же означает этот вывод? Смирение ли? Конечно нет.

Вообще нет ничего печального в том, что человек перестает жадно впитывать внешние явления. В том, что он переходит, так сказать, от количества к качеству, к интенсивности, к самой сути. Перестает надкусывать то одно, то другое и начинает смаковать единое.

Дон Жуан был великим путешественником по женскому царству. Продолжал бы он путешествовать, если бы встретил настоящую любовь? Был бы он тогда Дон Жуаном? Немного смешным, немного трагичным и вечно незрелым Дон Жуаном? Никчемным человеком, добычей ада?

Выехав из Пном-Пеня на просторы Камбоджи, мы очутились в типичной Гватемале, в Китае, где угодно. Мы увидели жатву. Утомленные и все-таки веселые люди собирали урожай. Хотели вовремя убрать в амбары то, во что вложили много труда, чего долго ожидали. Любопытство заставляло их, особенно девушек, иногда подымать голову, они смущенно улыбались при виде наших фотоаппаратов, но тут же снова опускали головы и принимались вязать снопы. Так ли уж важно, что эти женщины были в развевавшихся пижамах из блестящей черной ткани? И что их руки сжимали колосья хлеба, а не риса или кукурузы?

Мы добрались до озера Тонле-Сап. На могучем металлическом плоту уместились четыре наших и еще несколько чужих автомобилей. На противоположном берегу подле пристани щебетал базар. Мексиканский, корейский, какой угодно. Сидя у небольших очагов на корточках, женщины варили, жарили, размешивали, лушили, месили... Это походило на детскую игру в магазин. Словно маленькие поварахи, которые варят траву, сдабривают ее мукой из толченого кирпича, пекут пирожки из земли, посыпанной сахаром из песочка, подают они на ладони свою горячую стряпню за такую мелкую монетку, что в городском ресторане ее даже не сочли бы деньгами.

Угодно блинчиков, похожих на «мароканки» — любимое пирожное пражских кондитеров? Но запечены в них не кусочки засахаренных фруктов, а то, что подвернулось под руку, — мохнатые рачки. А может, пожелаете кубики рисового желе, насаженные на щепочки, как эскимо? Кокосовые орехи, уже открытые, надрезанные — только пейте? А может, выберете из очаровательно сплетенных корзиночек или лукошек горсть самых разных рыбок, помидоров, огурцов, брусочков сахарного тростника? Охотнее всего вы, вероятно, захватили бы несколько очаровательных детишек, которых отцы везут тут на велосипедах

в укрепленных позади седла плетеных кузовах. Но, увы! они не продаются.

Но вот чего в Мексике вы вообще не увидите, а в Китае увидите лишь изредка, это буддийские монахи. Часть населения Камбоджи — около восьмидесяти тысяч человек — постоянно живет в монастырях. Остальные тоже проводят там много времени, отбывая установленный срок служения богу. Им обривают головы и брови, они надевают шафрано-желтую тогу и по утрам просят подаяния, как все буддийские монахи. От этой обязанности не уклоняется даже сам премьер-министр.

Однажды — уже не впервые за время нашего путешествия — мы проехали мимо места, к счастью, уже становящегося редкостью: это была колония прокаженных. Ворота были открыты, никто их не охранял. Детишки вбегали в них и снова выбегали на шоссе.

А затем мы посетили другое место (число таких мест на свете также, к счастью, уменьшается): каучковую плантацию старого колониального типа. Заразных больных там, вероятно, не было, но ворота хорошо охранялись. Колючая проволока, электрические изоляторы на столбах ограды... Об этом я должен рассказать подробнее.

Мы выступали вечером в красивом чистом городке Компонг-Чам. На спектакль, проходивший под открытым небом, было продано около двух тысяч билетов; жилось нам там очень хорошо, губернатор области замечательно принял нас. По нашей просьбе он протелефонировал в Чоп, чтобы нам предоставили возможность осмотреть находившуюся там французскую плантацию. К сожалению, оказалось, что телефонного разговора недостаточно.

В Чоп мы попали, переправившись на перевозе через огромный Меконг. Видели там рыбацкие деревушки; их хижины со стенами из тонких бамбуковых жердочек и всем добром стояли на плотках. А затем нас поглотил лес каучуковых деревьев.

Впрочем, лес неподходящее слово — слишком ласковое, теплое. Лес это больше, чем деревья. Если бы у нас его сажал даже самый расчетливый человек, заинтересованный только в дровах, он не стал бы мешать тому, чтобы к деревьям присоединилось мно-

жество других растений, мха, грибов, лишайников, чтобы среди них звучали голоса насекомых, птиц, животных... Нет, Чоп нельзя назвать лесом.

Судя по тишине, чистоте и порядку, вы могли бы скорее подумать, что очутились в огромной больнице. На плоской, красной земле торчат бесконечные, абсолютно ровные ряды серебристо-серых, пятнистых стволов с зелеными кронами. Вы едете на автомобиле, и к вам приближаются, открываются перед вами и исчезают все новые и новые аллеи, одинаковые, как зевки. На каждом стволе в одном и том же месте под косым надрезом одинаковый желобок с белой капелькой над одинаковой миской.

Чтобы человека охватила здесь тоска, нет надобности в особом предубеждении против империализма или в нелепом сентиментальном представлении, что деревья страдают и весь лес роняет белые слезы. Царит гнетущий полумрак, вечная тень, все расположено по линейке, дерево отстоит от дерева на самом выгодном расстоянии, ни сантиметром ближе или дальше, надрезы делают ни миллиметром выше или глубже, чем это выгодно, организация дела точная и жесткая: заботятся только о максимальной выгоде.

Но самый тяжелый удар, прямо в сердце, был нам нанесен в центре плантации. Замки, лагерные ворота, сторожевые вышки, бункера с бойницами, ограда из колючей проволоки, подле некоторых объектов по ней пропущен электрический ток. А это всего-навсего фабрика, где сок деревьев превращают в плиты резины-сырца, а не военный атомный завод. Зачем же этот концентрационный лагерь? Неужели, если человека запереть в клетку, он приносит больше дохода?

Приходит француз — блондин в белой рубашке, белых шортах, со светлыми волосами на руках и икрах. Говорит, что директора нет, а без него он никого пропустить не может. Если мы настаиваем, он попробует разыскать его по междугородному телефону.

Уходит и оставляет нас.

Ладно. Начинаем переговоры с другим французом, брюнетом, случайно проходившим мимо. Он разговорчивее, закуривает предложенную сигарету. Благодарит за внимание, он здесь уже семь лет. Инженер, холостяк, один-единешенек. Раз в три года компания

оплачивает ему шестимесячный отпуск и поездку в Париж. Недавно он ездил туда во второй раз, да что говорить...

Успевает ли он за шесть месяцев промотать все, что накопил здесь за три года, с улыбкой спросил один из нас. Но он не улыбается. Совершенно серьезно отрицательно покачивает головой. По-видимому, у него свой маленький французский план, и он собирает деньги с какой-то определенной целью. После возвращения поместит их так, чтобы они по возможности обеспечили его до самой смерти.

Он переводит разговор со сбережений на другую тему. Начинает жаловаться на скуку, работу от восхода до захода солнца. Книги или спорт? Да что вы, в такую жару... И бесконечное хождение: плантация огромная, вторая в мире, по площади больше Парижа.

Слушаю его и представляю себе, как он торопится инспектировать, как проходит по этим нагоняющим сон аллеям расстояние, равное путешествию от Лувра до Площади Звезды, как бродит вдоль унылых аллей, так непохожих на Елисейские поля.

Но какое нам, собственно, дело до француза и его безбрачия? Ну его к черту! Приехал он сюда добровольно, добивался этого, получил что хотел, что же его жалеть? Куда хуже положение его подчиненных — семи с половиной тысяч местных рабочих, якобы свободных граждан. Они ни в чем не провинились, а между тем работают, как каторжники, за колючей проволокой. Надежды на отпуск, на сбережения? Вы это серьезно? Эти люди лишь теперь борются за право создания профсоюзов, за право сказать свое рабочее слово. А пока что их стережет вооруженная охрана, им грозят жестокие наказания за малейший проступок, за простое невыполнение нормы...

Их мы хотели бы повидать. Мы приехали сюда не ради горстки иностранных офицеришек, а для встречи с кхмерами. Это их родина, им некуда уходить, даже если бы это было возможно. До тех пор пока из них высасывают кровь французы, упорно думающие о жизни *потом*, в Париже, жизнь этих людей будет немногим лучше, чем деревьев. Мы хотим увидеть их.

Затем блондин возвращается и, холодно глядя нам в глаза, говорит, что ему не удалось разыскать *monsieur*

le directeur. Поэтому он, к сожалению, не может показать нам ни завод, ни жилища рабочих. Несмотря на глубокое уважение к рекомендации господина губернатора, без директора...

Ну что ж, ничего не поделаешь. На этот раз мы не посмотрим, как люди вынуждены жить в собственной стране за колючей проволокой, натянутой захватчиками. Нам уже приходилось видеть это. Гитлер у нас, United Fruit в Гватемале... И в этом отношении различия не так уж велики. Под поверхностью всех вещей скрывается в сущности один и тот же жгучий вопрос: почему люди все еще терпят это? Почему терпели когда бы то ни было?

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР В ДЖУНГЛЯХ

История смотрит назад и вглубь. На пройденные этапы она смотрит глазами лучших противников существовавших режимов. Римских рабовладельцев показывает с позиций Спартака, феодалов с позиций Французской революции, нацистов с позиций Фучика и Словацкого народного восстания. Это естественно.

Естественно также, что умудренный этим опытом сын спрашивает отца:

— Ведь ты жил во времена Фучика и Народного восстания. Расскажи, как ты участвовал в их борьбе? Ведь иначе нельзя было!

Вопрос, поставленный в конце предыдущей главы, это такой же сыновний вопрос. Сыновьям легко задавать подобные вопросы в мирное время, с учебником истории в руках. Как люди терпели рабство? Как могут до сих пор существовать на свете места, где рабство еще не ликвидировано? И это через две тысячи лет после Спартака, через сто семьдесят лет после падения Бастилии, через сорок два года после выстрела «Авроры!» Ты сам был в концлагере, эсэсовцы ходили среди вас, почему же вы не душили их хотя бы голыми руками? Они бы перестреляли вас? Ну и что же? Разве не лучше умереть стоя, чем жить на коленях?

Ах, сын мой! Рабство страшное дело. Оно сковывает не только руки. Даже мысли, которые в мирное

время — да еще у тех, кто носит в кармане учебник истории, — возникают сами по себе, даже эти мысли приходят в голову не каждому рабу. Кандалы парализуют действия тысяч людей. Поднять кулак и умереть за это... Почему бы нет? Но если ты знаешь, что сообщение о твоей смерти убьет твою мать? Что месть за совершенный тобой поступок падет на тысячи невинных, которые будут вечно проклинать твое имя?

Не беспокойся. Несмотря на всю хитрость рабовладельцев, в конце концов люди всегда восставали. Это происходило неизбежно, но далеко не так просто, как возникают твои вопросы, сынок.

Вчера, стоя перед колючей проволокой французской плантации, мы философствовали о том, почему люди до сих пор не сумели уничтожить такие печальные места. А сегодня на расстоянии одного дня пути мы подходим к одному из красивейших архитектурных памятников, виденных нами в Азии, — к руинам Ангкора. И эти гигантские храмы, на которые было затрачено труда больше, чем на десяток Боробудуров и сотню цейлонских дагоб, так же загадочны, как бункеры концлагеря на плантации. Чьи руки их воздвигали и зачем? Кто мог заставить людей так работать до изобретения метрических книг, родословных, пулеметов и напалма?

Беглого взгляда назад и вглубь и на этот раз недостаточно. Не забывай, сын мой, о том печальном факте, что самая худшая плантация до сих пор кормит рабочих. А если многие из них все еще не поняли, даже представить себе не могут, что жить можно иначе и лучше? Хотят просто выжить, а в ярме плантации они пока не умирают с голоду.

Не забывай также, что Ангкор был для тех, кто его строил, не только тяжелым трудом, но и великой красотой, а в красоте тоже награда. До сих пор высятся очаровательные башни, сохранились письменные свидетельства современников об их впечатлениях. Ангкор должен был быть во времена своего блеска очаровательным. Люди жили здесь, самоотверженно строили его и любовались делом своих рук. Не забывайте, что человек жив не хлебом единым. Это

был их Ангкор, их каменная сказка. Почему им было не любить его так же, как пражане любят Прагу?

История говорит, что Ангкор строили не рабы, а коренные жители страны. У кхмеров были и настоящие рабы: так же, как в начале нашего тысячелетия, например, у мексиканцев. Но при строительстве Ангкора они играли не большую роль, чем при строительстве Теночтитлана или Градчан. Строили специалисты: архитекторы, скульпторы, резчики, каменщики, плотники с армией помощников, которых содержало население страны. Те, кто выращивал хлеб или рис, кормили себя и производили все остальное, необходимое для жизни, в том числе для удовлетворения религиозных и культурных потребностей.

Пока пропорция между количеством производителей риса и создателей других ценностей не нарушается, все в порядке. А что считать пропорцией? Наш народ сейчас очень любит Национальный театр. Производители хлеба, обуви и всего остального щедро выплачивают миллионы крон творцам культуры в Национальном театре только за то, что они хорошо играют, поют, танцуют. И никто на это не ропщет. Даже пражане, ногй которых за весь год не бывает в этом здании, высящемся на набережной. Но и они получают удовольствие от него: оно ласкает их взгляд, когда они ходят по городу. Сердце радуется, когда говоришь приехавшему из деревни шурина: «Посмотри, а вот наша Золотая часовня»...

И вообще, почему люди любят жить в Праге? Почему они так отчаянно сопротивляются переводу на работу в другое место, подчас даже лучше оплачиваемую? Действительно ли они пользуются всеми благами культуры, которые имеются только здесь? Или для них достаточно сознания, что они живут у самого источника и могли бы из него пить, если бы захотели? Может, есть что-то возвышенное в жизни рядом с ним: человеку кажется, что он сам является частью источника, орошающего всю страну?

Не только хлебом и красотой, но и верой в себя живет человек. Эта вера может быть иногда неправильной, даже вредной. Мы являемся сейчас у нас в стране свидетелями кампании против местного патриотизма, мешающего устранению старой противопоп-

ложности между городом и деревней. А бывали времена, когда такие чувства сознательно поощряли: разве в римлянах не воспитывали настоящего преклонения перед их городом и презрения ко всему, находящемуся за его пределами, короче говоря, к варварскому? Жители Ангкора проходили подобную же школу. Им говорили, что воздвигаемый храм, магическая модель Вселенной, — это центр не только города, но и всей страны кхмеров, да что я говорю, всего мира. Пуп земли, ось, вокруг которой все вращается... И разве не было возвышенной задачей присутствовать при этом, участвовать в таком строительстве?

Великолепие видели все. Посланцы других народов не скрывали своего восторга. Приезжали представители Китая, страны, называвшей себя Срединной империей, и писали на родину восторженные письма. Почему же местному населению было не гордиться? Почему ему было не вносить добровольный вклад в строительство своей Золотой часовни?

Но что, если пропорция между числом создателей различных ценностей нарушалась? Если новые короли, вступая на трон, каждый раз говорили:

— То, что вы построили при моем предшественнике, неплохо. Но это пустяки по сравнению с тем великолепием, которое мы с вами создадим теперь, во время моего правления. Пошевеливайтесь!

Передышек не было. Большое строительство требует большой организации. И большой поспешности, ибо король хочет увидеть завершение своего замысла, а человеческую жизнь продлить невозможно. Законченное сооружение должно стать посмертным жилищем короля, обессмертить его. Поэтому — пошевеливайтесь!

Существует точка зрения, согласно которой замок Карлштейн в Чехии был построен всего за девять лет; это было большим достижением. Но что сказать, если Ангкор-Ват, неизмеримо более трудоемкий храм древних кхмеров, был воздвигнут за каких-нибудь тридцать лет? Для этого недостаточно было гениальности архитекторов, прекрасной организации и энтузиазма населения. Необходимы были жестокая деспотия, бич, беспощадная воля тирана, шагающая через трупы, превращающая людей в стадо. Без этого не могла

быть воздвигнута Великая китайская стена, самая потрясающая из всех древних построек. Как-то, во время снежной вьюги, стоя на ней, я видел несколько десятков из тысяч ее километров, величественно поднимающихся по горным склонам, на которые не мог бы взобраться танк. Ветер был настолько силен, что мне пришлось карабкаться на четвереньках, слезы замерзали на моих ресницах. И все-таки стена стояла и будет стоять еще тысячу лет. Непостижимо мощная, с казармами и с расположенными через одинаковые интервалы сторожевыми вышками, такая широкая наверху, что там могли бы разъехаться две повозки — крепостная стена вокруг всей Китайской империи, самое бессмысленное и самое большое из всех гигантских сооружений мира. Наверняка во время ее постройки не раз бывали такие вьюги. А потом, когда она была готова, дозорные не раз карабкались по ней с замерзшими на ресницах слезами. Сколько слез было из-за нее пролито? И кого она в конце концов спасла?

В Ангкоре жара, но люди от нее страдают не меньше, чем от мороза. Бороться с комарами, болотами и девственным лесом, ломать миллионы кубометров камня кирками, без динамита и орудий нашего времени, так же примитивно доставлять их на место, обтесывать, украшать каждый сантиметр поверхности рельефами и кружевной резьбой... От всего этого со временем угаснет любой патриотизм.

Постройку, может быть, и доведут до конца, но затраченные на нее усилия не будут возмещены полученным удовлетворением. Ангкорские короли перегнули палку: они перешагнули за пределы человеческих возможностей, и народ возмутился. Его перестало радовать то, что создавали строители. Не только потому, что храм его не кормил — он уже не грел сердца. Народ бросил его и ушел.

Ушел так же, как ушли — приблизительно в то же время — юкатанцы от своих излишне великолепных храмов в Чичен-Ице, как до того ушел от своих каменных драгоценностей народ из Копана и Квиригуа, из Боробудура и Лоро Джонгранга.

Но доведем до конца наше сравнение. Наши граждане горячо любят Национальный театр. Слепа ли их

любовь? Будет ли она автоматически длиться вечно? Хорошо помню тридцатые годы, когда я приехал учиться в Прагу. Прогрессивная молодежь любила тогда театры Д34 и Освобожденный, это были ее театры. Не случайно Э. Ф. Буриан написал над своей сценой: «Нищие себе». Золотая часовня над Влтавой принадлежала другим. Какое дело было нам до вздохов сентиментальных мещан, наслаждавшихся ею? Если бы от нас зависело составление государственного бюджета, Национальный театр не получал бы тогда ни кроны, мы относились к нему с полным безразличием.

И все-таки в 1880 году этот театр действительно был детищем народа. Никакие жертвы не были слишком тяжелыми, никакой пожар не мог превратить его в руины. Любовь народа не слепа, чехи имели основания любить символ своей национальной самобытности, он обладал для них магической силой. Но если Национальный театр когда-нибудь снова забудет о своей функции, как это было, например, в тридцатых годах, ничто не спасет его, он опустеет. Ангкор был гораздо больше, а что от него осталось?

ПРЕКРАСНЫЕ КАМНИ

О, Ангкор!

Пожелания моих товарищей сбылись. Ангкор осчастливил нас камнями, прекрасными камнями, морем прекрасных камней и не одних только камней.

Мы неожиданно очутились в девственном лесу. Это был настоящий девственный тропический бор, обвитый веревками лиан, с целыми кустами зеленых паразитов на нижних частях ветвей, лес жаркий и высокий. Я мог наконец сказать своим друзьям: «Вот вы и у цели! Вы все время требовали настоящих джунглей, получайте их! Образец всех занавесов к «Волшебной флейте», всех картинок на школьных стенах и в книгах, формировавших нашу мечту о сказочной сцене, где разыгрывались приключения Маугли и Тарзана. Вот они перед вами, вслушивайтесь в их дыхание!»

Наш капельмейстер поднял палец и, прошептав: «Да! Это ми второй октавы», определил звук, кото-

рый непрерывно стоял в воздухе, не снижаясь и не повышаясь, — стрекотание цикад, их бесконечное и-и-и-и-и-и.

В симфонии Хиндемита о Матиссе есть место, где после отчаянной борьбы с демоном наступает тишина, полный покой. Эта тишина выражена там таким же высоким, шелестящим и-и-и. Я не обладаю абсолютным слухом нашего капельмейстера и не отважился бы сказать, что Хиндемит применил там это ми анкорских цикад, но воспринимал его именно так: тишина. Изумительная, сладкая, целительная тишина после борьбы с демоном. Возможно, вы улыбнетесь, скажете, что я преувеличиваю. С каким демоном мог встретиться ваш разговорчивый автор? Да и в моде ли они еще? Демоны!

Я не буду вам ничего объяснять. Но попытайтесь себе представить, что этим демоном была Торопливость. Судорожно непоседливая Торопливость, загнавшая сама себя, споткнулась о первый же корень в лесу, упала и больше не могла подняться. Высоко над нею звучало тихое и-и-и, а обезьянки — сказал я вам, что они занимались физзарядкой на вершинах деревьев? — обезьянки бесшумно перепрыгивали с ветки на ветку. Они тренировались организовано, не суматошно, как белки, а почти по-человечески, командами. Каждая выжидала, пока остановится ветка, которую раскачала ее подружка, и тогда прыгала. А за нею вторая, пятая, шестая... Вели они себя уверенно, как настоящие хозяева этого леса, как Пан, как Маугли, как Тарзан, как наша собственная детская мечта.

А Торопливость лежала на земле, свернувшаяся клубочком, неподвижная.

Щупальца джунглей обволокли храм. Корни их были медлительны, но гораздо сильнее Торопливости и любых человеческих рук. Несколько семян занесло на башню с четырехликой головой. Корни обволокли голову и задушили ее. Бесстыдно проникли в ее рот, в ноздри, даже в морщинки на лбу, сжали и сдвинули камни, из которых все было изваяно. Кое-что перевернули, другое размыли дожди, покрыли лишайники.

Полтысячелетия пережевывали джунгли эту гигантскую порцию пищи.

И как-то, сто лет назад, споткнулся о здешние корни француз, естествоиспытатель Муго. Он был нездоров, искал не развалины, а нечто совсем другое, но здесь остановился. Перед самой смертью ему посчастливилось сделать великое открытие. Он обнаружил руины величественного города, о существовании которого никто не имел понятия. Его сообщение взволновало всех, кто узнал, что в джунглях Индокитая находится жемчужина мировой архитектуры, такая же, как Парфенон или Версаль...

После этого вспомнили о переведенном на французский язык рассказе китайского путешественника тринадцатого столетия Чоу Та-хуана. Он описывал исчезнувшую сказочную империю древних кхмеров, их сооружения, те самые, которые открыл Муго. Живая картина нравов, нарисованная древним путешественником, подтверждала сообщения тех, кто шел по стопам Муго. Ангкор становился в глазах людей реальностью, он оказался сильнее леса.

Освободить строения от убийственных корней, восстановить то, что уже развалилось, было делом нелегким; над этим трудились целые поколения археологов, и это дело до сих пор не закончено. Работали поразному. Первую экспедицию возглавил морской офицер Делапорт, и французский историк с полной серьезностью говорит, что он «организовал для парижского музея большую коллекцию кхмерского искусства». Я всегда думал, что уродливое слово «организовать» вместо простого «собрать» было придумано нами, заключенными концлагерей. А оказывается, Делапорт тоже «организовывал». Выломал здесь кусок красивого фриза, а там какой-нибудь рельеф, отбил несколько красивых голов, упаковал все в ящики, и это называлось археологической экспедицией. Но так делалось и в других местах, я не собираюсь посягать на честь французских ученых: после Делапорта пришли другие и большей частью лучшие.

Ангкор поднялся над джунглями, он снова прекрасен. Красив по-иному, не так, как раньше, — что было, то быльем поросло. Не надеетесь же вы увидеть то,

что описывает старый Чоу Та-хуан: «Король не покидает дворца без брони, так что ни нож, ни стрелы не могут ранить его... На голове он носит золотую диадему или обвивает связанные узлом волосы благоуханными цветами, например жасмином. На шее у него жемчужное ожерелье весом в добрых три фунта. На запястьях, щиколотках и пальцах золотые браслеты и кольца, украшенные кошачьим глазом. Ходит он босиком, ступни и ладони красит в красный цвет... Когда он выезжает за пределы своей резиденции, девушки его свиты несут перед ним золотые и серебряные сосуды. Затем следуют повозочки, в которые запряжены козы, и кареты, влекаемые лошадьми, все в богатом золотом убранстве. Над всем этим свыше ста украшенных золотом зонтиков с золотыми ручками. Лишь за ними появляется властелин на слоне, на бивни которого надеты золотые футляры. В руках короля золотой меч. Окружает его лейб-гвардия из вооруженных копьями и щитами девушек, за ними следует стража на конях и слонах...»

Далее сообщается, что у короля было пять жен — одна главная и по одной для каждой стороны света, а кроме того, от трех до пяти тысяч наложниц и служанок, разделенных на различные категории. Чоу Та-хуану рассказывали, что «в столице есть золотая башня, в которой находится спальня короля. Там живет дух десятиголовой кобры, властительницы страны, всего королевства. Ежегодно он принимает облик женщины, с которой король должен спать. Если бы король пропустил хоть одну ночь, произошло бы несчастье». Вот какой самоотверженный король! Даже его сладострастие было, собственно, служением народу.

Китайский эмиссар рассказывает не только о короле, дворцах и важных чиновниках, именуя их «советниками, генералами, астрономами». Он описывает жизнь простых людей, их одежду (мужчины, так же как женщины, связывали волосы узлом, ходили с обнаженной грудью, оборачивали вокруг бедер кусок материи), описывает судебные органы, включая суд божий (противники сидели один против другого на соседних башнях до тех пор, пока один из них не заболел), описывает торговые обычаи и рабов, покупа-

емых для личных услуг (мелкая торговля была в руках женщин, рабы происходили главным образом из дикого горного племени, которое называли ворами чунгами). Рассказывает он и о том, как хорошо жилось там переселенцам из Китая. Они легко приобретали рис, жен и дома, а здешняя жара тоже имела свои хорошие стороны. Люди охотно сбрасывали свою старую одежду и ходили в местной, купались... «Здесь невозможно выдержать, не купаясь по нескольку раз в день. Женщины, собравшись группами по трое-пятеро, ходят за город купаться. На берегу они снимают одежду и входят в реку. Там можно увидеть тысячи купающихся. Ходят туда и знатные женщины, не считая это чем-то постыдным. Там вы можете рассматривать их с ног до головы... Как только удастся урвать свободную минуту, китайцы отправляются полюбоваться этим зрелищем».

Всего этого мы уже не застали. Королевская резиденция была безлюдна, грабители из соседних стран давно растащили все, что можно было. Они ободрали золотую облицовку башен, утащили зонтики, утварь, ткани. Деревянные дома горожан и королевские дворцы обращены в пепел. Сохранился лишь не поддавшийся разрушению центр города, голые камни храмов, ибо из камня разрешалось строить только жилища богов и умерших богов-королей.

Осталось море камня. Простого серого песчаника, такого твердого, такого непостижимо компактного, что его можно было полировать, как металл. Кое-где он выветрился и почернел, в других местах поверхность осталась светлой, отдельные башни при свете месяца отливают серебром. На рельефах некоторых камней поражают лица модно причесанных красотою с улыбками весьма современных обольстительниц. Подавляет самый вес здания, гораздо больший, чем все, что мне до того приходилось видеть в городах майя и тольтеков. С Ангкором, пожалуй, не могут сравниться даже египетские пирамиды.

Встречаются здесь и менее поражающие камни — стелы. Надписи на них свидетельствуют о цене славы. Храм Та Пром, далеко не самый большой из всех, принадлежал королеве-матери. Работы по его текущему ремонту выполняли три тысячи сто сорок деревень.

Храм надо было не только построить, вокруг него постоянно жили и питались, не производя ничего съестного, восемнадцать верховных и две тысячи семьсот сорок низших священнослужителей, две тысячи двести два прислужника, шестьсот пятнадцать храмовых танцовщиц. Для украшения этого святилища было использовано около десяти тысяч килограммов золота и серебра, сорок тысяч жемчужин, тридцать пять бриллиантов, четыре тысячи пятьсот других драгоценных камней и так далее и так далее.

Драгоценные камни. Все эти тонны серого песка вокруг нас были настоящими драгоценными камнями.

НЕБЕСНЫЕ ХЛЕВЫ

Легенда гласит, что некая богиня тайком сорвала шесть цветков в садике бедного китайца. Бог Индра, услышав жалобы пострадавшего, наказал богиню: она должна была в течение шести лет служить этому смертному как простая женщина. Она родила и выкормила ему ребенка и затем вернулась на небо. А уходя, положила на подушку супруга шесть цветков, чтобы он понял в чем дело.

Сын ее с раннего детства любил рисовать, лепить, вообще любил красоту. Он не забыл своей прекрасной матери, неустанно искал ее и, преодолев много трудностей, пришел к ней в рай Индры. Там он обучился искусству, архитектуре и подружился с другим смертным. Индра, обернувшись ярким лучом света, спустился к королеве кхмеров и оплодотворил ее, а ребенка затем взял к себе. Но дети смертных не могут постоянно жить на небе. Поэтому оба молодых человека должны были вернуться на землю, и там принц попросил архитектора построить ему точную копию какого-нибудь небесного дворца. Но, будучи людьми смиренными, они отважились скопировать только хлев, в котором стояли волы Индры. Так возникло великолепие Ангкора.

О, Ангкор! О, прекрасные сказки! О, мудрость народных сказителей, якобы отражавшая набожный страх перед ревностью небес и в то же время затаен-

ную насмешку. Над чем они смеются? Над тщетой человеческих стремлений или над чрезмерными притязаниями правителей?

Правителям кхмеров ничуть не было свойственно смирение. Храмы они воздвигали в первую очередь как собственную усыпальницу. Им и в голову не приходило уподобляться волам Индры, наоборот, они считали себя воплощением самих богов и требовали божественных почестей.

Земную часть своей жизни они проводили в легких деревянных строениях — мы собственными глазами убедились в Пном-Пене в том, каким изящным и комфортабельным может быть такой деревянный дворец, — а для загробного существования они строили более солидные здания из камня. В этих храмах-мавзолеях все должно было создавать впечатление небесного великолепия, невиданного и неслыханного. Но для жилья они не были пригодны.

Талантливые кхмерские архитекторы, были, несомненно, избранниками небес, умели сделать из камня все что угодно, но только не большое помещение. Так же, как их современники в Мексике, они не ощущали потребности решать проблему больших сводов. Было жарко, периоды дождей и засухи можно было точно предвидеть, большие собрания проводились на открытом воздухе, достаточно было легких крыш и балдахинов. Кто захочет жить в спертой атмосфере каменных домов!

Камень — прочный, бессмертный, как боги, — употребляли только для постройки храмов, а там было вполне достаточно лишь *наметить* своды. Когда кхмеры или американские майя копировали в камне своды, которые они мастерски возводили из дерева, получались лишь неуклюжие потолки над маленькими кельями или узкими коридорами. Даже в таких маленьких помещениях было достаточно места для идола и алтаря, а большего и не требовалось. Важны были внешние плоскости, они были видны отовсюду и должны были быть как можно больше, чтобы на них поместилось много роскоши. И должны были устремляться ввысь, к небу, как пирамидальные основания всего великолепия, как магическая копия горы Вселенной или как башни — символ пола бога Шивы.

Ангкорские храмы в сущности колоссальное нагромождение камня вокруг нескольких маленьких келий. Но чтобы создать снаружи впечатление таких же прозрачных окон с деревянными переплетами, какими блистало жилище живого короля, окна прорезали и в толстых стенах храмов. Но большей частью они были слепыми, лишь небольшая часть поверхности стены за ними была полой. Так, в Ангкор-Вате — самой большой из построенных в двенадцатом столетии копий небесных дворцов — сотни фальшивых окон с решетками, точной копией точеных деревянных столбиков. Одна эта работа каменотесов была невероятно трудоемкой. Но окна занимают лишь часть фасада. Остальная поверхность заполнена резными орнаментами, напоминающими европейский поздний ренессанс, хотя они были созданы намного раньше. А среди этой каменной листвы огромное количество рельефных фигур. Одних «аспар» здесь свыше четырех тысяч. Аспары — небожительницы, созданные для ублаговления почивших. У них причудливые юбки, голые груди, масса драгоценностей и фантастические прически. На лбах челочки, волосы уложены в различных направлениях, связаны узлами, поднимаются и ниспадают, как струи фонтанов. Некоторые аспары — танцовщицы в коротких юбочках; они изображены обычно по три, прыгающими по цветам лотоса, одна нога у них подогнута, тогда как вторая, тоже согнутая, поднята. Причем колени отодвигаются как можно дальше от туловища, линия бедер образует внизу прямую черту; основное па их танца, по-видимому, шаг. Руки поднимаются и опускаются в одном ритме со всем телом, лица под треугольными диадемами улыбаются, улыбаются все эти тысячи небожительниц.

Вдоль стен открытых галерей тянутся параллельные ряды других рельефов с изображениями мифологических и исторических событий. Высота их в среднем два с половиной метра, длина — восемьсот метров. Восемьсот метров сцен, происходящих в раю и в аду, борьбы людей с демонами, военных смотров. Здесь битва с бесчисленным количеством сражающихся, великаны, вращающие небесное море молока, дабы сбить масло бессмертия, сам бог Вишну в образе

женщины поддерживает землю, чтобы она выдержала вращение этого моря.

Я начал с конца, с описания деталей отделки, но еще ничего не сказал о целом, а ведь это главное. Почти бесспорно, что орнаменты, покрывающие такие колоссальные плоскости, должны в конечном счете стать несколько однообразными, производить впечатление серийного производства. Но эти стены были бы поразительны, даже если бы не были ничем украшены. Учтите, что храм Ангкор-Ват — это огромный квадрат, длина его стен свыше четырех километров, внутри окружающего их рва расположены один над другим постепенно уменьшающиеся квадраты галерей, и все это устремлено к центральной пирамиде, где подымается самая высокая башня, в которой находятся главные помещения храма.

При описании таких масштабов слова бессильны, так же как фотографии. Вы можете *знать* на зубок репродукции фресок Сикстинской часовни и все-таки только в Риме отдаете себе отчет в их действительных размерах. А в Ангкоре размеры — самое главное. Самое большое впечатление производит невообразимое расстояние, на котором перед вами предстают башни Ангкор-Вата, когда вы приближаетесь к входным воротам, расстояние, которое кажется непреодолимым и после того, как вы, уже миновав эти ворота, идете к башням. Дорога под вашими ногами убегает, крутая лестница подымается, спускается и снова подымается. Подойти к этим башням вплотную — значит, проделать долгий путь, испытать жадность ожидания, нарастающее волнение, преклонение перед мощью человеческого созидания. То, что какой-то король этого захотел, а архитектор смог спроектировать, можно понять. Но то, что плоды их ненасытной фантазии были осуществлены, что такие несбыточные мечты были воплощены в жизнь одним поколением — это превосходит самую смелую фантазию.

Прибавьте ко всему окружающую атмосферу. Ведь башни не картонные, все это не макет, находящийся в закрытом помещении какого-нибудь музея. Это растянулось на километр в длину и на километр в ширину, вокруг летают птицы, и вслед за солнцем движутся тени, меняется окраска камней. Поднявшись

наверх, вы увидите вокруг безмолвный девственный лес. Вдоль прекраснейшей галереи тянется четырехугольник рва. Вы видите, что его вода заросла лотосами. Лодочки движутся среди зарослей водяных лилий, стоящая у дороги на коленях женщина в саронге обнаженными руками полощет белье. Проходя по двору, вы минуете стадо коров, то там, то тут мелькают шафранные одеяния монахов. Ангкор-Ват — единственная из руин, снова ставшая действующим храмом. Из келий доносятся звуки гонга и бормотание молитв, от курящихся у алтарей палочек подымается сладковатый аромат.

День угасает. Над кронами деревьев быстро опускается багровый шар солнца. Башни, подобно вершинам альпийских гор, покрылись багрянцем, пылают шафранные тоги монахов, чашечки лотосов закрываются.

А Торопливость, наша жалкая Торопливость все еще лежит неподвижно на земле.

УЛЫБКИ И ТО, ЧТО ПРОИЗОШЛО ПОСЛЕ НИХ

Важно ли, кем были божества, которым здесь курили фимиам? Кто здесь всегда улыбался — Будда или многорукий Вишну? Религия и секты часто сменялись, и чем больше переплетаются их следы, тем меньше значения придаешь путям, по которым они шли. Несомненно, что главным божеством был в Ангкоре король. Это он объединял в единое целое трудолюбивых пчел страны, он был видимым связующим звеном всего общественного здания, он символизировал единство, от него зависело процветание больших ирригационных сооружений, на которых основывалось производство риса.

Вероятно, в Кхмере впервые в строгую науку Будды вторглась причудливая антиреформация — роскошь, мистика, святые. Мы знаем, как древний буддизм отрекался от мира, как хотел обойтись без священников, без посредников, даже без божества, был не более и не менее как бунтом против человеческой природы. Боль и страдания были настолько невыноси-

мыми и казались так тесно связанными с земным существованием, что Будда вместе с ними отверг жизнь вообще. Он проповедовал отказ от суеверий общественной жизни, отказ от страстей, включая сладострастие. Вываться из проклятого круговорота зла, порождающего зло. Вываться из него навеки; без надежды на звуки ангельских арф и небесные лакомства. Прочь оттуда!

Напиток такой сильной концентрации не годился для крестьянина, который должен был вносить как можно больше меда в общественный улей. Общий отказ от насущных жизненных забот был бы самоубийством общества, а это не было на руку властителям. Они не возражали против того, чтобы при общественном разделении труда сформировались и несколько комичные профессиональные мудрецы, предостерегающие от излишнего обжорства. Но в остальном им нужна была религия надежная, возвышенная — отдушина для скопившихся эмоций. Им надо было обещать бедняку, к которому земная жизнь была несправедлива, награду в потустороннем мире, угрожать адом каждому, кто пытался поколебать порядок, который их устраивал. Касты, иерархия, ритуал были основой их преуспеяния. И потому они проповедовали, что выполнение ритуала — основа преуспеяния вообще.

Они не нуждались в сложных философских абстракциях и предпочитали наглядность. Вишну, например, был божеством наглядным. Многорукость его статуи говорила о том, что, обладая большей силой, чем простой двурукий человек, он может делать много дел одновременно. Первоначально статуи Будды были портретами обыкновенного человека, не обладающего исключительной силой или активностью; а если у него были какие-либо необычайные способности, то они заключались в мышлении. Поэтому скульпторы очень скоро стали изображать его с шишкой на темени, чтобы показать место, где кроется источник этой необычайной способности. Но этого было мало, требовалось превратить портрет в идола, создать множество Будд. Исторический Будда был низведен до положения одного из звеньев в цепи Будд-спасителей, которые из вечности в вечность пекутся о мире и при-

ходят помочь ему. Небеса заселили святыми, некогда бывшими Буддами или готовящимися ими стать. Возник миф о многоруком существе, настолько самоотверженном, что оно добровольно оставалось помощником людей, хотя уже давно заслужило право на личное блаженство и нирвану: о бодисатве Локешваре.

В буддизме создалось два течения. Строгое учение, больше походившее на первоначальное, называлось хинаяна — малая колесница. Второе, широко распространившееся по всему свету и располагавшее такими аксессуарами, как небо, ад, рай и многорукие божеества, называлось махаяна — большая колесница. Большая колесница проникла через Камбоджу в Монголию, Китай, Корею, Японию; более трезвая малая колесница сохранилась только на Цейлоне и нашла в современной восточной Индии подходящую почву — после падения империи кхмеров был утрачен вкус к религиозной помпезности. (Быть может, вам покажется, что в этой книге отводится слишком много места такому чуждому для нас вопросу, как буддизм. Но для миллионов людей на Востоке эта религия остается до сих пор мощным политическим фактором. А у западной границы Чехословакии буддизм становится интеллектуальной модой. Не исключено, что он с обычным запозданием проникнет и в головы некоторых людей у нас. Можем ли мы позволить этим модным словечкам импонировать кое-кому, и не знать, в чем их сущность?)

Восседавшие на алтарях древних ангорских храмов индуистские либо махаянские идола фактически были всегда портретами королей. Скульптор лишь добавлял лишнюю пару рук, иной раз буддийскую шишку на темени или нимб как символ излучаемой благостыни и обязательно улыбку как выражение внутренней уравновешенности.

Немного к северу от Ангкор-Вата (Пагоды Столицы) находятся стены Ангкор-Тома (Столицы), образующие квадрат, каждая сторона которого равна трем с половиной километрам. Путь туда ведет по насыпи, окаймленной высокими перилами. Каменные генералы, как их называет средневековый автор путевых заметок Чоу Та-хуан, тянут там, подобно бурла-

кам, девятиголовую кобру. Этой коброй они вращают гору Вселенной, взбивая таким образом море молока. Об этом мы уже говорили. Гору эту воплощает центр города Ангкор-Том — храм Байон. Байон очередное колоссальное нагромождение камня вокруг маленьких келий, населенных летучими мышами. На его центральной пирамиде высится целая система башен, и каждая из них увенчана головой четырехликого короля Локешвары; лики эти обращены ко всем четырем сторонам света. Каждый двухметровый лик улыбается блаженно, мудро, всеведуще, понимающе, милосердно, безразлично, угрожающе, жестоко... Пусть твоя совесть, грешник, подскажет тебе, что означает каждая из этих неизменных улыбок. Король бесспорно знал, почему поместил в центре Вселенной свой (или Локешвары) портрет: он видел больше всех людей, смотрел на них свысока, наблюдал за ними — с умудренной улыбкой божественной справедливости на устах — даже в самых отдаленных уголках своего царства. От него нельзя было ничего скрыть, невозможно было бежать.

И снова видим мы у подножия башни галереи с рельефами. Стереотипная улыбка правителя господствует над Вселенной, принимая ее такой, как она есть. Ужасы войны и радости мира сосуществуют в ней. Мы видим людей, упавших во время морской битвы в воду и пожираемых крокодилами. И тут же рядом, другие люди жарят рыбу на огне домашнего очага. Быть съеденным ужасно, поесть самому приятно — ну и что ж? И здесь отправляются в поход армии, плывут в бой галеры, кхмеры сражаются с соседними народами, люди убивают, чтобы лучше жить... И все это украшает храм, называемый буддийским! Действительно ли важно, как называется та или иная религия? Разве не все они благословляли и благословляют пушки?

За Байоном открывается монументальная площадь столицы. Слева терраса длиною в триста пятьдесят метров — вы еще воспринимаете цифры? — украшенная рельефами слонов. Далее следует терраса со статуей, называемой Немошным королем. Не знаю, чьему капризу — легенды или археологов — обязана она своим именем, но это фигура улыбающегося красавчика

без половых признаков, без знаков королевского достоинства и без малейшего намека на болезнь. С художественной точки зрения это средняя статуя, менее интересная, чем тонны окружающих ее скульптур. Но она получила удачное, нравящееся публике имя, один писатель даже заимствовал его для названия своего романа, и теперь все, кто приезжают в Ангкор, считают обязательным посмотреть Немошного короля. Остерегайтесь недооценки названия! Чего стоят по сравнению с истинными архитектурными шедеврами Праги Злата улочка или Мост вздохов? И все-таки отважится ли какой-нибудь турист не щелкнуть перед ними затвором фотоаппарата, даже если на его пленке осталось всего два кадра?

За террасами находится еще много прекрасных руин, носящих такие непоэтичные названия, как Бафуон или Фименакас, но мы на них не будем останавливаться. А жаль, потому что Фименакас мог бы служить классическим примером пирамиды майя. Там мне пришлось бы снова предостерегать вас от размышлений о загадочном сходстве, а мне больше не хочется это делать. Впрочем, признаюсь, что такие размышления иногда прямо-таки напрашиваются.

Вот, например, название Прага. Что нам приходилось думать, когда мы столкнулись в Ангкоре с названиями Праг-Эн-Теп, Праг-Сеар, Праг-Нгок, Праг-Пилилай, Праг-Питу и тому подобными? Это «Праг» лишь фонетическая запись кхмерского слова, означающего величественный, божественный, королевский. Оно всегда ставится перед названиями священных зданий, приблизительно так, как мы говорим: храм святого Вита, святого Игнация. Созвучие между ангорским «Праг» и нашей величественной, божественной, королевской Прагой, таким образом, чисто случайное, но...

Мы размышляли об этом, а значит, вспоминали о Праге, расхаживая среди развалин храма Праг-Кхан, к северу от главных террас. Размеры и красота его статуй не превосходят те, что мы видели в Ангкор-Вате или Байоне, но в нем очаровательный лабиринт ходов, проложенных под прямым углом вокруг центрального фаллоса. Во всех направлениях открывается перспектива длиной в двести метров, каменные двери

за каменными дверьми, порог за порогом. И главное: поскольку мы уже оказались в стороне от крупнейших памятников, со всех сторон подступают неукротенные джунгли, сплетение лиан и корней, в воздухе звучит бесконечное ми анкорских цикад, все неподвижно, и только обезьянки продолжают свою тренировку.

Торопливость была повержена в прах, но не умерла. Она подала голос как раз тогда, когда я совершенно забыл о ней. Когда я дышал полной грудью и радовался тому, что мне посчастливилось потратить впустую два дня среди анкорских камней. В Пном-Пене меня ожидало неприятное сообщение.

В тот вечер в отеле — я стоял веселый и совершенно незащитный под душем — кто-то постучал в дверь. На пороге переминались два словацких киноработника: Цифра и Кубенко. Они прилетели из Праги и привезли не очень устаревшую почту и коробку с ванильными рогалями к рождеству, так как было двадцать первое декабря. К коробке было приложено письмо.

Не стану рассказывать вам, о каких домашних неприятностях сообщалось в нем. Но в правдивом описании путешествия нельзя опустить обстоятельство, резко изменившее его направление.

Словаки знали содержание письма. Мы увидели друг друга впервые в жизни; когда я с шумом открыл им дверь, они вошли, неуверенно улыбаясь. Наблюдала за тем, как я весело разрывал обертку коробки и конверт, и увидели мое изменившееся лицо.

Теперь и у них на глазах были слезы, они бормотали что-то, вероятно слова утешения. Обнимали меня, похлопывали по спине, что-то говорили на своем мягком, ласковом языке, но до меня ничего не доходило. Мне слышалось нечто другое: горькое шуршание колесниц древних семейных трагедий.

Прочь отсюда... Скорчившаяся Торопливость вскочила, она стала вдруг живее всего окружающего. Оседлала меня и гнала домой. Сейчас же, немедленно.

Но человек не может сразу дезертировать, бросить недоделанную работу. Он должен подождать, пока его сменят. А ожидая, он успокаивается. Чем я помогу дома теперь, когда все уже позади? Здесь я возглавляю кукольный театр, это пост, и он обязывает.

Не смейтесь. Для управления куклами пользуются нитками, но у каждой нитки два конца, и случается, что кукольник судорожно зацепляется за один из них. И нитка помогает ему удержаться на ногах.

Все шло по-прежнему. Вечером состоялось торжество. Специальное представление в нашу честь: камбоджийский балет. Живые аспары, обернутые в тяжелую парчу, с золотыми коронками на головах, напоминающими пагоды. Они делают те же движения, что и каменные танцовщицы на ангорских рельефах, но там эти па казались гораздо живее, теплее. Парадно одетым членам государственного ансамбля не хватает естественной гармоничности небесных балерин. Поза на одной ноге, производящая впечатление мгновения, выхваченного из вихря движения и запечатленного в камне, превращается в самоцель, длится целые минуты. Танец становится просто грациозным переходом от одного такого па к другому, от живой картины к живой картине. Остановиться, устоять с минимальным колебанием на одной ноге, вероятно, очень трудно. Но разве все трудное обязательно прекрасно?

А может быть, человеку, когда он печален, не следует смотреть балет?

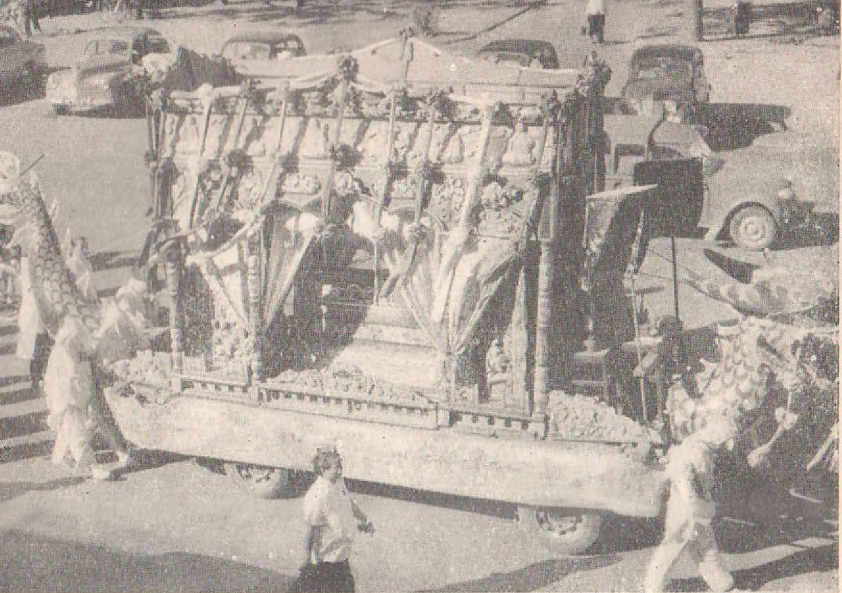
Я прошу красивых танцовщиц Камбоджи, да и всю эту страну, извинить меня. Они не виноваты в том, что меня там постигло, зачем же смотреть на них омраченным взглядом?

Лучше продолжать свой путь. Из Пном-Пеня нельзя позвонить в Прагу, но из Калькутты можно. Не удивляйтесь, что я уже думаю только о Калькутте. Мы прощаемся с камбоджийскими друзьями и увозим полученные подарки и гору цветов. Сохраним же о них хорошие воспоминания... О, Ангкор...

Мы снова повторяем это слово, и вдруг оно трогает нас так же сильно, как когда-то «утерянный рай человечества» в стихах Махи. Произнесенное среди

Ангкорские ворота в щупальцах джунглей

Погребальная колесница китайцев, живущих в Камбодже

Поварихи на рынке

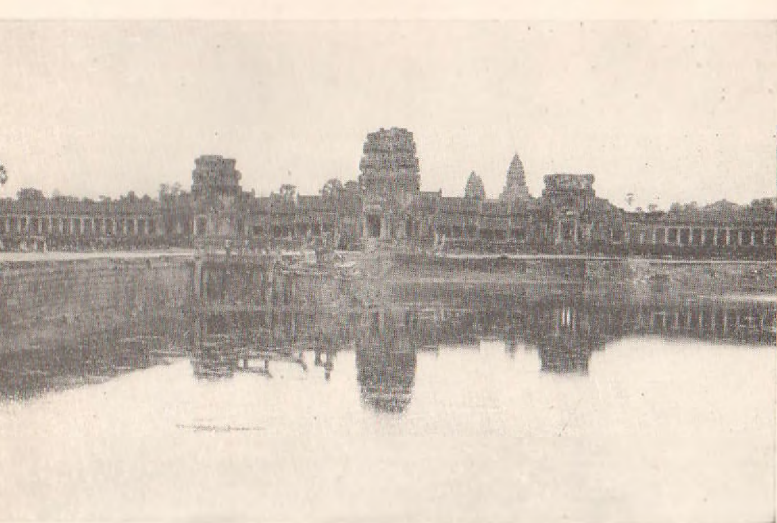

Этот «товар» не продается

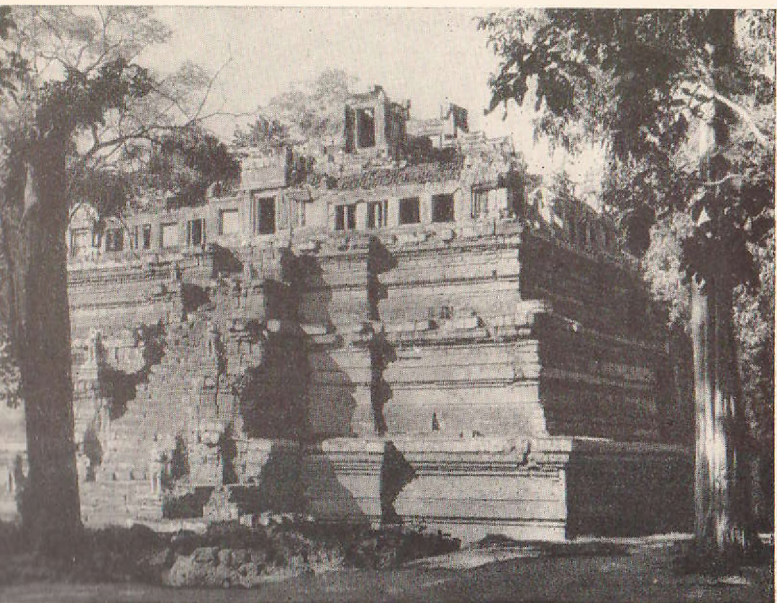
Дети среди корзин торговков

Вид через замковый ров на башни в центре Ангкор-Вата

Фимеанакас — кхмерское подобие майских пирамид (Ангкор-Том)

Танцовщицы (Ангкор-Ват)

Морская битва (Ангкор-Том)

Десятки голов короля Локешвары украшают башни Байона (Ангкор-Том)

Небесная возлюбленная (Ангкор-Ват)

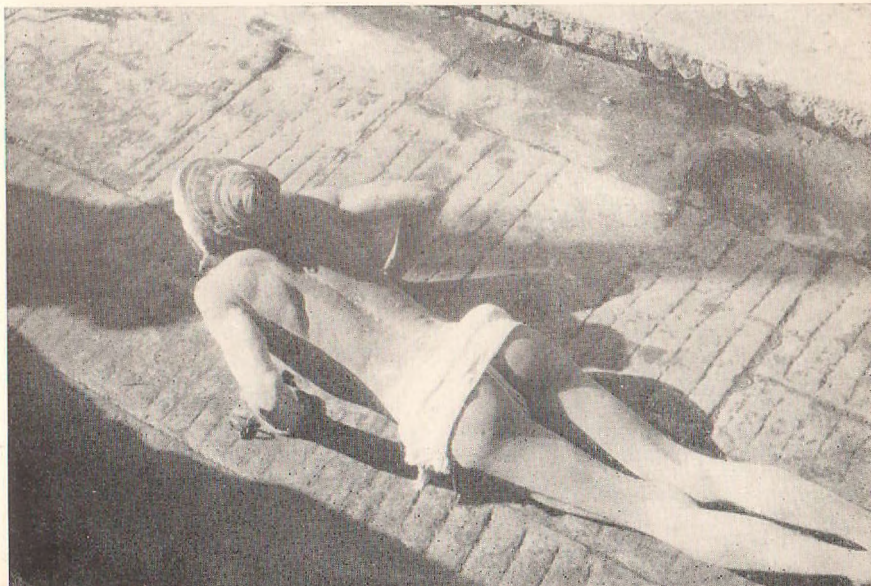
Производство богов и продажа старых и новых святых
на калькуттском тротуаре

Озорник и нищий

Святой передвигается по мостовой Бенареса,
акробатически подтягиваясь на руках

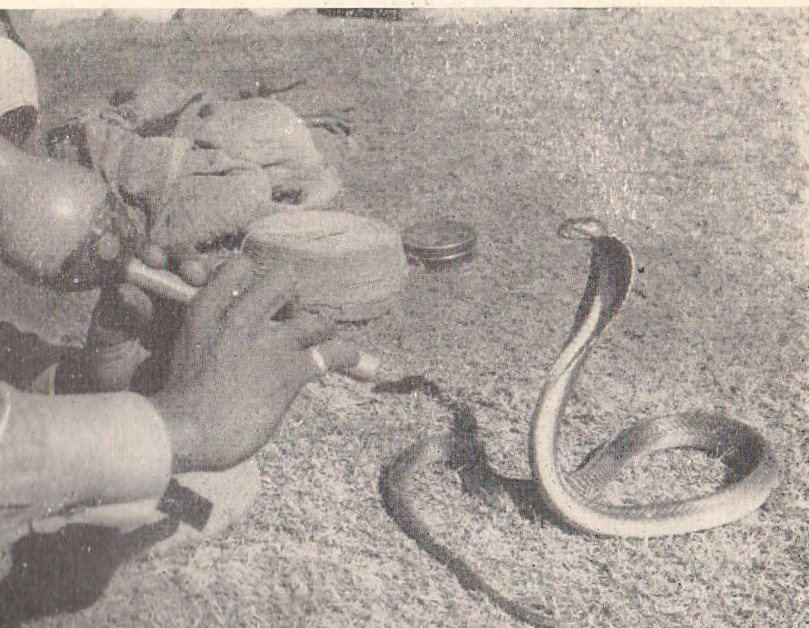

Бог Шива перед непальским храмом
в Бенаресе

Обезьяна-мать (Агра)

Танцующая кобра

Набережная Маникарника-гхат, место сожжения мертвых

Верующие, погруженные в созерцание над водами Ганга

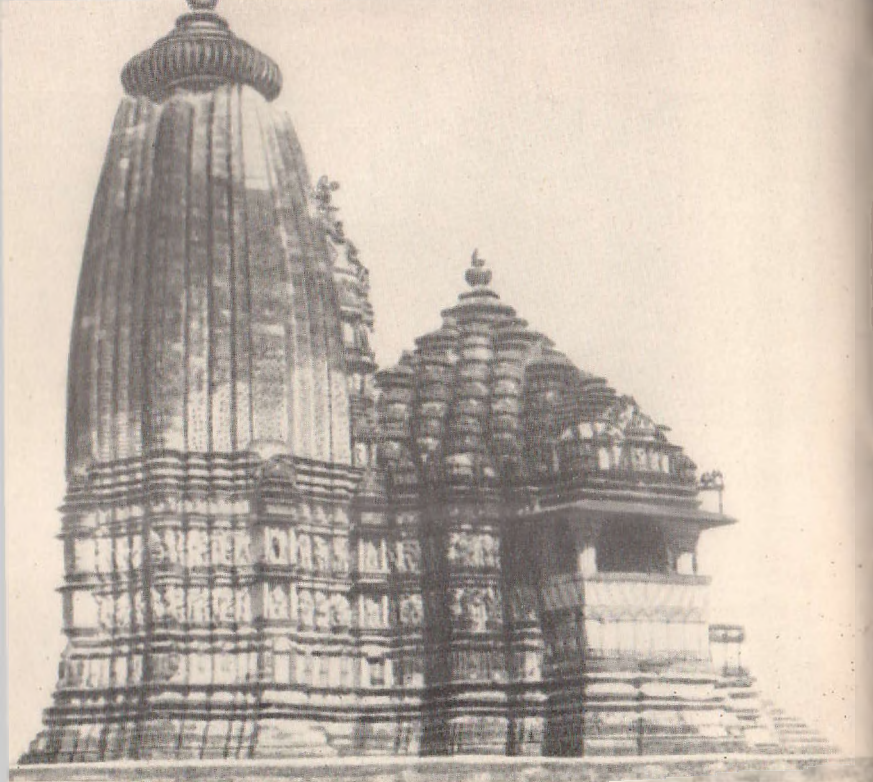

Каменные исполины у ворот Ангкор-Том (Камбоджа)

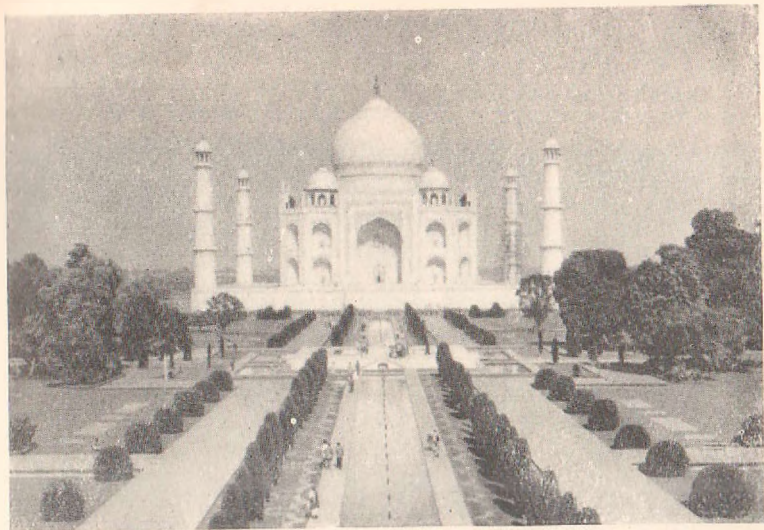
Танцовщица, одна из тысяч эротических статуй Каджурахо (Индия)

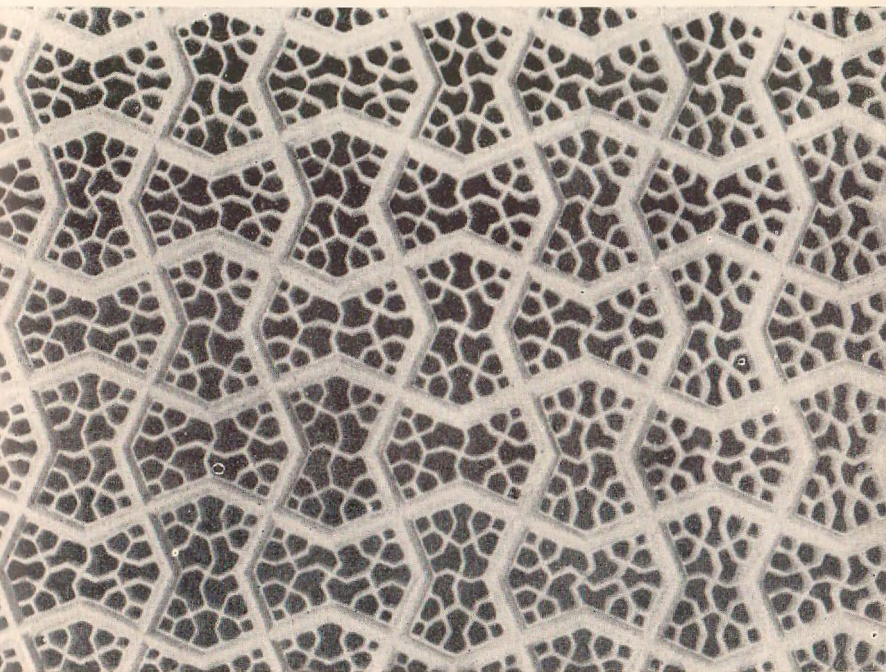
Общий вид храмов Каджурахо, символизирующих всемирную гору мира
Зот так строили и строят Тадж-Махал: изготовление алебастра

Тадж-Махал — прекраснейшее лакомство

Стена из ажурного алебаstra

Святой секты джайнов

французской фразы название Ангкор звучит почти так же, как *encore* — еще, опять. Ах, увидеть бы еще раз Ангкор таким, каким мы увидели его впервые, — с шелестящей тишиной над головой, с тренирующимися обезьянками.

Прочь отсюда...

Самолет компании «Air France» стартовал перед вечером, первая звезда поднялась слева, над зарей. Теперь мы летели прямо по направлению к дому. Через сто пятьдесят минут будет Рангун, еще через сто пятьдесят минут Восточная Индия. Стюардесса подала настоящую парижскую еду, папка, в которой лежало меню, была украшена акварелью с изображением Эйфелевой башни зимой — с обнаженными серо-коричневыми деревьями, среди которых то тут, то там мелькало красное пальто женщины или ребенка.

Самолет направлялся в Европу, но нам надо было выйти в Калькутте. Там нас ожидали знаменитый отель «Great Eastern», серия спектаклей и святки на чужбине.

Такой отель нечасто удастся увидеть. Старый, с налетом старинной благопристойности, на его визитной карточке кроме прочих титулов стоят слова: «*Shikari's rendez-vous*»; это означает, что он был местом встречи лордов, охотившихся на бенгальских тигров. Здесь сотни комнат, коридоры шириной с улицу — четыре метра от стены к стене. В полы боковых коридоров вделаны огромные решетки, сквозь которые видны верхние и нижние этажи. Сделано это во избежание духоты, чтобы воздух мог циркулировать по всему дому. В коридорах, как, впрочем, во всех отелях на востоке, полно белых ребятишек. Да и куда родителям девать их? И вот они с утра до ночи играют там, с невероятным грохотом катаются на игрушечных автомобилях, перекликаются с этажа на этаж через решетки в полу, разбивают хоккейными клюшками плитки полов и шайбами выбивают стекла.

В том, что здесь есть дамская и мужская парикмахерские, читальня, два бара, танцевальный зал и несколько ресторанов, нет ничего особенного, но то, что к ресторану вы идете по целой улице магазинов,

кажется уже странным. В них продают все необходимое путешественникам, а также ковры, художественные изделия, старинные вещи. Из магазинов веет крепким ароматом мускуса и ладана, в дверях стоят смуглые торговцы, поднимают сложенные для приветствия руки, предлагают свои богатства. Улыбаются нам, как знакомые. А разве это не так? Вы проходите по этому базару по меньшей мере шесть раз в день, направляясь в ресторан и обратно. А сколько раз проходил я? Здесь находилась телефонная станция отеля, она могла каждую минуту дать мне разговор с Прагой. Но вы знаете, как загружены линии накануне рождественских праздников, и потому это было непросто. Порой я предпочитал даже не уходить, часами просиживал среди мускуса, улыбок, ковров и антикварных вещей. Я уже знал, как открывают эти магазины по утрам, по скольку замков снимают с них владельцы, знал, как их в десять-одиннадцать часов вечера закрывают. Междугородные разговоры прекращались в двадцать четыре часа, но я ждал еще минут пятнадцать — а вдруг? Лишь на третий день меня соединили через Лондон. Слышишь меня, Прага?

Мы слышали друг друга, но голоса изменились до неузнаваемости. Благодаря усилителям, каждое слово звучало отчетливо, но чуждо. Это ты? Вправду ты?

А между тем наступали святки. С утра мы отправились на базар и купили елку, изготовленную для иностранцев из проволоки и зеленой бумаги. Красивой ее нельзя было назвать. И не удивительно, ведь ее смастерил человек, никогда не выдавший настоящей елки. Вместе с елкой мы принесли корзиночку мандаринов, фиников, ананасов и гранатов.

Вечером мы после обычного спектакля по-праздничному оделись и пошли в танцевальный зал отеля на рождественский ужин. Играл джаз, подавали жареную рыбу, фаршированную индюшку и спиртные напитки. Рядом с приборами лежали карнавальные шапочки, картонные кивера, трубы, деревянные трещотки, свернувшиеся бумажные змеи. Все необходимое для того, чтобы участники ужина нарядились и веселились, соблюдая англосаксонские рождественские традиции.

Во время ужина танцевали. За соседним столом шотландский офицер в зеленой юбочке и зеленой куртке с белым жабо у шеи, как у кавалера в стиле рококо, с поклоном пригласил свою белокурую даму в глубоко декольтированном платье. Это были не маскарадные костюмы, а праздничная одежда. А в полночь шотландские воыныики ходили по улицам Калькутты и играли под балконом отеля. За другим столом пиновала компания богатых индийцев. Мужчины в смокингах с настоящими черными бородами, в цветных сикхских тюрбанах, поверх которых они укрепили резинками бумажные тирольские шапочки, поварские колпаки или украшенный лентами чепчик жеманной барышни.

Все это было не столь смешно, сколь странно. Мои товарищи мужественно пытались создать у меня и у себя веселое настроение. Но воспоминания непрерывно всплывали: что делают родные? Именно сейчас?

Сикхи в бумажных шапочках крутили трещотки, они искрились и рокотали. Мы потянулись к бокалам. Оттик произнес речь о трещотках. Он уверял, что при помощи этих древних и замечательных приспособлений человечеству удалось изобрести рокот моторов на целое тысячелетие раньше, чем самые моторы.

А Карлик, чтобы поднять настроение, снова изобразил, как позавчера в Пном-Пене он самостоятельно побывал в китайском ресторане. Я вам об этом еще не рассказывал? Ну, послушайте.

Тем, кто не знал французского языка, в Камбодже приходилось туго. Тот же Карлик как-то попросил меня заказать ему вермут, потому что не знал, как по-французски аперитив. Но в тот раз он зашел в китайский ресторан один, чтобы поесть лягушечьих лапок. «Не беда,— подумал он,— ведь я актер, сумею свой заказ изобразить».

Сначала он подражал кваканью лягушек. Вам следовало бы послушать — он выполняет это замечательно. Потом опустился на корточки и прыгал по ресторану. Наконец выпрямился, показал на собственное бедро, изображая при этом лакомящегося гурмана и облизываясь.

Официанты ничего не понимали. Улыбались, подчеркивали пальцами строчки во французском меню,

лежащем перед ним на столе, призвали на помощь остальной персонал.

Карлик снова прыгал, квакал, долго похлопывал себя по бедру. Официанты и повара наблюдали за ним с большим интересом. Наконец один воскликнул, что понял, побежал на кухню, остальные за ним, и все при этом заговорщически подмигивали Карлику: сейчас, мол, уже все в порядке!

Измученный, но счастливый Карлик опустился на стул, а они принесли ему... тарелку лапши.

Веселого рождества!

ВСЕ ЛИ МЫ ПОМНИМ ЭТО?

Нашелся в Калькутте и настоящий рождественский пирог. Мы ели его на следующий день в гостях у наших земляков. Видели мы в этой семье и подарки, полученные на елке детьми. Мальчик получил точную копию автомата — совсем как настоящий. Вместо патронов в него вкладывались электрические батарейки, а когда нажимали спуск, начинался треск, а главное летели искры.

Девочке подарили не менее отвратительную собачку-музыканта, у которой загорались глаза, и при этом она всеми лапками колотила по барабану и тарелкам. Я уже жаловался на электрификацию народных музыкантов и кукольников, но, как видите, сейчас даже детские игрушки без нее не обходятся.

Поэзию рождественской елки создавала техника, в данном случае японская. Впрочем, Калькутта не очень реагировала на праздники. О них не напоминали ни погода, ни настроение. Выйдя из отеля, мы сразу оказывались в большом азиатском городе с пятиллионным населением, наблюдали шумное движение на современных улицах и древних базарах, видели сверкающий американский магазин автомобилей и открытые мастерские котельщиков или у самого тротуара производство индуистских богов в натуральную величину. Мы уступали дорогу свободно разгуливающим коровам и наблюдали людей, которые подбирали их помет и сушили лепешки из этого ценного вида сырья, прилепнув их к стенам, а потом прода-

вали как топливо. Мы побывали в храме бога Шивы, подле которого люди сами сжигают трупы своих родственников, положив их на удивительно экономную кучку дров. Видели, как верующие натирали маслами и увенчивали цветами черные фаллосы, видели, как они подле храма богини Кали в одежде без карманов спускались к реке и купались под табличками с надписью: «Берегитесь карманных воров!»

Множество английских надписей придает городу, несмотря на его экзотичность, сходство с Лондоном. Большие незастроенные пространства в центре напоминают Гайд-парк; там есть ораторы; транспаранты и величественные дворцы, построенные в том же суровом послевикторианском стиле. Те же фильмы сопровождаются такими же рекламами, так же много автомобилей и движение тоже левостороннее. Река Хугли не менее многоводна, чем Темза, а лондонский мост не мог бы, пожалуй, сравниться со здешним железным мостом. Так же, как там, в Англии, далеко от моря выросла одна из величайших пристаней мира. У берега стоят на причале необозримые ряды судов, надписи на их бортах свидетельствуют о том, что они прибыли из Англии, Греции, Голландии — отовсюду.

Видели мы здесь и коммунистическую демонстрацию. Два потока демонстрантов тянулись ко дворцу губернатора, собственно губернаторши, так как калкуттское городское управление возглавляет женщина. Посреди мостовой шагали портовые рабочие в белой одежде, в широких штанах дхоти, представляющих собой полосу материи, обернутую вокруг бедер и протянутую между ногами. У некоторых были в руках суковатые палки, другие несли бамбуковые шесты с красными знаменами. Они шли без духового оркестра, их не сопровождали дети, никто в этих рядах не улыбался. Одни мужчины. С серьезными лицами они озирались по сторонам.

Мы еще хорошо помним, что значит такое выражение лиц. И мы участвовали в таких шествиях. Но все ли мы помним это? На свете до сих пор много стран, где проводятся такие же демонстрации, какие были у нас во время кризиса. Не забываем ли мы об этом? Везде ли вы увидите улыбающихся отцов

с детьми на плечах? Не забываем ли мы, что при таких выступлениях подчас ставится на карту жизнь, и отцы предпочитают сжимать в руках нечто менее хрупкое, чем детские ручки?

Поверьте, мы присматривались ко всему, хотя нашей задачей было устраивать зрелища для других. Мы показали семь спектаклей для рекордного количества зрителей: их было 17 900. По этой цифре вы можете догадаться, что мы играли в большом помещении, куда публика ходила очень охотно. Это была цирковая палатка на территории выставки, даже слишком большая для наших маленьких кукол. Но спрос на билеты был так велик, что и этого помещения не хватало.

После спектакля к нам на сцену приходили особенно дорогие гости. Ежедневно посещал нас бенгальский писатель Чаттерджи, автор пользующейся большим успехом детской пьесы, которая шла по очереди с нашими кукольными спектаклями. Однажды после спектакля пришел к нам показать свое искусство танцор, и аккомпанировавшие ему барабанщики добросовестно объясняли нам все вариации сложных ритмов. Иногда приходил магараджа Кашмира, статный молодой человек со своей прекрасной черноокой супругой. Это один из последних князей Индии, сохранивший еще политическую власть — кашмирский магараджа сейчас губернатор своего штата. Знакомился с нашей закулисной жизнью и племянник Тагора, душеприказчик поэта, человек приветливый и скромный. И, наконец, самым дорогим гостем был Удаи Шанкар.

Только ли моим особенным настроением объясняется, что я хотел написать: «О, Удаи Шанкар!» У меня в ушах все еще звучало: «О, Ангкор!» Я увидел его впервые целых двадцать пять лет назад. И его образ так врезался в мою молодую душу, что остался незабываемым. Он первым привез тогда в Прагу индийский балет и очаровал всех нас. Мне приходилось потом видеть много танцоров и танцовщиц этой страны, но, как это часто бывает в жизни, первое впечатление осталось самым сильным.

У Шанкара было благородное лицо, тяжелые веки, прикрывавшие блестящие глаза, маленькие подвижные ноздри, пряди черных волос спускались до самых плеч. Он был тогда в расцвете сил, но фигура у него была совершенно не такая, как у наших танцоров. Он не походил на античную статую, был не очень мускулистым, скорее мягким, эластичным. И все-таки выглядел гораздо мужественнее, чем многие широкоплечие, узкобедрые танцоры с сильно развитыми икрами. Это был настоящий мужчина.

Его партнершу звали Симкия. В отличие от него она была вся укутана в шелковые одеяния, открытыми оставались только глаза, личико, двигавшееся из стороны в сторону над ровными плечами, жестикулирующие пальцы рук и накрашенные ступни под украшенными колокольчиками икрами. Но как она была обольстительна!

Вокруг этой пары вертелись другие танцоры, а музыканты сопровождали представление неслыханной музыкой на невиданных инструментах... После танца все они вышли на авансцену и, сложив молитвенно руки, благодарили за овации... И этот жест благодарности никогда уж не трогал нас так, как тогда. Удаи Шанкар первым подготовил меня к встрече с искусством других частей света. И если в этой книге много, быть может даже слишком много, абзацев, посвященных экзотическим танцам, то частично в этом виноват он.

И вот после стольких лет мы встретились снова. Оба мы стали старше и тяжелее, но это имело для нас разное значение. У него за спиной было больше лет, чем у меня. Для писателей внешность, к счастью, не имеет значения. Повествуя о чем-нибудь, они не должны представлять перед глазами людей. Старея, они могут все-таки говорить о молодости, могут рассказывать даже после своей смерти.

Удаи Шанкар танцовщик. Вернее, был танцовщиком. Его волосы поредели, на лбу образовались залысины, и лишь в нашей памяти он потрясает шевелюрой. А глаза... От волнения они подернулись влагой, когда я сказал, что мы постоянно вспоминаем о его первом приезде в Прагу. Он жадно слушал, засыпал меня вопросами и нервно потирал рукой покрас-

невший нос, тоже уже не такой, как раньше. Быстро обернувшись, он позвал жену:

— Послушай, этот господин помнит решительно все. Вообрази, он даже Симкию помнит и моего брата Рави знает, слышал его игру на ситаре... Я тебе много раз говорил, что такой публики, как в Праге...

Тут у него дрогнул голос...

СМЕРТЬ В БЕНАРЕСЕ¹

Наше путешествие продолжается. Рано утром мы сели в самолет на калькуттском аэродроме, который называется Дум-Дум. Да, вы угадали, здесь был военный завод, на котором англичане производили эти злодейские пули.

Мы снова поднялись над панорамой с вифлеемскими селениями, увидели четырехугольники водоемов, кубики домов, пучки пальм. Но тщетно искали горы справа. На коленях у нас лежал проспект с призывом: «В отпуск на Гималаи!», на картинках была изображена изумрудная зелень лугов, а над ними цепь белых и розовых вершин со звучными названиями: Канченджанга, Эверест, Гауризанкар, Аннапурна.. В ясную погоду мы могли бы увидеть их из окна самолета, но на этот раз они были скрыты туманом.

Первая пересадка была у нас в Патане. Калькуттский самолет направляется на север, в Катманду. Подумайте, оставался всего час пути до Непала, страны, откуда наши мечты и альпинисты поднимаются на высочайшие горы мира. Но и Катманду скрыт сегодня от нас туманом случайностей. Мы должны лететь в другом направлении. Самолет удаляется от нас в сторону Гималаев, и мы смотрим ему вслед без слез.

Наш самолет летит к Бенаресу, а это город такой же сказочный и давно желанный. К тому же он находится на пути к Праге, и это является решающим.

Мы движемся по направлению к цели, неудержимо приближаемся к дому, рассказ убыстряется, и это не всегда справедливо. Разве Калькутта менее интересна, чем Бомбей? Вовсе нет. А между тем мы посвятили

¹ Восстановлено старинное название Бенареса — Варанаси.—
Прим. ред.

Бомбею двенадцать длинных глав, а от Калькутты отделились неполными двумя. И для Бенареса нам, по-видимому, останется еще меньше места. Итак, в Бенарес!

Постараемся позабыть затхлые боевики из отцовских оперетт, в которых название этого города покачивалось вместе с тюрбанами магарадж и животами баядерок. Позабудем и рассказы о подлинном сердце Индии, находящемся именно здесь, о непостижимой таинственности ее религии и о мистериях расы, которые все еще пережевывают западные фильмы и авторы путевых заметок. И без них в этой спешке трудно будет стряхнуть вместе с пылью чужие взгляды и посмотреть на Бенарес собственными глазами. С чего же начать?

Ни одного магараджи мы здесь не увидели, только их дворцы высились над священной рекой, как фантастические утесы. Вид у них был запущенный. Во времена, когда принцы ездили лечиться сюда, а не на обычные курорты вроде чехословацких Пьештян, их башни и балконы выглядели, вероятно, респектабельнее.

Увидели мы и священный Ганг. Священный он именно здесь, потому что у Бенареса образует излучину в виде полумесяца, а полумесяц — знак бога Шивы. Так говорят одни. А другие объясняют, что воды реки здесь действительно целебны, и это было разумным основанием для создания места паломничества.

Раньше иностранцы удивлялись: неужели Ганг целебен? Его воду пьют, а между тем в ней купаются толпы паломников, людей, страдающих всевозможными болезнями, собирающихся сюда со всех концов страны, где свирепствует множество эпидемий. В воду бросают также остатки костров, на которых сжигали покойников, бросают и целые трупы людей, священных обезьян и коров.

— Из этой воды можно было бы штамповать пуговицы, — прошептал наш Ирка.

Но вообще люди теперь удивляются меньше, чем раньше. Они слышали кое-что об антибиотиках, о целебной плесени и других, творящих чудеса гадах. При взгляде на священный Ганг у них все еще мороз пробегает по коже, но они уже более снисходительны.

— Очевидно, для индийцев эта вода не так уж вредна, — взвесив все за и против, подвел итог местный чех. — Иначе этот народ за последние три тысячелетия наверняка бы вымер.

Три тысячи лет, а то и больше, широко пользуются этой водой. Еще в те времена, когда Будда произнес неподалеку свою первую проповедь, город был центром индуизма. Он пережил столетия распространения новой религии и вернулся к старому Шиве. Пережил средневековое господство мусульманства. Город со своими пятьюстами святилищами остается тем же, чем был когда-то. Самый большой храм Вишна-Ната, его купол и стены облицованы золотыми пластинками. Главная святыня золотого дома — фаллос Шивы, символизируемый овальным камнем в серебряной оправе. Собственными глазами я его не видел, вы уже знаете, что доступ в храм открыт только верующим и коровам. Но в узких улочках города продаются тонны священных предметов и игрушек, раскупаемых паломниками для подарков. Мы тоже привезли в Прагу этот символ божественного пола в детском издании.

Наряду с Шивой и его быком Нанди в Бенаресе поклоняются также подруге Шивы Кали или Дурге. В то время как остальные храмы сравнительно невелики и затеряны среди сплетения улиц, ее храм просторен. Там резвятся обезьяны — мохнатые детишки с лицами усталых стариков. Некоторых я сфотографировал вместе со свастикой, являющейся здесь декоративным элементом, — свастика как раз к лицу обезьянам.

От свастики, конечно, недалеко до лужи крови. Здесь пресловутый алтарь для жертвоприношений Дурге. Я видел два кола, между которыми зажимают шею черной козы. Но как ей рубили голову, я смотреть не стал — торопился. Богиня, изображенная с высунутым языком, посмеялась над моим трусливым бегством: она завела меня в уголок коридора, где в этот момент умирал так называемой естественной смертью распухший, наклонившийся вперед, хрипло и тяжело дышавший самец обезьяны.

И мне и ему некуда было скрыться. У него не было кровати, в которую можно было бы спрятаться, не

было ни куска тряпочки, чтобы натянуть на голову и скрыть свои мучения от прохожих.

Люди умирали в Бенаресе целомудреннее. Притащившись сюда издалека, истратив часто последние рупии, а то и пробавляясь по дороге подаванием, они ложились вблизи священной реки, прикрыв лицо краем одежды. Желали смерти и утешались мыслью, что она наступит здесь, на левом берегу Ганга, откуда дорога ведет прямо в рай. У противоположного берега дурная слава: умереть там — значит, превратиться после смерти в осла. Поэтому он пуст, там нет ни единого домика, там не увидишь ни души. А на левом берегу шум и оживление, теснятся люди, теснятся дворцы. Один лохматый святой дает людям советы, другой, весь осыпанный серовато-синим пеплом, акробатически подтягиваясь на руках, ползет к изображениям божеств. Здесь смерть — счастье. И вот, лежа на тротуаре, эти жалкие люди, в которых едва теплится огонек жизни, ждут, пока он погаснет.

Утром кто-нибудь, проходя по улице, заглянет им в лицо, прикрытое краешком одежды. Мертвых обычно сжигают, но костер обходится не менее двадцати рупий. Трупы бездомных бедняков сбрасывают в реку, остальных сжигают на берегу. Терраса над водой, откуда дым вместе с душами подымается прямо к облакам, называется Маникарника-гхат.

Нас возили туда прохладным утром, как всех туристов, но я предпочитал наблюдать, как купаются тысячи живых — они выполняли свои обряды неподалеку от места погребения. Все уступчатые набережные называются гхатами, их ступеньки спускаются прямо к воде. Мужчины, которые совершают там омовение и пьют воду из ладони, выглядят большей частью здоровыми, я видел там настоящих атлетов. На молодых были лоскутки материи, старики и женщины кутались в мокрые, прилипающие к телу простыни. Вид матери, купающей своего голенького мальчишку, всегда трогателен. Вид простых людей, которые горячо молятся, настойчиво просят чего-то хорошего, очень хорошего, тоже скорее трогательный, чем отталкивающий.

На плотках прямо на воде, на всевозможных мостиках, сбитых из досок и стоящих на камнях, на сту-

пеньках, ведущих вверх, на берег, — повсюду верующие. Погруженные в созерцание, они сидят в позе Будды, закрыв глаза, с сосредоточенными лицами и руками, опущенными на скрещенные ноги жестом буддийских святых. Рядом с ними несколько площадок, над головой зонтик — в эти священные минуты в Бенаресе паломник делает вид, будто это действительно все, что ему в жизни надо.

А в остальном на берегу бурлит земная жизнь, монетки имеют ту же цену, что и повсюду, переходят из рук в руки, ничто даром не дается. Огонек — его дают в храме, чтобы поджечь костер, — стоит не менее пяти анн. Посвяательства на карман паломника бесконечны. Ему надо, например, присесть на корточках перед сидящим тоже на корточках цирюльником и побриться. Надо купить предметы культа. Нужна пища и, наконец, лакомства. Я видел целую лодку школьников, катавшихся по реке, как во время школьной экскурсии. У всех девочек глаза были подведены тушью, одна из них — маленькая, с длинными косами — танцевала, остальные хлопали в ладони.

И на берегу я увидел вечером танцы. Брахманы с венками на шее и падающими на глаза кудрями пели и читали проповеди благодарной толпе вдов, которые доживают здесь свой век в домах призрения. Одновременно в другом месте мужчины-прачки колотили куски пестрых тканей.

И вот мы заканчиваем наше путешествие по Бенаресу и возвращаемся в отель. На лужайке перед террасой заклинитель змей показывает свои фокусы. Собственно, он никого не заклинает, а открывает невероятно запыленные крышки корзин, вытягивает оттуда змей и играет на особом инструменте. Это сухая тыква, имеющая форму банки, из которой выходят две дудочки, одна подле другой. Звук гулкий, словно музыкант сначала накачал тыкву воздухом, а потом стал пропускать его через дудочки. Не знаю толком, как он это делал. Не знаю также, обезвредил ли он заранее свой зверинец.

Я едва успевал следить за кобрами; они напряженно вытягивались кверху, держали вертикально головы, и не исключено, что слегка покачивались в такт грустной мелодии. И все это за несколько гро-

шей. Этот парень всего-навсего мелкий фокусник, бродящий по стране с грязными корзинками на коромысле; он показывает фокусы с ленивыми кобрами, не пренебрегает простыми скорпионами, а вчера окончательно упал в наших глазах, продав одной американке свою волшебную дудочку. И все-таки, когда перед ним поднялась кобра, эта священная змея буддистов и индуистов, воинственно напряженная, бьющая злой головкой по его кулаку, — зрелище было такое странное и вместе с тем внушавшее такой стихийный ужас, что мы забыли о своем привычном пренебрежении к выступлениям фокусников.

Мы смотрели на него долго, изумленно и нена сытно. Лишь последнее действие спектакля не увлекло нас. Заклинатель змей стал вторично собирать у публики деньги на покупку новой кобры взамен той, что танцевала перед нами и будет сейчас отдана на съедение мангусте.

Мангуста походила на большую крысу, поросшую густой серовато-зеленой шерстью. Она нетерпеливо дергала цепочку и рвалась вперед, чтобы броситься на ненавистную змею и задушить ее.

Мы не стали ожидать поединка между хищниками. Нам не хотелось увидеть в Бенаресе еще одну смерть.

ЕСЛИ ЕСТЬ НА СВЕТЕ РАЙ...

Следовало бы на прощание зажечь что-то вроде уютной лампы и расстаться с Индией при объективном освещении. Мне хотелось бы убедить вас, что эта страна не печальнее других стран мира, и здесь — что бы ни бормотали местные святые — люди больше мечтают о жизни, чем о смерти. И чем больше им не хватает самого необходимого для жизни, тем явственнее эта мечта, тем убедительнее.

В мечту я верю. Она все изменит, изменит мир, со временем поведет все за собой.

Не удивляйтесь. Мечта и вера, конечно, слова, напоминающие религиозную терминологию, а по отношению к религии эта книга была до сих пор нетерпимой, даже предвзятой. Мы не скрывали убеждения, что религия слишком долго вмешивалась в управле-

ние государствами, имела достаточно возможности показать, на что она способна, и выяснилось, что способна она на многое. Моисей, Будда, Христос... Разве их церкви не стремились исправить людей, создать более справедливый строй, привить уважение к жизни? После тысячелетних экспериментов результат оказался неважным. Прекратились ли под хоругвями церкви зверства? Не видим ли мы в бывших колониях доказательств того, что миссионеры занимались разведкой для артиллеристов? Если человек был человеку волком, то спиливала ли религия ему зубы? Или скорее наоборот: способствовала тому, чтобы у волков не было оснований жаловаться на перебои в поставке жертв?

И все-таки я отваживаюсь употребить слово «верю». Например, в то, что для людей наука, находящаяся в руках социалистов, полезнее всех религий, вместе взятых. Это, конечно, вера, но не догма. Она ни от кого не требует слепого согласия. Каждый может убедиться, что прививки снижают детскую смертность, а при социализме делают прививки всем детям бесплатно. До тех пор, пока я буду видеть, что сытый более доволен, чем голодный, а социализм дает всем без исключения возможность быть сытыми, моей веры никто не поколеблет. Можно ли кого бы то ни было принуждать к блаженству? Надо ли во что бы то ни стало кого-нибудь переквалифицировать на ангела? Бессмыслица. Но участвовать в ликвидации нищеты я бы хотел. В это я верю, об этом мечтаю, за это готов бороться.

И раз я уж начал исповедоваться, скажу, что я думаю о счастье.

Мы приехали в столицу Индии Дели и осматривали резиденцию бывших властелинов страны — дворец Великих Моголов. Это лабиринт роскошных зданий из алебаstra, окруженных строгими зубчатыми стенами Красного форта. Снаружи строгие стены, а внутри цветочные клумбы, каменные трубы и водоемы с проточной водой, павильоны гаремов с окнами из кружевных, ажурных мраморных плит. Заманчиво светятся каменные бассейны, из выступов, имеющих форму бутонов лотоса, струится горячая розовая вода. Над всем этим высится Павлиний трон прави-

телей, а окружающие стены гладки, выложены цветами и надписями из самоцветов. На стене одного из таких колонных залов двустипшие, звучащее как вздох:

Если есть на свете рай,
Он здесь, здесь, здесь!

Этот рафинированный рай не имеет ничего общего с раем Адама и Евы, это полная противоположность всего простого, естественного. Владыка применял насилие не к одним только подданным, он насиловал и природу, заставлял воду бесцельно плясать по извивам бассейнов, кусты — образовывать бессмысленные арабески на грядках. Построил себе жилище, походящее на драгоценную алебастровую клетку, на ядрышко плода, лежащее на выстланном пухом ложе. Жесткой скорлупой стали крепостные стены, ошетилившиеся снаружи остриями боевых копий. И все это было создано для того, чтобы внутри такого курортного великолепия жил один человек — голый, не работая, ничем не рискуя, ничего не опасаясь. И это счастье?

Моголы думали, что именно в этом счастье. Они воевали, интриговали, жгли и казнили, чтобы их счастье было вечным. Свои колонные залы они противопоставляли всем.

Не удивительно, что остальные люди про себя твердили: «Если это рай, то нам он не нужен, не нужен, не нужен!»

Но власть Моголов не была вечной. После них другие правители, включая английских вице-королей, сидели на Павлиньем троне также непрочно. Исчезли короли и вице-короли, исчезают и последние князья. И похоже на то, что индийцы хотят избавиться не только от вельмож, но и от всяких паразитов вообще, даже самых мелких.

Как-то на шоссе, неподалеку от Дели, я вдруг встретил совершенно голого человека. Вам, вероятно, когда-нибудь снилось, будто вы оказались в одной рубашке посреди оживленной улицы. Это мучительное ощущение. Но этот человек совершенно не смущался, и встречные ничуть не удивлялись, хотя был ясный день и на человеке не было ни ниточки. Он не

походил на обычных оборванных аскетов или фанатиков; ему было лет тридцать, тело у него было чистое, хорошо упитанное, глаза спокойные и выражение лица совершенно нормальное. Больше всего он напоминал мне нашего Йозефа Швейка, которому понравилось в сумасшедшем доме потому, что человек может там делать все, что вздумается, и к тому же его кормят и не посылают на фронт.

А в Индии это возможно и без сумасшедшего дома! Сбрось одежду, становись святым секты джайнов, удовлетворяйся немногим, а это немногое ты всегда получишь от других в виде подаяния, сиди и предавайся созерцанию. И в этом счастье?

Джайны утверждают, что именно такое прозябание — счастье. Они не боролись за свои взгляды, не совершали во имя этих взглядов преступлений, свою добродетель бедности они так настойчиво выставляли напоказ, что в конце концов добились — также бесцеремонно, как Моголы, — счастья за счет других. Могут ли люди согласиться со счастьем знатного Могола, лежащего обнаженным в алебастровом бассейне, или со счастьем подобного Швейку голого человека на улице? «Нет, — сказал недавно индийский министр Кришна Менон по поводу джайнов, — каждый бедный святой обходится нам, остальным, слишком дорого».

Святые ничего не делают и к тому же урывают еду у тех, кто сам не наедается досыта. Отсталой в промышленном отношении стране надо во многом догонять других, народу приходится напрягать все силы, и добровольные нищие являются в сущности паразитами. Эту экономическую истину Азия постигает довольно быстро.

И если среди вас найдутся люди, которые хотели бы вкусить райскую жизнь и полное безделье, они должны поторопиться в Индию и сбросить там одежду, пока таких там еще терпят.

Сам я этого не пробовал, я представляю себе счастье иначе. И к гнездышку Моголов, оберегаемому зубчатой стеной, я тоже не стремлюсь. Кому захочется не жить с людьми, а противопоставлять себя им?

Я за людей.

В Дели мы встречали Новый год, и это мой тост за Индию и за всех вас.

НЕСКРОМНЫЕ КУКЛЫ

В туманную погоду загадки бесконечности начинаются в трех метрах от окна. В Дели было несколько туманных дней, пришлось отказаться от некоторых поездок, а это благоприятствует пищеварению и философствованию.

Застал нас там и самый холодный день в году. Для газет это было сенсацией: температура катастрофически упала — до шести градусов выше нуля. Не думайте, что это пустяк. Окоченевшие босые люди, кое-как завернутые в какие-то простыни, но с головой, обмотанной всеми шерстяными платками, которые им удалось раздобыть, были незабываемым зрелищем. Между прочим, мы видели там также попону для скота, имевшую совсем не такой вид, как у нас в Чехословакии. На спине был вшит специальный мешок для горба буйвола.

Новогодний день выдался прекрасный, светило солнце, и обед у наших друзей в посольстве подавался в саду. Госпожа Майка позаботилась о золотистой чечевице и нашем чешском символе изобилия — свином жарком. Все было как в Праге, если не считать того, что мы сидели на террасе под открытым небом и перед нами расстился индийский ландшафт. Зеленая трава, полосатые белки, которые с вертикально поднятыми хвостами бегали по дорожкам, листва на деревьях и среди листвы обезьянки. На ветвях сидели сердитые голуби — дутыши и «семь сестер», которых так называют потому, что они всегда летают группами по семи. Они величиной с дрозда, но серые с желтыми клювами. И порядочные обжоры.

В связи с этим мне хочется рассказать еще о нескольких особенностях местной кухни. Одна индийская кухарка чрезвычайно таинственно пообещала угостить нас местным блюдом, которого мы, конечно, не знаем, а оказалось оно самой обыкновенной цветной капустой. В другой раз нас угостили загадочными, геометрически правильными валиками, из которых торчала косточка куриной ножки. Когда в валик втыкали вилку, вытекал горячий жир, и это было замечательно вкусно. Я так и не мог понять, как это готовят. Наш посол уверял, что просто высверливают

в воздухе дыру, набивают ее курятиной, оставшееся место наполняют маслом, все это обваливают в толченых сухарях и затем жарят.

На индийской свадьбе я пробовал зарумяненных, перченых кур с гарниром из большого количества зелени, различные блюда из мяса, горячие хрустящие лепешки. Невеста с драгоценным камнем в ноздре без конца подкладывала еду на наши тарелки. Но она напрасно беспокоилась, мы и сами наполнили бы их, все было очень вкусно.

Какую еду можно назвать обычной, а какую экзотической? Обжаренная цветная капуста, перченая курица... На этой свадьбе я разговорился с индийским министром культуры господином Хамаюном Кабиром. Он признался мне, что с детства мечтает увидеть город со сказочным названием Самарканд. «И вы тоже? — воскликнул я, так как мечтал о Самарканде всю жизнь. — Скажите, а откуда вы родом?»

Господин Кабир был из Лахора. Разве не поразительно, что мальчик из Лахора лелеял ту же мечту, что и мальчик из Ческе-Будеёвице? Причем задолго до того, как все мальчишки в мире одинаково стали мечтать о полете на советских ракетах.

Вот видите, я все время твержу вам, что достигнуть взаимопонимания с Азией не так уж трудно.

Дели меньше Калькутты и Бомбея, но в нем выше двух миллионов жителей, и его новый район стремится соревноваться с мировыми столицами. Из президентского дворца открывается такая же перспектива, как через триумфальные арки Парижа. Сам дворец из красного камня не представляет интереса, так как это комбинация европейского академического стиля с древней могольской архитектурой, но размеры его импозантны. Чуть дальше высится полукружие огромного здания парламента. Красивее окрестности: пестрые клумбы, сады, виллы и бесконечные ряды улиц.

Памятники и другие напоминания об английских королях и наместниках постепенно и незаметно исчезают. Например, неподалеку от нашего отеля находилась улица Ян Пат. Ничего общего с каким-либо нашим парнем Яном она не имеет. Ян Пат в переводе

значит: «Дорога народа». Называется она так лишь недавно, местные жители к этому еще не привыкли и по-прежнему называют ее «Queensway» — «Дорога королевы». Было бы нелепо смеяться над этим и предполагать, что народ не дорожит своей улицей. Времена владычества империализма здесь миновали, и никому в Индии не придет в голову тосковать по парадным, во время которых правительство ее величества принимало на таких улицах почести, воздаваемые подданными королевы. Это лишь подтверждает истину, что изменение табличек с названиями улиц революции не делает и вообще не в них дело. Главное, чтобы улицы действительно принадлежали народу. «Что значит имя?» — спрашивал подданный другой королевы Елизаветы, Шекспир.

В Дели мы застали высокого гостя, приезд которого особенно ярко подчеркивал значение Индии как мировой державы. Приехал Кваме Нкрума, премьер-министр Ганы¹, и думаю, что его интересовали не рынки, поставки, займы или военные договоры. Он хотел получить у здешнего народа моральную поддержку в борьбе, которая ведется в Африке с той же целью, с какой Неру проводит свои мероприятия в Индии: с целью окончательного освобождения от империализма, ликвидации последствий колониализма.

Нкрума выступал в том же зале, где обычно играли мы. Это интеллигент с высоким лбом, опытный полемист; вместе с тем в его ораторских жестах порой проступала грация негритянских детей. И тут же он мог твердо опереться о кафедру, как воинственный спринтер. В его выступлениях были одновременно места наивные и сильные. Он возлагал преувеличенные надежды на свободные выборы, на парламент, как на безусловное средство достижения свободы. Но при этом исходил из такой искренней веры в политическую зрелость населения своей части света, что трудно было упрекнуть его.

Еще большее впечатление произвел на нас принимавший его премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Он не выглядит атлетом, скорее он обаятельно строен и элегантен, быстро реагирует на все, его лю-

¹ С 1960 г. — президент Ганы. — *Прим. перев.*

безность не лишена кокетства. В нем чувствуются спокойствие и уверенность зрелого мужа, долго занимающего руководящий общественный пост и со-знающего значение достигнутых им успехов. Если он скучал, то не притворялся, что не зевает. А его улыбка не была едва заметным движением уголков губ.

Я разговаривал с ним дважды. В первый раз на спектакле «Глиняная повозочка», когда он старался растолковать нам смелость инсценировки этой древней драмы. Во второй раз на нашей собственной премьере. Он пришел тогда в сопровождении своей дочери Индиры и ее сыновей.

О создании благоприятной атмосферы в зале заботилась супруга нашего посла, которая сидела между индийским президентом Прасадом и премьер-министром. Она очень волновалась за нас, желала нам успеха, и я старался шепотом убедить ее, что она напрасно беспокоится: все равно сегодня все кончится так же плохо, как в Камбодже, когда на нашем спектакле присутствовал король, — на самом интересном месте погаснет свет.

Увы! так оно и было! Я думал, что провалюсь сквозь землю. Наклонился к Неру и лепетал дипломатические извинения. Но на этот раз в темноте раздался быстрый и прямой ответ:

— Ведь это *не ваша* вина!

Тока не было во всем районе, но, к счастью, очень недолго.

Затем все шло гладко до перерыва, которого мы тоже ожидали с большим напряжением. На этот раз мы перенесли антракт поближе к концу спектакля, так как наши друзья предупредили, что индийские сановники обычно уходят после первой части. Но антракт кончился, а президент и премьер-министр сидели в своих креслах. Почему? Неужели ради прекрасных глаз наших кукол? В высоких политических сферах в такие мотивы не верят, а я все-таки думаю, что ничего сложного здесь не было. Господа развлекались, хотели знать, чем все кончится, поженятся ли наши герои.

Кончилось все в точном соответствии с названием нашего обозрения. Это был успех, журналисты поставили актерам пятерки и если и упрекали их, то глав-

ным образом в том, что они уже торопились ехать из Дели дальше.

Была устроена пресс-конференция, на которой один индийский писатель спросил: «Почему талантливый чешский народ сосредоточивает все свои силы на кукольном театре и не развивает обычного театра?» О, ужас!

Заблуждение индийцев надо было рассеять. Мы уверяли, что у нас, наоборот, сильные живые актеры, имеется густая сеть театров, которые посещают сотни тысяч зрителей. А куклы не играют у нас такой роли, как могло бы показаться, это второстепенный вид искусства... И мы говорили правду.

Но чешских читателей я спрошу по секрету: не следовало ли бы призадуматься над тем, почему кукол Скупы, Трнки или Земана знают во всем мире лучше, чем актеров многих больших храмов нашего искусства?

ТРИ ГЛАВНЫХ ГРЕХА

Премьерой в Дели мои обязанности закончились. Меня сменили, театр должен был играть в следующей стране с другим руководителем, а я мог вернуться домой, к своим делам. Но так как эта книга отражала план и случайности путешествия и не была задумана как стройное целое, мне трудно придумать для нее искусственную концовку, заключительную каденцию. Моя голова полна недорассказанных индийских переживаний, и я ищу кратчайшего пути для бегства из своего повествования.

Но именно кратчайший путь наименее свойствен этим запискам. Они шли часто обходными тропками, начинавшимися с брошенного мимоходом словечка. А книги, так же как люди, не вольны за пять страниц до конца исправляться и умирать не по тем законам, по которым жили. В чем были самые большие грехи моей книги? Во-первых, она слишком много занималась танцем. Так вот что, господа музыканты, сыгравте мне на прощание еще разок.

В Дели для нас танцевала Джамини Кришнамурти. Она молода, красива, у нее чудесная кожа, она во всех отношениях соответствует идеалам индийской

скульптуры. Ее выступление носит ласковое название «Кучипучи», но это серьезный танец — пантомима, изображающая воплощения бога Вишну. Он воплощается в рыбу, черепаху, вепря, героя «Рамаяны»; Джамини предоставляет в его распоряжение свое тело, чтобы дальнейшие воплощения происходили на глазах зрителей.

Религиозную легенду она рассказывает азбукой жестов, пишет ее в воздухе руками, глазами, всем. Губы шевелятся в какой-то немой, прелестной карикатуре на речь, видимо чтобы создать впечатление рассказа и привлечь ваше внимание. Ее глаза так живы и обольстительны, что, замороженные ими, вы все время улыбаетесь. Отрадно смотреть на девушку, плывущую, как рыба, и ласковым движением бровей подающую знак зрителю. А когда она замирает в позе дикого вепря, не боясь сделать отталкивающую гримасу, с вытаращенными глазами, раздувающимися ноздрями, выпятив губы так, чтобы они напоминали свиное рыло, ужас, которым от нее веет, — нежен.

Джамини понравилась нам, но это не было бы достаточным основанием для рассказа о ней. Я хотел еще раз подчеркнуть, что такой танец для иностранца, видящего его впервые, немногим понятнее, чем индийская письменность. А между тем ни в том, ни в другом случае перед вами не произвольные каракули. Каждая черточка, каждое движение рук имеют свое назначение, и знаток легко переведет их вам на ваш язык, на ваш алфавит, а если кому-нибудь понадобится, то и на азбуку глухонемых. Если вы попросите Джамини продемонстрировать свои жесты медленно, порознь, вы поймете, что это не выдуманные, абстрактные знаки, но простые, очень человеческие жесты, которые, собственно, понятны каждому ребенку. Да, вот так выглядит рыба! Да, так выглядят радостное изумление, страх, испуг. Но когда эти движения следуют непрерывно друг за другом, разобраться в них труднее, необходим навык. Так же, как если бы вы захотели принимать на слух передачу по азбуке Морзе во время быстрой работы телеграфного аппарата. Это возможно только при наличии практики.

Поэтому в следующий раз при встрече с экзотическим или вообще непривычным вам искусством не

будьте нетерпеливы и не ворчите сразу, что это... нереалистично. Вспомните танцовщицу Джамини. Она обладала даром нормальной речи и все-таки иногда предпочитала лепет немых, прибегала для рассказа не к словам, а к иным средствам. От природы она была красива, благодаря многолетней тренировке научилась особенно грациозным движениям и все-таки не боялась делать отвратительные гримасы, если это было необходимо для ее рассказа. И, наконец, быстрота не волшебство, салонный фокусник не делает ничего сверхъестественного, просто движения его настолько быстры, что вы не успеваете уследить за ними. И художественное произведение вовсе не нереалистично или даже уродливо только потому, что последовательность знаков в нем такая, к которой мы не подготовлены упражнением или рассудком. Не осуждайте, сосредоточьтесь, смотрите получше, прослушайте новую симфонию во второй, в третий раз...

До свидания, Джамини, до свидания, танцы...

А теперь сосредоточимся на умирании, как сказал писецкий священник, сидя у ложа больного, говорившего только о том, как прекрасна погода, как очаровательно щебечут птицы. Сосредоточимся на окончании книги.

В чем ее главные грехи? Где только можно было, она отклонялась к танцующим девушкам и красивым статуям. Не позволить ли себе эту радость на прощание еще раз, поскольку вокруг Дели столько великих произведений искусства?

Мы отправились в Коджурахо. На аэродроме нас застал рассвет, пылала соседняя мечеть, озаренная красными рефлекторами. Сумрак просыпающегося города остался позади, мы поднялись над плоской местностью, пересеченной длинными тенями. Под нами на шоссе шагали верблюды, их спины сливались с цветом дороги и почти не были видны, и лишь их дрожащие тени тянулись через ближайшее поле.

Через час начали горбиться вершины гор, а после этого мы наконец мягко приземлились в Панне. Здесь мы сели в автобус и проехали еще сорок километров по пыльной дороге мимо охотничьего замка какого-то магараджи. На кого здесь охотились? Конечно на тигров.

Но мы жаждали другого — каменной плоти древних статуй, украшающих местные храмы. Не будем вдаваться в длинные описания, на это у нас нет времени, да и вопрос этот слишком таинственный и сложный. Храмы Коджурахо, воздвигнутые в десятом веке, принадлежат к числу индийских святилищ, особенно прославленных эротическим искусством. Портретами небесных танцовщиц с миндалевидными глазами, тонкими талиями, изящными бедрами, круглой грудью мы любовались и в других местах. Но на стенах этих храмов наряду с обаятельными солистками необозримое множество нежных парочек, целых групп людей, неприкрыто сосредоточенных на любви во всех ее возможных и невозможных, прямо-таки акробатических вариациях.

Проблема наготы в искусстве для нас тоже ненова. Мы касались ее в наших предыдущих записках о путешествии по Гватемале, когда хотели разобраться в том, почему в некоторые эпохи искусство обходилось без изображения обнаженной натуры, без всякого элемента эротики. Прямо бросается в глаза, как упорно индейцы майя на своих стелах восьмого столетия и мы сами на выставках периода первой пятилетки избегали подобных мотивов. А между тем другие эпохи любили эти темы. На индийских храмах интерес к ним был столь бурный, что европейец не найдет ничего подобного даже в не открытых для общественного обозрения собраниях находок в Помпеях. Причем римляне такими изображениями декорировали публичные дома, и их возбуждающие функции понятны. А в Коджурахо гораздо более смелыми статуями украшены открытые для всех храмы божьи, причем не какие-нибудь священные «отдельные кабинеты», а фасады. Это понять, очевидно, гораздо труднее.

Прежде всего прошу вас не думать, что нравы на Востоке свободнее наших. Как вы знаете, в индийских фильмах никто не раздевается, влюбленным не разрешено целоваться. Даже из иностранных фильмов такие места вырезают. Я заметил, что в Национальном музее в Дели некоторые посетители, так же как во всем мире, пририсовывают обнаженным статуям различные натуралистические детали. Это свидетельствует о том,

что эротические причуды во всем мире одинаковы и одинаково проявляются. В этом вы можете убедиться по каракулям в уборных.

И, наконец, мы убедились в том, что современные простые, необразованные индийцы тоже теряются перед такой проблемой, как статуи Коджурахо. Жители деревень, расположенных по соседству с храмом, утверждают, например, что любовные сцены охраняли эти строения от молнии. Поэтому они уносят из руин статуи и используют их в качестве громоотводов. Культурные индийцы хорошо знают, что такое наивно суеверное толкование не объясняет чувственного великолепия произведений скульптуры, поэтому они создали много других теорий.

О восхвалении обнаженного тела, об искреннем наслаждении радостями жизни здесь говорят меньше, чем в эстетических теориях Запада. Приводят скорее философские доводы, которые могли бы объяснять вопрос, говорят о символах эстетического единства в природе, о прославлении созидательного слияния мужского и женского начал, приводят и примеры движения небесных светил. Много говорят о так называемой мистике тантров, стремившихся впрячь стихийную силу полового влечения в хомут религии и при ее помощи быстрее проложить путь к спасению. (Вспомните, что мистика католического барокко использовала как двигатель фанатичную влюбленность в деву Марию.) Другие говорят, что спастись нельзя, пока не преодолеешь мысли о плотской любви, а это невозможно, пока ее соблазны не стали хорошо известными и совершенно безразличными. Согласно этой странной теории скульптура пропагандировала противоположное тому, что изображала. Так же, как если бы мы боролись против пьянства, распространяя изображения блаженствующих пьяниц.

Я спрашивал людей и книги, получал много ответов, однако среди них не оказалось ни одного, которому можно было полностью поверить. И тогда я обратился за ответом к парочкам, сделанным из песчаника. У некоторых вид был восторженный, что естественно в подобном положении. Другие улыбались так же загадочно, как тысячи азиатских статуй в самой безупречной ситуации. А некоторые даже поды-

мали брови, словно все происходящее с ними их не касалось.

Тогда я обратился к другому типу фигур — к тем, которые лишь присутствовали при происходящем, лишь наблюдали. Одни имели при этом взволнованный вид, другие равнодушный, третьи стыдливо закрывали лицо и предпочитали смотреть в сторону. Все эти три позы, по-моему, чрезвычайно интересны. Они свидетельствуют о том, что индийские художники смотрели на свои скользкие темы приблизительно так, как могли бы смотреть мы, люди, не преклоняющиеся перед философией и мистикой Древнего Востока: либо завороченные любопытством, либо безразлично, либо с полным сознанием того, что перед ними грубый вызов целомудрию. Но это совпадение между нашим и их отношением не только не уменьшает загадочности, но, наоборот, увеличивает ее. Хотя мы понимаем друг друга и, следовательно, могли бы прийти к одинаковым выводам, такие изображения никогда не попадали на фасады наших храмов. Почему же это произошло у них? Почему вообще создавали такие статуи, да еще в таком количестве, и почему сейчас никто из потомков этих художников не знает, чем это было вызвано?

Хватит.

Так же, как в связи с рассуждениями о загадках танца масок, обещаю: как только узнаю больше об этом эротическом искусстве, напишу.

Но не забыл ли я о третьем грехе? Не говорилось ли в этой книге слишком много и слишком строго о гигантских постройках, о бессмысленных пирамидах?

В четырех часах езды автомобилем от Дели находится город Агра, а в Агре жемчужина Индии Тадж-Махал, считающийся красивейшим зданием мира. Его вы должны посмотреть, говорили нам. Должны ли? Перед самым отъездом в Прагу у меня случайно выдался свободный денек. Багаж я давно запаковал, с товарищами кукольниками распрощался, и мысли мои уже были далеко от Азии. Зачем же мне именно сейчас осматривать Тадж-Махал, это конфетное, всеми туристами захватанное великолепие?

Все вы, конечно, видели изображение этого светлого купола с иглами четырех минаретов по сторонам.

Если бы я умел рисовать, то нарисовал бы это здание по памяти, так хорошо я знал его. Но потом меня все-таки уговорили, и наступил момент, когда я вошел через монументальные ворота в сад. Открылся вид на декоративные кусты, на гладь бассейнов, на здание. Передо мной был и не был Тадж-Махал.

Здесь было все, что тысячи раз воспроизводилось в виде плоских и стереоскопических иллюстраций, что рисовали художники и воспевали поэты. И все-таки это выглядело совершенно иначе. Возникло ощущение воздуха, объема, осязаемой массы и трепещущего небесного света. При виде красивого ребенка у людей часто вырывается возглас: «Так бы и съел его!» Мысль о возможности применить такое каннибальское выражение по отношению к громадному зданию у меня возникла здесь впервые.

Тадж-Махал действительно так красив, что его хочется съесть. Он кажется воплощением мечты о чем-то бесконечно прекрасном, мечты, осуществленной в самых мельчайших подробностях. Шах-Джахана задумал его как мавзолей для своей любимой жены Мумтаз, и мастера воздвигли его из нуги, замороженных сливок, светлого шоколада, изюма, фисташек, сахарной глазури. Как только рассветает, солнце обливает все это теплой ванильной подливкой. Здание было вынуто из формы, оставившей на нем нежные извилины углублений, в которых вечно таятся тени турецкого лакомства — халвы. Стены нашпигованы драгоценными камнями-орешками, решетки возникли там, где птицы, лакомясь, проклеывали алебастровые стены...

Халва — метафора, напоминающая нам о том, что Тадж-Махал строили не индийские архитекторы, а художники мусульманского Ближнего Востока. Поэтому красота этого вдохновенного здания без статуй и эротики так не похожа на совершенно иную, индийскую красоту Коджурахо. Мы говорили до сих пор об архитекторах, не открывших тайны сводов и умевших обходиться без них, так как им не нужны были большие перекрытые помещения. Могольские архитекторы Тадж-Махала принесли эту тайну из Старого Света и виртуозно владели ею. Они предавались оргии сводов, хотя должны были построить лишь помещение для хранения маленького гроба женщины, а не здание

для общественных собраний. В результате бедная Мумтаз, при жизни замученная четырнадцатью родами, лишилась покоя и после смерти: почти все посетители, забывая об уважении к смерти, кричат здесь «У-у-у!», чтобы послушать, как звучит эхо.

Раньше мы рассуждали о смысле таких построек, о том, кто за них платил. Здесь мы уже не задаем такого вопроса. Мы видели на лесах каменщиков, ремонтировавших здание, женщин с тяжелыми браслетами на ногах, которые камнем растирали на камне алебастр. Видели целые группы их подручных, в живописных одеждах ходивших взад и вперед с мисками песку на голове — одна наша тачка играючи заменила бы тридцать таких работников, но здесь она еще не изобретена, — все это видели, но не думали о трудностях и стоимости строительства.

Здание воздвиг властелин для своей супруги — то ли из любви, то ли по соображениям престижа, — на него было затрачено огромное количество рабочего времени, похищенного у производства более полезных вещей. Но оно создано. И оно прекрасно.

Я не говорю, что одобряю это. Но поскольку создание так прекрасно, не могу не склониться перед ним с глубоким уважением.

Это художественное произведение. Люди иногда делают больше, чем могут, и имеют право сделать, а когда это им удастся, возникает чудо. Сколько труда, сколько рабочих часов, сколько скрытых страданий вправе мы затратить на создание чуда?

Январь 1960 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр. 5
I. Бомбей	
Журавль в небе.— Барьерный бег.— День авиации.— Премьера.— Между манекенами и барабаном.— Оживление в зале.— Изюминка театра.— Литературный ураганный огонь.— Киноштрудль.— Грифы и черви.— Колебания воздуха.— Разная красота.— Чемодан, полный Бомбея.	
II. Цейлон	63
Названия благоухают и издают зловоние.— Вид с балкона.— Первые и последующие завоеватели.— Полет автобусом.— Путь в горы.— Десятиминутка по вопросам буддизма.— Стерилизованное искусство.— Идолы в действии.— Канди и его лакомства.— Галле или желчь после конфет.— Смех сообразительных детей.— Волшебные маски.— Люди в джунглях.— Джунгли в людях.— Священный город.— Остров на острове.— Коломбо — Мадрас — Сингапур.	
III. Ява	132
Вы куда-нибудь торопитесь? — Джакарта растет.— Двусторонние предрассудки.— Искусственный пейзаж.— Бандунгская смесь.— Утро над Азией.— Наши на Яве.— На минутку в Париж.— В дороге все вкусно.— Танцы без адресата.— Гамелан, ваянг, даланг.— Пугающе смешные божества.— О вещах, символизирующих мир.— Интермедия, посвященная микрофону.— Гиганты на пути человечества.— Зрелище для богов.— Почему? Потому что потому кончается на у! — <i>Bhinneka tunggal ika</i> .	
IV. Камбоджа и Индия	202
Хлеб дипломатов.— У сказочного короля.— Плач, смех и влюбленные.— Конец Дон Жуана.— Национальный театр в джунглях.— Прекрасные камни.— Небесные хлевы.— Улыбки и то, что произошло после них.— Нитки.— Все ли мы помним это? — Смерть в Бенаресе.— Если есть на свете рай...— Не скромные куклы.— Три главных греха.	

Норберт Фрид
С КУКЛАМИ К ЭКВАТОРУ

*

Редактор *Д. В. Недосекин*
Младший редактор *Н. С. Шаповалова*
Художественный редактор *А. Г. Шикин*
Технический редактор *Э. Н. Виленская*
Корректор *П. И. Чивикина*

Сдано в производство 13/XII-61 г. Подписано в печать
2/IV-62 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Печатных листов 8,5, вкл. 3.
Условных листов 16,94. Издательских листов 17,49.
Тираж 115 000. Цена 82 коп. Заказ 2492.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза, Москва, Ж-54,
Валовая, 28.

ГЕОГРАФИЗ ИЗДАЕТ

в 1962 году

*следующие научно-художественные
и научно-популярные книги
о зарубежных странах*

Дружинин В. В НАШЕМ КВАДРАТЕ ТАЙФУН

(из дневника путешествия вокруг Азии), ц. 52 коп.

Писатель В. Дружинин совершил интереснейшее плавание на теплоходе вокруг Азии — из Владивостока до Одессы.

Читатель побывает вместе с ним в Токио и Шанхае, в Джакарте и Бомбее, познакомится с Джибути, совершит экскурсию к пирамиде Хеопса и развалинам Акрополя.

Книга выходит в серии «Путешествия. Приключения. Фантастика».

Михайлов Е. Д., Талызин Ф. Ф. ПО ГОРОДАМ США

ц. 61 коп.

Книга рассказывает о том, что увидели ее авторы за время пребывания в США. В ней описывается облик и современная жизнь нескольких крупнейших городов страны — Нью-Йорка, Чикаго, Вашингтона, Сан-Франциско, Лос-Анджелеса. Книга насыщена интересными эпизодами, содержит любопытные зарисовки, наблюдения, а также немало познавательного материала.

Книга выходит в серии «Путешествия. Приключения. Фантастика».

